

От редколлегии

В преддверии VI конгресса российских этнографов и антропологов в Санкт-Петербурге редколлегия журнала «Антропологический форум» решила провести опрос для того, чтобы выяснить мнение этнографов и антропологов относительно состояния научной дисциплины и научного сообщества. Мы полагали, что такой опрос позволит составить некоторое представление о том, чем живут наши коллеги, что их беспокоит, какими они видят пути развития своей науки. С этой целью редколлегия обратилась к этнографам и антропологам из разных научных и образовательных центров с просьбой дать развернутые ответы на сформулированные ниже вопросы¹.

---

¹ Первая рассылка была ориентирована на ближние и дальние российские регионы (Москва и Петербург не были в нее включены). Вопросы были разосланы по 150 адресам. К назначенному сроку пришли 2 ответа. На вторую рассылку, включавшую, кроме прежних адресов, Москву и Петербург, откликнулись 45 человек. Эти сведения сами по себе в некоторой степени характеризуют состояние этнографического сообщества.

- 1 Как Вы оцениваете современное состояние российской этнографии/антропологии?
- 2 Какие события в научной жизни за истекшие два года (со времени предыдущего Конгресса) Вам представляются значительными (конференции, проекты, публикации)?
- 3 Какие исследовательские проблемы Вы считаете наиболее значимыми и/или перспективными (соответственно, бесперспективными) для нашей науки? В каких направлениях можно (соответственно, нельзя) ожидать появления нетривиальных результатов?
- 4 Как Вы считаете, в какой мере результаты исследований российских этнографов/антропологов учитываются западными коллегами (и вообще известны им); и, наоборот, в какой мере российские этнографы/антропологи учитывают (и знают) результаты своих западных коллег?
- 5 Что, с Вашей точки зрения, препятствует продуктивным исследованиям (если не иметь в виду финансовых проблем)?
- 6 Какие вопросы должны обсуждаться в первую очередь на таких форумах, как предстоящий Конгресс?
- 7 Можно ли говорить о существовании сообщества российских этнографов и антропологов? Если да, то в чем оно выражается и насколько оно значимо для Вас? Если нет, что следует сделать для его создания?

СЕРГЕЙ АБАШИН

1

Я — пессимист. И мой пессимизм проистекает из опыта деятельности в качестве члена редколлегии «Этнографического обозрения» и «исполнительного директора» Ассоциации этнографов и антропологов России. На мой взгляд, российская этнография находится в удручающем положении. В ней по-прежнему господствуют давно устаревшие теории и подходы. Прикладные исследования, целью которых часто является элементарное зарабатывание денег, все больше вытесняют фундаментальную науку. Молодые люди, которые отваживаются посвятить жизнь этнографии, часто имеют не очень качественное образование и весьма искаженное представление о том, чем эта дисциплина занимается. Сложная система начальников и подчиненных препятствует здоровой конкуренции и карьере. Одним из основных признаков упадка является почти полное отсутствие публичных дискуссий. Причина этого — не только нежелание «ссо-

**Сергей Николаевич
Абашин**

Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

риться» с коллегами, но и очевидный дефицит идей, которые можно было бы серьезно обсуждать. Если что-то похожее на дискуссию и появляется, то это больше напоминает перебранку и выяснение отношений. Может быть, я сгустил краски, но поводов для оптимизма у меня в последнее время было не очень много.

2

Ничего значительного за два года, на мой взгляд, не произошло. Российская этнография продолжает находиться в состоянии вялотекущего распада. Я, конечно, не хочу утверждать, что ничего положительного, новаторского, многообещающего совсем нет. Справедливости ради надо сказать, что активизировались поездки в поле и стало больше издаваться литературы. Были опубликованы интересные исследования. Мне понравились книга Н. Вахтина, Е. Головки, П. Швайцера «Русские старожилы Сибири», книга И. Утехина «Очерки коммунального быта» (2-е издание, первое издание вышло еще в 2001 г.). Я рад переводам классических работ Б. Андерсона, К. Гиртца, П. Бурдьё, Б. Малиновского. Стал издаваться журнал «Антропологический форум». Ищет новый формат «Этнографическое обозрение». Из журналов, затрагивающих этнографические сюжеты, я бы назвал «Ab Imperio», «Неприкосновенный запас», «Новое литературное обозрение», «Вестник Евразии». Я бы особо выделил качественную деятельность этнологического факультета в Европейском университете в Санкт-Петербурге и Центра понтийско-кавказских исследований (Краснодар). Казалось бы, все перечисленное опровергает мой тезис о «распаде». Но в том-то и дело, что все или почти все интересное и новое совершается за пределами так называемого этнографического сообщества и поэтому нередко даже не рефлексирует себя как этнографию. «Этнография» же провинциализируется и маргинализируется в худшем значении этих слов.

3

Ответ, казалось бы, прост. Этнографы должны в первую очередь заниматься теми проблемами, которые волнуют российское общество. Это миграции, разного рода фобии, бедность и богатство, стратегии выживания, экстремизм, власть, спорт, границы, «советскость» и т.д. Однако наша наука, за редкими исключениями, продолжает с упорством, достойным иного применения, изучать «этноты» и «традиции». Казалось бы, сколько было написано критики в адрес прежних подходов, сколько было приведено аргументов, чтобы показать их ущербность! Но «этнографическое сообщество» по-прежнему продолжает ковыряться в «отстойных» темах, отдавая все самые живые и современные проблемы на откуп своим дисциплинарным конкурентам — культурологам, социологам, даже философам.

4 В последнее время в конкретных сферах контакты западных и российских этнографов усилились. Это взаимный процесс. В традиционном для российских этнографов поле ныне активно работают западные исследователи, интерес которых к работам российских ученых растет. В свою очередь, и российские этнографы волей-неволей должны учитывать результаты изысканий своих западных коллег, насколько это позволяют знание языков и возможности следить за зарубежными изданиями. Однако это взаимное сближение пока не приобрело нового качества. Причины? На Западе еще не преодолен до конца советологический комплекс пренебрежительного отношения к российской этнографической школе. В России же по-прежнему сохраняется убеждение в самодостаточности и самоценности наших «достижений».

5 Разруха в головах... И некачественное образование.

6 Мне представляется очень странным и одновременно симптоматичным, что на конгрессах этнографов и антропологов не обсуждают такие вопросы, как профессиональная этика, отношения науки и власти, переосмысление советского опыта, борьба с ксенофобией, соотношение науки и идеологий и т.д. Я помню, как организаторы V Конгресса этнографов и антропологов попытались организовать секцию, посвященную методике и практике полевых исследований. Казалось бы, сугубо этнографическая тематика, которая должна обязательно обсуждаться на каждом значительном этнографическом форуме. Подали заявки на секцию не более 5 человек! Секции же с весьма отвлеченными и мало внятными названиями собирали по 30–40 заявок! Я, откровенно говоря, не знаю, как переломить такую ситуацию.

7 Несмотря на наличие внешних признаков (регулярные конгрессы, журналы и пр.), сообщества этнографов как такового нет. Главное, на мой взгляд, нет единого понимания, что объединяет всех тех ученых, которые называют себя этнографами. Какие у них проблемы? Какие интересы? Как должна выработаться общая стратегия развития дисциплины? Как это общество может и должно влиять на своих членов и как оно может и должно взаимодействовать с остальным этнографическим миром? ... Ни один из этих вопросов не имеет ответа. Более того, подобные вопросы даже не обсуждаются. И это самый верный признак того, что российское этнографическое сообщество мертво или по крайней мере тяжело больно.

ЭДУАРД АЛЕКСАНДРЕНКОВ

1

Чтобы оценивать, нужны критерии. Что брать за критерии состояния нашей науки? Количество работ, их качество, проблемы? Количества — много, качество — разное, проблемы — всякие. На мой взгляд, в нашей этнографии мало обобщений, объяснений того, что мы изучаем, т.е. теории вообще и частных теорий. Попытки группы «Этнометодологии» явно не вызвали ожидаемой реакции тех, кому был направлен зов. Круг пользователей серии сборников о системах родства тоже невелик.

Причина такой ситуации — слабая интенсивность интеллектуального поиска. Сейчас ясно, что прежние основные постулаты нашей науки неудовлетворительно (частично, неполно) объясняли действительность. А новых тоже пока нет. Уже пошла четвертая пятилетка, с тех пор как появилась возможность публичного сомнения в единственной и единой парадигме, а горькое предсказание В.Н. Басилова о том, что *«большой теории в ближайшие годы не предвидится»* (Басилов В.Н. Этнография: Есть ли у нее будущее? // ЭО. 1992. № 4. С. 13), оказывается верным. И расцвета малых этнографических теорий все еще не видно, хотя условия для этого вроде бы есть: возможности получения новых фактических материалов и, главное, возможности более свободного суждения о проблемах.

Если все это считать кризисом, то едва ли его можно объяснять только сменой социально-экономического строя. «Кризисы» в этнографии имели место и в странах, которые в отличие от нас не меняли коренным образом свою социально-экономическую ориентацию. «Кризис» в нашей науке сегодня выражается скорее не в замене одних объяснительных концепций другими, а пока еще в сомнении в прежних установках и отсутствии новых. Попытки опереться на то, что сказано и говорится к западу от нас, убеждают далеко не всех.

2 В американистике — публикация коллективной монографии «Традиционная материальная культура сельского населения Кубы» (М., 2003), которая завершила многолетние совместные с кубинцами работы над этнографическим атласом Кубы, начатые в 1980 г.

3 Этнография, как и другие отрасли знания, постоянно находится в процессе изменений разного рода: меняются ее объекты, цели, методы, не говоря о субъектах. Направления исследований зависят от разных, не всегда напрямую связанных обстоятельств, главными из которых, видимо, являются социальная потребность и индивидуальный интерес исследователя. Социальная потребность выражается в форме готовности научного учреждения (а еще больше — держателей грантов) финансово поддержать те или иные направления исследований. Но и позиция исследователя не так уж мало значима, так как кое-что зависит от его убежденности в важности данной темы и способности убедить тех, у кого есть финансы. Совпадение этих устремлений, скорее всего, может дать наилучший результат.

У нас долго еще, вероятно, будет субсидироваться изучение проблем, непосредственно затрагивающих (бередящих) общество, а более точно — власть или имущих. Это, конечно, проблемы внутренние. Зарубежная тематика, почти дышащая на ладан, не будучи поощряемой, за исключением чрезвычайных обстоятельств, может вырождаться до уровня любительского, держашегося на энтузиазме одиночек.

Что касается нетривиальных результатов, они могут появиться там, где будет нетривиальное мышление. Скорее всего, там, где можно мыслить более свободно, но и более обоснованно. Сейчас у нас, кажется, первого больше, чем второго. А предугадать нетривиальные результаты трудно, иначе они и не были бы таковыми.

Одной из интересных тем могло бы быть исследование «культуры выживания, или приспособления», если развивать линию мышления «культура завоевания — культура нищеты — культура присвоения» и вспомнить традицию изучения «образа жизни». Здесь очень много материала для изучения и обобщений.

4 Термин «западные коллеги» неточен. Попробуйте представить себе коллег из разных стран только Европы (Франция, Англия, Италия, Испания, Германия, Австрия, Скандинавские страны и так далее). А есть еще другие, а кроме них — США и Канада, да еще Латинская Америка. Едва ли во всех странах есть одинаковое представление о российской этнографии. Во многих местах (думаю, в большинстве) его просто нет. В некото-

рых кое-что осталось от идеологической конфронтации и переводов еще советского времени. Что-то известно через недавние переводы отдельных работ и появляющиеся изредка статьи наших авторов в зарубежных журналах. Что-то более конкретное становится известно через всякого рода конгрессы, съезды, конференции, чаще региональные, чем мировые.

Эффект от всего этого знакомства с нашей наукой, на мой взгляд, незначителен. Очень редко в зарубежных работах общего характера на европейских языках упоминаются наши авторы. Допускаю, что чаще — в специализированных региональных изданиях. В общем мировом обороте это очень мало. Для изменения ситуации надо бы подумать о создании центра переводов на иностранные языки, подобного «Прогрессу» или издательству «Общественные науки». Но для переводов должен быть и определенный уровень материал. Есть ли он у нас? Вполне возможно, но опять же, прежде всего, он касается частных проблем. Ясно, тем не менее, что если не будем размышлять над своими (да и чужими) проблемами, то для мирового сообщества наша этнография еще в большей мере, чем теперь, будет интересна только как объект изучения, а не как субъект.

Что касается второй части вопроса, препятствием для знакомства с зарубежной литературой все еще служит языковой барьер. Только отдельные лица следят за тем, что происходит в сфере их исследования за рубежом, или за общими тенденциями развития этнографии. Они являются в определенном смысле переводчиками (может быть, переносчиками) новых идей в нашу среду. Ограниченность числа таких людей, конечно, замедляет проникновение этих идей в нашу среду. Пока соберемся заняться какой-то проблемой, которую увидели на Западе, там ее либо уже забудут, либо пересмотрят. Нас почти убедили в том, что этносов нет, а есть только этничность, а «там» уже появились сомневающиеся в наличии этничности; мы только привыкаем пользоваться термином «постмодернизм», а его уже критикуют. Фр. Барт давно отказался от противопоставления границы и содержания этнического, а мы все еще цитируем его работу 1960 г. (если вообще ее знаем) как последнее достижение в этнографии и т.д.

Определенной трудностью в усвоении новых идей представляется то, что мы мало задумываемся о нашем концептуальном аппарате. Язык «западных» этнографов мы нередко не переводим (не обдумываем его) на наш, мы его просто переносим, т.е. берем понятия и используем их, как будто понимаем их или как будто эти понятия не нуждаются в переводе-истолковании. Ясно, что наша реальность изменилась и для ее объясне-

ния должен быть другим и наш язык. Но если соответствующих понятий и терминов еще нет в нашем языке и мы вынуждены адаптировать «чужие» слова, нужно их хорошенько осмыслить!

5 Пожалуй, больше всего стереотипизированность, несвобода и в то же время нестрогость мышления, пренебрежение теоретическим поиском или даже отвращение к нему. Какова причина этого? Может быть, она лежит в неправильном понимании задач исследования. На мой взгляд, они не в том, чтобы «найти истину», сказать последнее слово, а в том, чтобы «искать истину», разрабатывать (не ставить цель решить раз и навсегда) проблему. Такой подход дает больше возможностей получения разных ответов (интерпретаций, теорий). Сложность, однако, в том, что практике (прежде всего, управлению, власти, имущим) нужны «твердые» истины для планирования своей политики. Одна из причин нашей теоретической небогатости, возможно, кроется в убеждении, выросшем из многолетней практики, в том, что развитие нашей науки, какого-либо ее направления, а нередко и положение отдельного исследователя зависят от возможности выживания, которое, в свою очередь, зависит от степени «практического применения» их исследований. При этом общие теоретические проблемы, не имеющие конкретного выхода, оставляются отдельными исследователями (большой их частью?) на потом или для других людей.

6 Любые, что представляют интерес всегда или в настоящее время. Надо лишь, чтобы они были таковыми для всех этнографов/антропологов, и не нужно делать главной темой ту, что привлекательна лишь для специалистов по тому или другому региону, как в случае с пятым по счету конгрессом.

7 Вероятно, можно. Для меня это сообщество важно как совокупность специалистов, среда, которая может оценить мой труд.

ЮРИЙ БЕРЕЗКИН

**Юрий Евгеньевич
Березкин**
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

1 Я плохо осведомлен о состоянии дел в российской этнографии/антропологии за пределами МАЭ РАН. Те соображения, которые возникают, изложены в ответах на другие вопросы.

2 Ответ следует из позиции, отраженной и далее. В российской этнографии/антропо-

логии вряд ли может случиться событие, интересное всем и вся (ну разве что всем повысят в пять раз зарплату или потребуют писать ежемесячные отчеты). У каждой локальной и профессиональной группы есть свои приоритеты. Меня лично крайне радует существование такого журнала, как «Археология, этнография и антропология Евразии», и появление нашего «Антропологического форума». Не могу не выразить благодарность организаторам прошедшей в сентябре 2003 г. во Владивостоке конференция «Из века в век», в которой мне довелось участвовать. Однако все подобные впечатления крайне субъективны и индивидуальны.

3

На этот вопрос ответить как раз нетрудно. Вряд ли даже в самых отдаленных уголках России сохраняется возможность собрать что-то новое по традиционной культуре. Соответственно остаются два направления. Во-первых, текущие изменения в обществе и культуре — необозримое поле деятельности. Во-вторых, сравнительные кросскультурные исследования на основе музейных, архивных и опубликованных материалов. Друг с другом эти направления практически не пересекаются, по существу это две разные дисциплины. Первое направление тесно связано с социологией, второе — с археологией и прочими науками о прошлом. Значительная часть (большинство?) сотрудников этнографических учреждений вовлечены, однако, в проекты третьего рода: описание отдельных культур и локальных культурных явлений по публикациям, архивным материалам и пр. Даже лучшие из подобных работ (а среди них есть замечательно интересные, хотя бы «Лики власти Благородной Бухары») лишь ограниченно конкурентоспособны на международном рынке, ибо специалисту ничего кардинально нового не предлагают.

4

Ответ зависит от направленности исследований. Как российские, так и зарубежные этнографы/антропологи интересуются тем, что для них важно в силу их специализации. Японцы и американцы прекрасно осведомлены о российских исследованиях на Дальнем Востоке, поскольку сами участвуют в этих экспедициях и владеют русским языком. Эстонцы и финны в курсе работ по уральской проблематике. Подобный интерес — прикладной, зарубежным коллегам нужны факты, а не интерпретации, которые они способны предложить и сами. Степень знакомства российских специалистов с зарубежными исследованиями также сильно варьирует и определяется вовлеченностью в конкретные международные программы, владением иностранными языками и пр. Если говорить о знакомстве с зарубежными теоретическими разработками, то в большинстве случаев оно, как я полагаю, близко к нулю. К подобной литературе обращаются лишь те, кто специализируется на

изучении современных этнокультурных процессов. Для остальных подобная литература и малоинтересна, и часто труднодоступна.

5 Оставить за скобками финансовые проблемы непросто, ибо отсутствие финансирования предельно ограничивает полевую работу. Если это ограничение не ощущается столь уж болезненно, то лишь потому, что заложенные в дореволюционной России и развитые в 1920-х гг. традиции полевой работы были уничтожены в последующую четверть века. В результате образ сотрудника этнографо-антропологического учреждения давно уже не предполагает участия в экспедициях как неотъемлемой части профессиональной деятельности. Не менее пагубным является и относительно слабое владение молодых (да и не только молодых) специалистов иностранными языками, особенно тех, кто работает по зарубежной тематике. Этот недостаток также есть отчасти следствие бедности: Европа, не говоря уже о более далеких странах, для россиян, связавших себя с наукой, остается закрытой, о нашей интеграции в европейское сообщество антропологов нет и речи.

6 Опыт конгрессов, на которых мне приходилось бывать, показывает, что эффективное обсуждение возможно лишь в рамках маленьких (10–20 участников) коллективов, члены которых заинтересованы в решении конкретных проблем и получении конкретной информации от коллег. Пленарные сессии либо носят этикетный характер, либо в них активно участвуют лишь их организаторы, а остальные скучают или беседуют с друзьями. Соответственно на конгрессах должны обсуждаться все те вопросы, которые заявлены организаторами секций. Все интересное на конгрессе, взятом как целое, происходит в кулуарах, на банкетах и во время экскурсий, когда коллеги, работавшие в разных секциях, могут пообщаться по самым разным вопросам.

7 Думаю, что такого сообщества быть не может, как не может быть сообщества американских или французских этнографов и антропологов. То есть такие сообщества можно формально создать, и они создаются, но значительное число (скорее всего, большинство) специалистов в соответствующей стране не испытывают к ним интереса и занимаются своим делом. Для того чтобы национальное сообщество стало реально функционировать, у него должна появиться особая цель. Не могу придумать других целей, кроме увеличения финансирования и избавления от растущего в последние годы бюрократического контроля. Однако здесь этнографы не составляют отдельной группы, они лишь часть более широкого сообщества тех, кто вовлечен в изучение человека и культуры (историки, лингви-

сты, археологи, физические антропологи, популяционные генетики и пр.). Ведь междисциплинарные границы проницаемы, порой совершенно условны. Не исключено, что подобное объединение было бы способно даже поставить перед собой какие-то чисто научные задачи, однако слабо верю, что оно когда-либо возникнет.

ВИКТОР БОЧАРОВ

1

7

Думаю, что одной из главных проблем, стоящих сегодня перед российскими (и не только) этнографами/антропологами, является определение/уточнение объекта исследования. Изначально, как известно, объектом исследования этнографии/антропологии была «первобытность» («примитивное», «традиционное» общество). Классики-эволюционисты (Л. Морган, Э. Тэйлор, Дж. Фрэзер, Г. Мэн и др.) стремились ответить на вопросы о происхождении социальной формы существования материи, а также выделить этапы, свойственные ей на пути к «цивилизации». Уже тогда обозначились проблемы, которые не потеряли актуальности до настоящего времени, а именно: о соотношении социального и биологического в человеке, родстве, возрасте и поле как структурообразующих принципах социальности, о терминах родства как источнике для исторической реконструкции ранних социальных форм, о соотношении рода, племени и государства и т.д. Современные антропологи, привлекая новые данные по физической антропологии, этологии, археологии, системам родства, а также первичным социальным институтам, функционирующим в той или иной форме на мировой общественной «периферии», несомненно, обогащают наши представления об этих процессах. Сейчас проблемы реконструкции первичных форм жизни и трансформаций в более сложные структуры в историческом процессе сдвинулись на задний план науки. Хотя преждевременно утверждать,

**Виктор Владимирович
Бочаров**
Санкт-Петербургский
государственный университет

что это навсегда, так как вопросы происхождения человечества, этапов развития и его дальнейшей судьбы вечны. Именно они и породили когда-то общественную науку в принципе. Антропологию на этом этапе развития можно определить как «социологию первобытности», которая в широком смысле исследует закономерности процесса общественной самоорганизации, продолжающие в известной мере действовать на всем протяжении существования человечества. Поэтому антропологи обнаруживают действие «архаических» принципов в современных общественных коллективах, например в субкультурах (молодежных, криминальных, политических и др.), которые во многом определяют их социальную организацию. Если учесть, что процесс человеческой самоорганизации универсален, то современные его проявления могут служить дополнительным источником и для реконструкции архаических форм. В этом смысле претензии антропологии как универсальной науки о человеке представляются правомерными.

Советская этнография/антропология, как известно, занималась изучением «первобытности» преимущественно в рамках эволюционной парадигмы. Этнографы при сборе материала концентрировали внимание на «пережитках», которые опять же служили, главным образом, материалом для реконструкции гипотетической «чистой архаики». Очевидно, что этнография в то время также была частью идеологии, хотя в гораздо меньшей степени, чем многие другие общественные дисциплины, а поэтому перед ней стояла дополнительная задача, а именно: подтвердить марксистскую схему исторического развития общества и, в первую очередь, преходящий характер государства, вопрос о котором был краеугольным камнем марксизма.

Интересы антропологии всегда менялись в зависимости от общественно-исторической практики. В 20–30-х гг. XX в. активно стало изучаться «колониальное общество», прежде всего в функциональном измерении, а на первый план выдвинулись проблемы изучения процесса культурной динамики в результате взаимодействия «традиционных» и «западных» культур. В это время антропология (западная), до этого позиционировавшая себя в качестве дисциплины, противостоящей наукам, сформировавшимся при изучении западных обществ (истории, социологии, юриспруденции, политологии и т.д.), стала активно с ними взаимодействовать, заимствуя их исследовательские методы. В результате возникли субдисциплины: политическая антропология, экономическая антропология, юридическая и т.д. Социальная/культурная антропология до сих пор остается во многом ориентированной на изучение развивающихся обществ и, в первую очередь, сельского насе-

ления, в большей мере сохранившего традиционный образ жизни, нежели европеизированный город.

Советская наука практически эти проблемы игнорировала, а функциональный взгляд на общество ее почти не коснулся по идеологическим соображениям. Поэтому культурная динамика «традиционного» и «современного» на материале этнических групп, входивших в состав СССР, практически выпадала из поля зрения ученых. Отметим, однако, что когда речь идет о «традиционном», то имеется в виду не существование неких неизменных культурных норм, а, прежде всего, деятельность сознания, ориентированная на воспроизводство традиции, хотя объективно данные нормы всегда изменялись. «Современность» же предполагает целерациональную деятельность сознания по установлению институциональных норм. В этом отношении перед отечественной антропологией открывается практически неисследованный пласт, связанный с изучением культурной динамики в рамках «советской цивилизации», которая представляет собой уникальный социокультурный опыт. Уже первые работы в этой области свидетельствуют о том, что данная динамика была весьма разнообразной. В частности, несмотря на беспрецедентную аккультурацию (всеобщее образование, борьбу со «стариковством» и т.д.), «традиционное» существовало отнюдь не только не виде «пережитков», в различных формах оно активно взаимодействовало с «советской культурой». Более того, как становится известно, возврат к традиционным моделям жизни, например в некоторых кавказских регионах, начался сразу после смерти И. Сталина. После же развала СССР они и вовсе расцвели пышным цветом, включая те «вредные пережитки», с которыми, как утверждалось, было покончено в 30-х гг. XX в. Словом, без изучения этого периода в истории российского общества под углом зрения динамики «традиционного» и «современного» практически невозможно объяснить современные процессы. Не менее актуально исследование процесса социокультурной динамики на постсоветском пространстве в условиях официально-го господства новых идейно-политических факторов.

Данная исследовательская стратегия предполагает разделение понятий «культура» и «общество». Воспроизводство культурных форм («традиционного») отнюдь не означает, что они отражают идентичный социальный контекст, как это подчас трактуется. Последний может коренным образом изменяться, однако выступать в традиционной культурной форме. Яркий пример — современная Абхазия, в которой умыкание невесты стало распространенной формой вступления в брак. Социальные причины, определившие воспроизводство этого феномена, не тождественны тем, которые породили данную форму

брачевания в глубокой архаике. Действительно, умыкание всегда предполагало отправление брачного ритуала узким кругом лиц, но при современном обнищании населения это стало способом избежать непосильных для большинства абхазцев материальных затрат на организацию свадебных торжеств (А. Крылов. Постсоветская Абхазия. М., 2000).

«Культура», таким образом, характеризуется большей консервативностью в процессе исторической эволюции, нежели «общество». Именно ее изучение является, как представляется, задачей антропологии, в то время как изучение «общества» остается задачей социологии. Культуру можно представить в виде «силового поля», которое «перерабатывает» социальные инновации в соответствии со своими приоритетами. Например, как бы мы ни трансформировали политико-правовую сферу России, ее политическая культура все расставляет на свои места. В результате всегда получается авторитарный режим (царя, генерального секретаря, президента), украшенный демократическими декорациями (Верховным Советом, Думой, Конституционным судом и т.д.).

Изучение «культуры» социума (этнокультуры) немислимо вне исторического контекста. Традиционная культура отражает ранние формы бытования социума в условиях тесного взаимодействия его с природой. В ней складываются достаточно устойчивые модели мировосприятия людей, выраженные в фольклоре, языке, ритуалах, символической, правосознании, психологии и т.д., которые во многом определяют их поведение на всем пути исторического существования, несмотря на изменения в социальном контексте. Поэтому психологическая антропология (культурно-историческая психология), лингвистическая антропология и т.д. являются сегодня важными составляющими социально-культурной антропологии, позволяющими более глубоко проникнуть в «культуру», которая, в конечном счете, манифестирована в ощущениях, мыслях, поведении ее носителей.

В то же время сегодня произошло, казалось бы, безмерное расширение интересов антропологии. На это есть как субъективные, так и объективные причины. Одну из них точно определил В.А. Тишков. Коротко, с его слов, бренд «антропология» был заимствован бывшими советскими обществоведами, в первую очередь преподавателями вузов, дисциплины которых в новых условиях утратили не только идеологическую актуальность, но и товарную привлекательность. При этом лидеры «новой антропологии» вошли в науку, заняв главные позиции на поле антропологического образования с откровенно слабыми работами. Никогда не занимаясь сбором эмпири-

ческих материалов, без чего немислима этнография/антропология, они создали в лучшем случае работы компилятивного типа. Следуя научной логике бывших марксистских философов, критиковавших «буржуазные учения» с точки зрения классового подхода, в новых идеологических условиях они стали просто пересказывать (переводить) эти же теории. При этом в образовательные стандарты включались дисциплины, имевшие мало общего с традицией (не только отечественной) подготовки классического антрополога. Поэтому эмоциональная реакция В.А. Тишкова, обвинившего в «Реквиеме» социологов «в краже» у этнографов учебного стандарта по социальной/культурной антропологии, вполне понятна.

Между тем появление кафедр культурной/социальной антропологии на социологических факультетах (ранее, как известно, они размещались исключительно на факультетах исторических) вполне закономерно и отвечает духу времени. Я имею в виду то, что не только социология, но и другие общественные науки (юриспруденция, философия) обратились к изучению повседневности, где в центре внимания — не абстрактный индивид (личность), а конкретные люди с их эмоциями, представлениями, мировоззрением и т.д. Поэтому они заимствовали классические антропологические (качественные) методы. Однако это не означает, что «антропология вчера — это социология сегодня».

Например, юридические социологи действительно ориентированы на изучение правоотношений качественными методами (еще их классик О. Эрлих призывал юристов покинуть кабинеты и выйти на улицу для изучения права). В результате они могут констатировать разрыв между тем, что задумано и написано в законах, и тем, что получилось на самом деле. Антрополог же может объяснить причины этого разрыва из приоритетов культуры, в которой этот закон действует. Зная культурно-исторический контекст, он может даже прогнозировать события в случае принятия того или иного закона. Например, априори можно было утверждать, что в стране, где до сих пор «дары», полученные от власти (государства), расцениваются населением в немалой степени с точки зрения «духовности» (уважение, признание заслуг «отцом-государством»), закон о замене льгот деньгами вызовет массовое недовольство.

Особенно тесно социология и антропология взаимодействуют при изучении сообществ современного города. Социологи откровенно признают, что не могут обойтись без «этнографических методов» при изучении повседневности (микросоциологии). В то же время и здесь можно провести границу между интересами данных научных дисциплин. Антропология в пер-

вую очередь ориентирована не столько на исследование иерархии, статусов, ролей или социальных сетей в рамках профессиональных, производственных, криминальных и прочих сообществ, сколько на формы их воплощения, т.е. на «культуру». Иными словами, если для социолога главным вопросом является «почему?», то для антрополога — «как?».

НИКОЛАЙ ВАХТИН

Чтобы ответить на поставленные вопросы, нужно сначала убедиться, что отвечающий и спрашивающие одинаково понимают, что такое «этнография».

Конечной целью этнографической науки Л.Я. Штернберг считал формулирование полной картины эволюции культуры от самых ранних периодов ее зарождения до высших этапов ее современного развития. Страны, достигшие высших этапов культуры, — это область занятий историков, а на долю этнографов остаются культуры тех «обездоленных народов», которые не имеют ни письменности, ни науки, ни государственности, остались на низших ступенях экономического развития и не играют в истории никакой роли. Этнография изучает, кроме того, культурные особенности того класса людей, которые, живя в странах высшей культуры, остались совершенно не приобщенными к этой культуре, т.е. крестьянство европейских стран. И Штернберг с гордостью пишет, что этнографы с радостью взялись за эту работу и «в кажущемся мусоре низших культур» нашли ценнейшие жемчужины, которые помогают выяснить ход эволюции человеческой культуры.

Я пересказываю здесь близко к тексту один из тезисов большой (неопубликованной) речи Л.Я. Штернберга, которую он произнес в 1921 г. на пятилетнем юбилее Географического института — предшественника Института народов Севера, на базе которого, в свою очередь, возник Северный фа-

**Николай Борисович
Вахтин**
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

культет Герценовского института. Штернберг выступал перед студентами и аспирантами этого факультета — теми, кому в следующие десятилетия предстояло занять ключевые позиции в этнографии (прежде всего, в североведении). Именно этот подход, внушенный им их учителями, они и положили в основу своего понимания объекта, предмета и метода этнографической науки, и этот подход благополучно дожил до наших дней.

В энциклопедическом словаре этнография (этнология) определяется как «[н]аука об *этнусах*, изучающая их происхождение и расселение, быт и культуру». К *этносу* дается отсылка «см. *этническая общность*», которая есть «исторически возникший вид устойчивой социальной группировки людей, представленный племенем, народностью, нацией; термин «Э.о.» близок понятию народ в *этногр*[афическом] смысле».

Круг замкнулся: этнография изучает народ в этнографическом смысле. Что такое «этнографический смысл», словарь, естественно, не поясняет.

Так обстояли дела в прошлом, когда был еще в фаворе эволюционизм, когда все народы делились на высшие и низшие, когда этнография была младшей сестрой (или падчерицей?) истории; когда в науке безраздельно царил примордиализм (см. выше «*устойчивая* (т.е. неизменная) группировка людей»), а конструктивистские и ситуационистские концепции этничности Фредерика Барта или Бенедикта Андерсона были, мягко выражаясь, не в моде. О преодолении этого состояния написаны сотни страниц, и в России, и на Западе — не буду цитировать известные работы Слезкина, Шнирельмана, Тишкова и многих других.

Теперь, пожалуй, я готов ответить на **первый вопрос** редакции: **Основную проблему современной российской этнографии я вижу в том, что очерченный выше подход еще далеко не преодолен.** Этнография по-прежнему преподается как часть истории, при том что у современной социальной антропологии совсем иные «родственники».

Сколько вообще в мире социальных наук? Вопрос вполне праздный, ответ на него напоминает старый анекдот из серии про армянское радио времен войны в Афганистане («С какими странами граничит СССР? — С какими хочет, с такими и граничит»). Область интересов той или иной науки — вещь вполне конвенциональная; отдельные науки (история, социология, социальная психология, (социо)лингвистика, этнология) не существуют в неизменном виде в объективной действительности. Границы между ними, как и границы между «этни-

ческими группами», тоже в какой-то мере представляют собой «конструкты»; область той или иной социальной науки определяется границами этой области, которые, в свою очередь, есть результат «переговоров» между различными группами членов академического сообщества.

В последние десятилетия в России наблюдается тот же процесс, который происходил в свое время на Западе: новый раунд «переговоров» между разными частями ученого сообщества относительно того, какой объект, предмет, метод какой науке принадлежит. В 1950-е гг., например, благодаря совместным усилиям лингвистов, социальных психологов и социологов в США возникла новая область — социолингвистика. Примерно в те же годы во Франции на окраине исторической науки возникла историческая антропология; ее стремительный рост, растущая популярность в нашей стране обусловлены, как кажется, сдвигом методов исторического исследования в сторону устной истории, истории повседневности, истории идей, т.е. методов, которые социальные антропологи всегда считали «своими».

Так и этнография сегодня в России начала бракоразводный процесс с историей и поглядывает на другие социальные науки, прежде всего на социологию, фольклористику, (социо)-лингвистику. Это выражается не только и не столько в изменении теоретических концепций, сколько в новом взгляде на объект и метод изучения (хотя, конечно, никакая теория не существует отдельно от метода).

Хороший пример — списки тем кандидатских диссертаций аспирантов Европейского университета в Санкт-Петербурге (факультетов социологии, истории и этнологии). Если заранее не знать, к какому факультету «приписан» тот или иной аспирант, не всегда удастся угадать, по какому ведомству числится та или иная тема. Ну, например, «Письменные и устные воспоминания о блокаде Ленинграда: проблема интерпретации»; или «Этнические аттитюды учащихся петербургских школ: данные социолингвистического эксперимента»; или «Любительская фотография в современной городской культуре России». Что из этого социология, что история, что этнология?

Вот примерно те соображения, которые подсказывают мне ответ на **третий вопрос** редколлегии: **Наиболее перспективными я считаю исследования, объекты, предметы и методы которых находятся «на окраине» той области, которая традиционно считается областью интересов этнографии.** Одновременно это и моя точка зрения на то, как должен выглядеть ответ на **шестой вопрос**: именно эта тема мне кажется наиболее интересной для обсуждения на предстоящем конгрессе.

Вопросы **второй, четвертый и седьмой** я оставлю без ответа, поскольку вряд ли сумею сказать тут что-нибудь интересное. А вот **пятый** вопрос опускать не хочется.

Что препятствует, кроме недостаточного финансирования? Боюсь, что все то же: отсутствие ясного представления о том, что и как должен изучать этнограф (этнолог) сегодня. Ну не народы же, «не имеющие письменности и государственности»! — да и где их взять в современном «глобализованном» мире. Ну не группы же, которые «остались совершенно не приобщенными к культуре», — все-таки двадцать первый век на дворе... Тогда что? И какими методами?

Мой коллега-историк (Борис Колоницкий) однажды на конференции произнес совершенно замечательную речь о нарушителях междисциплинарных границ. Границы между науками, говорил он, обставлены типологически теми же персонажами и функциями, что и границы государственные. Тут есть пограничники, задача которых — пресекать. Есть таможенники, которые следят, чтобы при провозе через границу тех или иных идей и методов исследования соблюдались правила той области, из которой — или в которую — их вывозят. Есть контрабандисты. А есть любопытствующие туристы, которые съезжают в другую страну, побродят там, поглазеют, подивятся нездешним красотам и странностям, да глядишь и отколупнут и прихватят с собой для собственного удовольствия где камушек, где кусочек смальты, где еще что. Так и я, говорил БК, забреду, бывало, в социологию или в антропологию, наткнувшись на интересный термин, понятие, метод, факт — и волоку к себе домой... К чему они там, «за границей», этот термин или метод применяют — мне не всегда ясно; я его использую, скорее всего, неправильно: например, вешаю на стенку для украшения. Но приятно.

Препятствуют продуктивным исследованиям, с моей точки зрения, недостаточная «открытость границ», излишек строгих пограничников и нечистоплотных контрабандистов и отсутствие массовости в междисциплинарном туризме. Да, сначала мы будем просто ездить друг к другу в гости, дивиться на странности, таскать домой диковинки, но постепенно освоимся, узнаем соседние страны, да и нас там узнают; и мы будем уже не праздными туристами, а уважаемыми и профессиональными купцами, которые в полном согласии с законом и таможенными правилами будут ввозить из одной области в другую то, что пользуется спросом «дома», и вывозить то, на что есть спрос «за границей». А там, глядишь, дойдет дело и до объединенной Европы.

Если без метафор, то я говорю о **междисциплинарном образо-**

вании. Отсутствие такого образования для этнографов (или как минимум его недостаточная развитость и распространение) и есть, как мне кажется, основное препятствие на пути к продуктивным исследованиям.

ВИКТОР ВИКТОРИН

1 Состояние этнографии переходное. С трудным поиском новых парадигм, подходов, методов исследования (или обращения к «старому будущему» науки).

2 Объективный этногенез (!), этническая история и история этнографии/этнологии, этнопсихология — связь внешних (сторонних) этнических оценок с реальным самосознанием, соотнесенная социология этнических масс и этноэлит, этностатистика к очередной переписи населения (2010 г.?) и ее оптимальная методика.

Возможны неожиданные результаты в изучении таких сюжетов, как «нетипичная этничность» (экспедиционным путем) в отдельных населенных пунктах (и не только отдаленных и изолированных!), в городских микрорайонах.

3 Знание западными коллегами достижений российских этнографов очень слабое и явно недостаточное, особенно в части ясной и четкой терминологии, описывающей конкретные этнические явления.

Знание и учет учеными-россиянами западных достижений весьма неплохое и все более основательное из года в год — вплоть до некритического следования таковым.

4 Препятствия развитию науки и ее продуктивным исследованиям (кроме денег):

невнятное противопоставление «этнологии» и «этнографии», утрата методологических ориентиров; незнание и забвение (в том числе нашей научной молодежью) традиций «героики этнографической деятельно-

сти» в служении обществу, родной стране, добрососедству ее народов-этносов и культурообмену;

отступление с активных и «элитных» в обществе позиций, недостаточная пропаганда и популяризация наукой и ее сообществом самих себя, отстранение от воспитания толкового юношества;

нескоординированность усилий, «компьютерный» кризис стиля научного изложения, обилие «этнографов»-дилетантов и низкая этнографическая подготовка деятелей СМИ, правоохранительных структур, многих государственных и муниципальных аппаратов, корпуса депутатов разных уровней.

5

На предстоящем конгрессе и аналогичных крупных и полезных форумах следует отходить (хотя бы частично и постепенно) от типичного порядка: «тезисы — доклад по тезисам». Больше неформального общения, а на заседаниях — практики «общих дискуссий», «мозгового штурма», «круглых столов», «вечеров воспоминаний».

Максимально — обмен опытом, а из самых опытных участников — «комиссия по творческим находкам и приращению научного знания».

Темы для жарких споров: назначение, роль и ответственность этнографа в обществе; просветительный и миротворческий потенциал нашей науки; гетерозис культур и (глобальный) культурный стандарт; этнос вне политики и гражданская позиция ученого; этноинформация — бытование и достоверность фиксации; традиция в первичном и «образованном» состоянии; этнография и новые электронные возможности; носитель традиции и претендент на ее «ношение»; взгляд на этнос изнутри этноса и со стороны; явления «этнические» и «этнизированные»; этносы и их представители в нестабильном, меняющемся обществе; государственная поддержка науки; наука и меценатство; личная полиэтничность и многое другое.

6

Нужно брать шире — сообщество этнографов СНГ и пространства прежнего СССР. Оно **есть** как братство близких по духу, образованию и общему делу людей — легко узнать коллегу друг в друге по неуловимым признакам даже издалека и в большом собрании. Оно **пропадает** в условиях «дикого» рынка, корыстности и политической ангажированности, пагубной разрозненности (этнографы на разных баррикадах этноконфликтов — моя пока не состоявшаяся рецензия в «Этнографическом обозрении»).

Насколько значимо для меня и тех, кого жду не дождусь увидеть «на берегах Невы» (где все зарождалось!), — так это и есть вся жизнь! Или то главное, вокруг чего она сложилась...

ГУЛЬНАРА ГАЛАНОВА

1 По роду деятельности мне более знакома философская антропология. Относительно состояния этой особой отрасли антропологического знания можно сказать, что философы-антропологи до сих пор считают себя «законодателями» антропологического знания в целом, хотя эта ситуация уже проблемна. Философская антропология, на мой взгляд, стоит особняком по отношению к прикладным отраслям антропологии, в том числе и этнографии, она скорее вписана в структуру самого философского знания (многие утверждают, например, что философская антропология возможна как онтология, как эстетика и т.п.). Эту ситуацию я не считаю правильной, для меня философская антропология вписана в структуру антропологического знания в целом, наряду с физической и социальной/культурной антропологией. И в том и другом случае речь идет о междисциплинарности, но вместо размывания границ между отраслями философии я бы предложила объединение интересов вокруг конкретного предмета — человека, который может изучаться методами разных наук, как прикладных, так и фундаментальных. Именно на таком принципе, как мне представляется, выстраивается современная междисциплинарность, в частности в гендерных и культурных исследованиях, — общая тема при наличии плюрализма методов исследования, которые зависят от дисциплины исследователя.

2 Затрудняюсь ответить, поскольку в антропологическое сообщество начала входить недавно. Пожалуй, все же это школы по социальной антропологии Е. Ярской в Саратове (сама не участвовала, но слышана от коллег).

3 На мой взгляд, это выход в смежные отрасли. Интересны исследования телесности в свете новых генетических и биологических разработок на стыке физической и культурной антропологии. В частности, пересмотр

категорий «отец», «мать», уклада традиционной семьи и всей системы родства в целом под влиянием практики суррогатного материнства. Это также исследование трансформации телесности человека под воздействием характерного для современных обществ образа жизни (например, маскулинизация женщин в европейском спорте и при жизни-карьере; эта маскулинизация, по мнению биологов, имеет характер биологического факта, выражается в изменении характера функционирования сердечной мышцы, других органов). В области социальной и культурной антропологии интересны исследования повседневной жизни в аспекте ее поэтизации: методами нарратологии, устной истории. Также интересна тенденция рассматривать в качестве предмета этнографии (этнография традиционно изучает фольклор, народное творчество) семейные истории, байки, анекдоты, образцы детского фольклора (вплоть до считалочек!). Правда, я пока затрудняюсь сказать, откуда взялась эта забавная интеллектуальная мода, скорее всего, она уходит корнями в культуру общества классического капитализма, когда важное значение приобретает частная жизнь семьи, индивида. Отсюда такое внимание к дневникам, письмам, различного рода «*бормотанию повседневности*» (М. Серто) и «*плохописи*» (термин Н.Н. Козловой). Если подумать, то и шокирующие эксперименты поп-арта с выставлением унитазов в качестве экспонатов имеют те же корни: культ благополучия, богатства. Все эти исследования повседневности имеют перспективу в аспекте рефлексии над связью этих тем с нашей постмодернистской реальностью, наследия и трансформации ценностей общества классического капитализма. Что-то в духе Франкфуртской школы, но о нашем времени. Сама я в последнее время заинтересовалась вопросами антропологической экспертизы российского законодательства, необходимо читать законы, надев не столько гендерные, сколько антропологические «очки». Но этот интерес связан с пониманием роли и места гендерных исследований в современной методологии.

4 Последнее утверждение в большей степени справедливо. На мой взгляд, это основное направление в современной методологии: изучать, как исследуют «у них», и перенимать опыт. Хотя российская антропология все еще ближе к этнографии, нежели к западной социальной/культурной антропологии; это заметно и по тематике конгресса.

5 Затрудняюсь ответить, не вижу особых проблем.

7 Сообщество есть. Правда, для меня все еще вопрос, насколько философ-антрополог может влиться в это сообщество. Антропология и этнография понимаются как прикладные науки,

хотя сами этнографы иногда жалуются на недостаток именно эмпирических исследований. Прикладные методы социальной антропологии оказали большое влияние на методологию конкретно-социологических исследований в XX в., это началось еще с полевых исследований в Чикагской школе. Антропологи в свое время «приучили» социолога и обычного человека к толерантности по отношению к чужой культуре, как отдаленной географически, так и близкой географически, но далекой в культурном отношении (ценности различных субкультур). Но прикладные исследования в социальной антропологии требуют от исследователя открытой идентичности. Ведь при вхождении антрополога в чужую культуру в процессе исследования (это ведь всегда лонгитюд, наблюдение участника) происходит корректировка его собственных установок и ценностей, наконец, привыкание к своим подопечным. Это достаточно сложно, кроме того, я пока не вижу особого смысла в исследованиях, скажем, субкультуры бомжей или практики нудистского пляжа, исследованиях, которые потребуют от нас героического преодоления гигиенического барьера и отказа от очень личных убеждений. Просто нахождение курьезов? Или все же выявление социальных проблем? Многие вопросы в этой области для меня пока открыты. А для формирования сообщества ученых очень большую роль играют Интернет-технологии, образовательные порталы, которые собирают базы данных по персоналиям. Это очень полезная деятельность, и необходимо ее всячески поддерживать.

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВКО

В своих ответах я не придерживаюсь того порядка, в котором заданы вопросы: на мой взгляд, все они между собой тесно связаны.

Рассуждая о *современном состоянии российской этнографии/антропологии*, можно говорить о целом комплексе проблем. Прежде всего, что понимать под этнографией/антропологией? Этот вопрос смыкается с последним из списка — об *антропологическом сообществе*. Его в России, кажется, скорее нет, чем оно есть. На большие антропологические конференции, конечно, съезжаются множество разных людей из разных городов, но при этом все эти люди отчетливо разделены на части, которые, с точки зрения са-

**Евгений Васильевич
Головко**

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург

мих частей, вряд ли можно, хотя бы в теории, склеить во что-то единое. Одна часть может с изумлением взирать на какую-нибудь другую: «А что это они здесь делают? Ведь то, чем они занимаются, к «настоящей» антропологии (этнографии и т.д.) отношения не имеет!». И действительно, на конференции встречаются с одной стороны, люди, публикующиеся, например, в «НЛО», «Неприкосновенном запасе» и других новых журналах, а с другой стороны — печатающиеся в «чисто этнографических» сборниках, посвященных вполне традиционным сюжетам, скажем, этнографическому описанию предметов материальной культуры. Я не хочу сказать, что одно относится к «искомой» научной области (оставим ее пока без названия), а другое — нет. И то и другое, несомненно, относится: пусть цветут сто цветов! Но дело в том, что сами представители этих разных частей так не считают. И, естественно, стремятся отгородиться от прочих разными названиями для своих занятий. Поэтому, если встречаешь коллегу впервые, в разговоре приходится быть по-шпионски осторожным и дожидаться, пока он или она сами не проговорятся, чем же на самом деле занимаются: это может оказаться культурная антропология, социальная антропология, просто антропология, культурология, культуральные исследования, этнография, этнология, история культуры, просто история, фольклористика, социология, литературоведение и многое другое. При этом дело, конечно, не просто в ярлыке: выясняется, что за различными названиями могут скрываться самые неожиданные вещи. Так, в одном учебном заведении представители кафедры культурологии на вопрос, чем отличается культурология от культурной антропологии, прямодушно отвечали: культурология занимается более глобальными проблемами. Надо понимать так, что глобализация, скажем, — это «наше, культурологическое», это проблема подходящего калибра, то же относится и к какой-нибудь истории цивилизации, а всякий там промысел тундрового оленя у народа X или погребальный обряд у народа Y — с этими пустяками просим к антропологам. Наверное, стремление наставить пограничных столбов и развесить побольше табличек типа «Стоять, дальше стреляют!» — это болезнь роста, этакий период размежевания. Остается надеяться, что наступит и следующий период — объединения или, по крайней мере, уважения друг к другу, вызванного пониманием того, что все перечисленные выше (и еще многие другие) занятия (названия) связаны между собой и относятся к одной области: все они так или иначе объединяют людей, которые пишут о культуре. При этом, оказывается, не так уж важно, кто на кафедре с каким названием работает, какие конкретные предметы исследования и какие методы выбирает. По этим последним параметрам «родственные души» внутри этой обширной области сами найдут (уже нашли) друг друга.

Вопрос *в какой мере результаты исследований российских этнографов/антропологов учитываются западными коллегами (и вообще известны им)* не один раз обсуждался на страницах различных научных изданий и всегда вызывал болезненную реакцию со стороны участников таких дискуссий (см. тот же журнал «НЛО»). Пожалуй, все это часть более крупного, «все-российского» психологического комплекса — я имею в виду жалобы на то, как нас, таких великих и гениальных, недооценивают и незаслуженно не замечают. Жалобы относятся не только к научным достижениям: тут и кино, и литература, и прочее. Конечно, в российской антропологии (оставлю это название) происходит какое-то движение, появляются интересные публикации. Но, вообще говоря, нельзя не признать сегодня некоторую вторичность того, что мы называем современной российской антропологией. О традиционной этнографии, унаследовавшей множество проблем от советских времен, много и хорошо говорилось, например в первом номере «Антропологического форума» (раздел «Форум»), да и в других публикациях — не буду повторяться. Что касается всего того, что не входило в понятие «этнография» в советские времена и, соответственно, находилось на ее задворках (а по большей части вообще никаким образом не затрагивалось, поскольку не считалось «правильным» объектом изучения), то сейчас в этих «новых» областях появляется немало интересных работ, но при всем хорошем к этим работам отношении это пока лишь попытки (иногда очень удачные, даже блестящие!) догнать (повторить) то, что в мировой антропологии начало развиваться гораздо раньше. Мне кажется, что ничего страшного в этой «вторичности» нет и все со временем встанет на свои места. Да, сейчас нет большого интереса к работам, издающимся в России. Но не по чьему-то злему умыслу. Когда эти работы станут по-настоящему интересны, т.е. когда помимо обкатки старых идей на относительно новом российском материале они будут содержать действительно новые идеи и подходы, их, несомненно, заметят. Это как с затеей сделать во что бы то ни стало рубль конвертируемым: ясно, что точного срока, когда это случится, назначить нельзя, конвертируемым рубль станет только тогда, когда его начнут принимать западные банки. Хотя есть, конечно, и некоторые вполне очевидные практические вещи, которые могут помочь «антропологической конвертации»: писать хотя бы часть работ по-английски и публиковать их в читаемых международных изданиях; регулярно, а не от случая к случаю участвовать в международных конференциях — одним словом, быть включенным в международное антропологическое сообщество.

Несколько другой вопрос — *в какой мере российские этногра-*

фы/антропологи учитывают (и знают) результаты своих западных коллег. Я уже говорил выше, что сейчас появилась целая генерация «новых русских антропологов», которые (пока) усердно догоняют «запад» (запад, конечно, условный, в этом смысле Индия, например, в последнее время тоже переместилась на «антропологический запад»). Для того чтобы «идти в ногу», надо прежде всего быть в курсе западной научной литературы. То есть надо уметь читать по-английски, знать язык. А кроме того — *хотеть* читать западные публикации. С этим дело не всегда хорошо обстоит даже среди студентов и аспирантов, которым, казалось бы, сам Бог велел глотать статьи и книги, развиваться. Понять их можно. Уровень преподавания на кафедрах антропологии у нас, увы, не блестящий (сужу о результатах преподавания по выпускникам этих кафедр, поступающим в аспирантуру). Нет ни одного (буквально ни одного!) нормального современного учебника по культурной антропологии на русском языке. Иногда попадаются на глаза кое-какие учебные пособия, но при ближайшем рассмотрении они оказываются какими-то «узкопрофильными», если не сказать куцыми, и унылыми. Учить по некоторым другим пособиям невозможно, поскольку они или написаны в импрессионистическом духе, или не отражают всего спектра возможных подходов — авторы пропагандируют только «себя любимых», притом без больших на то оснований. Западные же учебники (а их десятки) у нас не используются. И не потому, что их нельзя достать. Сейчас такой проблемы нет: можно привезти, попросить прислать, ксерокопировать, «скачать» в Интернете. Но, как правило, студенты сами к этому не очень-то стремятся, а большинство преподавателей живут старыми запасами, используют устаревшие учебники и «подозрительные» новые пособия, в лучшем случае пользуются пересказами пересказов классических работ. Кстати, можно порадоваться, по крайней мере, тому, что в самые последние годы, благодаря активности книгоиздателей, появились переводы многих классических работ (хотя качество перевода некоторых из них вызывает недоумение). Надо просто стараться преодолеть инерцию: использовать современную литературу, писать новые учебники (или хотя бы перевести два-три западных). Иначе нас ожидает грустная участь local scholars: наверное, многие сталкивались с тем, когда на сильной международной конференции делается несколько бесцветных докладов — это local scholars, добавленные организаторами «для пропорции».

Все это возвращает нас к вопросу об *антропологическом сообществе*. Конечно, надо стремиться к тому, чтобы складывалось российское сообщество антропологов, но не менее важно, чтобы российские антропологи полноправно входили в миро-

вое антропологическое сообщество. Надо преодолевать изоляцию, которая сегодня есть не что иное, как самоизоляция, результат инерции. Это в первую очередь и *мешает продуктивным исследованиям (если не иметь в виду финансовых проблем)*. Если все же говорить о финансовых, а заодно и о статусных проблемах, то положение антропологов (да и всех исследователей, работающих в гуманитарной области) в России в общем-то не уникально, оно более или менее похоже на положение антропологов во многих других странах. Как говорил мне антрополог из одной вполне развитой европейской страны, пока он жил и работал у себя дома, на него смотрели, как на чудака: надежда найти место в университете призрачна, вся работа держится исключительно на случайных грантах и голом энтузиазме автора; и только переехав в США, он, по его словам, вдруг осознал, что антрополог — это профессия и ею даже, если очень постараться, можно зарабатывать на жизнь (не знаю уж, согласается ли с такой точкой зрения американские антропологи).

Из *событий в научной жизни за истекшие два года* самым важным я считаю появление нового журнала «Антропологический форум». Наверное, можно было бы вспомнить и важные конференции, и интересные публикации. Но именно сегодня новое периодическое издание, претендующее на принципиально иной уровень обсуждения проблем, важнее, чем любые монографии и конференции. В первом номере особенно хорош раздел «Форум». Я его просто советую читать студентам и аспирантам, тем более что — еще раз вспомним — достойных учебников на русском языке нет.

Коротко отвечу на шестой и третий вопросы анкеты. Что касается *вопросов, которые должны в первую очередь обсуждаться на таких форумах, как предстоящий конгресс*, замечу одно: список названий секций дает надежду, что начинается тот процесс, о котором я говорил, отвечая на первый вопрос.

О *перспективности (бесперспективности) исследовательских проблем и ожидаемых нетривиальных результатах* говорить опасно — можно легко ошибиться. Сегодняшняя ситуация в России подталкивает к тому, чтобы сказать: антропология должна заниматься актуальными проблемами российского общества (экстремизм, миграции, бедность—богатство и т.д.). На самом деле — не должна. То есть если так получается, то это очень хорошо, но совсем не обязательно. Исследователь не чиновник и должен заниматься не тем, что принесет практическую пользу, а тем, чем ему самому заниматься интересно и где он может создать новое знание.

ЭЛЬЗА-БАИР ГУЧИНОВА

В каком состоянии находится наше профессиональное сообщество? Приведу только один пример. Я заглянула на сайт журнала «Этнолог» в рубрику «Научное сообщество». Насчитала 27 человек, из которых восемь были мне знакомы. Из этого числа пятеро давно ушли в иной мир, из оставшихся троих только двое были этнологами.

Что хорошего произошло в последние годы? Поле этнологии и социальной антропологии активно осваивается «смежниками», я отметила бы блистательные работы гендеристок (например, сборники статей под редакцией С. Ушакина «О муже(N)ственности» «Семейные узы: модели для сборки», монографии Жеребкиной «Женское политическое бессознательное» и др.) и работы лучших из тех, кто называет себя культурологами (В. Паперный, Б. Гройс). Эти работы отличаются междисциплинарными подходами, что в нашей науке пока редкость. Из последних публикаций коллег на меня произвели впечатление книги Т. Щепанской и В. Шнирельмана.

Что мешает работать плодотворнее? Одна из причин — недостаточное этнологическое образование. Я закончила Калмыцкий государственный университет, в котором кафедры этнографии не было, а «Основы этнографии» на первом курсе читал археолог. За 25 лет в моем университете положение дел не изменилось, уже другой археолог читает тот же курс по тому же учебнику. Хорошо бы пересмотреть вузовский образовательный стандарт, в котором для историков было бы выделено больше этнологических курсов, например «Введение в социально-культурную антропологию», «История российской этнологии», «История зарубежной этнологии», «Введение в гендерные исследования». Возможен конкурс вузовских пособий с публикацией лучших, чтобы преподаватели в глубинке понимали, какое пособие из десятков с похожими наименованиями рекомендовано Ассоциацией.

Эльза-Баир Мацаковна
Гучинова
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

Посетив осенью 2004 г. alma mater, я увидела, как много стало кандидатов наук, которые защитились в последние годы в ближайших городах (а теперь еще открываются советы и в самом КГУ), но у многих очень слабая подготовка, совершенно недостаточная для преподавания в вузе. Может, для защиты кандидатской диссертации также нужно требовать публикации в реферируемом журнале, и это будет хоть каким-то стимулом для роста тех, кто еще не подготовлен?

Как можно было бы помочь молодежи, которая уже выбрала нашу (одну из лучших, на мой взгляд) профессию? Важно дать шанс молодым исследователям из провинций, особенно тем, у кого не было возможности пройти аспирантскую подготовку в Москве или Санкт-Петербурге, продолжить образование по узкой специализации. По-моему, не надо отвергать возможность организации летней школы по современным направлениям методологии социально-культурной антропологии. Школа должна быть организована так, чтобы было достаточно времени для усвоения сложной программы: занятия должны длиться 3–4 недели с ежедневной восьмичасовой нагрузкой (три двухчасовые лекции и семинар). Слушатели не должны быть случайными, приглашать участников надо по результатам конкурса публикаций или эссе. Чтобы они были заинтересованы в том, что школа им поможет в реальной работе, каждому надо дать время для презентации и обсуждения той научной проблемы, которой занимается он лично. Для максимальной эффективности школы ее лучше проводить в отдаленном, лучше сельском, пансионате. И конечно, программа должна быть хорошо продуманной, с привлечением не только светил этнологии, многие из которых мало ездят и мало выступают, но и специалистов из близких дисциплин — демографов, философов, семиологов, герменевтов. Трехлетний цикл работы такой летней школы наверняка откроет новые имена в науке.

Безусловно, встанет вопрос о финансировании: можно подавать заявки в РГНФ и РФФИ, просить поддержки в министерстве.

В последние годы невероятно много издается этнологической и антропологической классики. Было бы хорошо, если бы наши журналы вели регулярный обзор публикуемых книг, многие из которых украсят любую библиотеку, а какие-то являются небрежными переводами известных авторов, содержат идеи, противоречащие авторским, и дезориентируют читателя.

Многим коллегам пригодилась бы база данных авторефератов, которые издаются малыми тиражами и доступны только в

центральных библиотеках. Если бы создать такую базу в том же «Этнонете» или как самостоятельный веб-проект с поиском по авторам, ключевым словам, темам, регионам, многие этнологи охотно выложили бы свои авторефераты, чтобы быть прочитанными заинтересованным читателем.

Безусловно, надо поднять роль Ассоциации российских этнологов и антропологов. Чтобы членство стало осмысленным, может, надо ввести ежегодные членские взносы, издавать свой бюллетень? Я состояла один год в Американской антропологической ассоциации. Мне это давало следующее: скидки при оплате регистрационного сбора на конгрессе ААА, скидки при покупке этнологической литературы, я получала в течение года бюллетень Ассоциации с информацией о готовящихся тематических сборниках и специальных проектах журналов с предложением принять участие, которые высылались в Элисту.

Хорошо было бы ввести номинацию типа «Человек года», которая будет поощряться не материально, а творчески: например, возможностью публикации монографии в институтской серии или внеочередной публикации в ЭО? А избирать человека года будет как раз Президиум Ассоциации.

Это всего лишь идеи навскидку, но каким быть нашему сообществу, зависит от нас.

БАИР ДАШИБАЛОВ

1

6

7

Российские этнографы и антропологи адаптируются к современным требованиям существования научного сообщества. Российская этнография находится в переходном состоянии: выстраиваются новые научные структуры, появляются новые издания, изыскиваются средства внесударственного финансирования. Издается много хороших старых и новых этнологических работ. В целом круг тем этнологического исследования значительно расширился. Можно говорить о том, что сообщество российских этнографов существует. Наличие конгресса говорит о том, что это сообщество есть. Есть трибуна для выражения мнения, есть возможность встречи и общения на том же конгрессе. На последующих конгрессах, может быть, следует больше внимания уде-

Баир Бальжинимаевич

Дашибалов

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии
СО РАН, Улан-Удэ

лять методологическим вопросам постсоветской этнологии, становлению философских принципов российской антропологии.

2

Круг моих научных интересов составляет история и культура народов Сибири и Монголии. В этих научных направлениях мне представляются значительными и важными следующие работы.

В 2004 г. вышел том «Буряты» (ответственные редакторы Л.Л. Абаева и Н.Л. Жуковская) в серии «Народы и культуры», издаваемой Институтом этнологии и антропологии РАН. Полагаю, что это значительное достижение в монголоведении и сибиреведении. Не может не радовать меня и то, что том в основном написан бурятскими исследователями. Большинство из них прошло учебу в ведущих этнографических центрах Москвы и Санкт-Петербурга: Д.Д. Нимаев, К.Д. Басаева, Т.М. Михайлов, Н.Б. Дашиева, Л.Л. Абаева — в Институте этнологии и антропологии РАН, Р.П. Сыденова, И.Э. Елаева — в МГУ, С.Г. Жамбалова — в МАЭ. Подготовка, полученная бурятскими учеными у ведущих российских этнографов старшего поколения (С.В. Иванова, Л.П. Потапова, С.А. Токарева, Б.О. Долгих, С.И. Вайнштейна и многих других), позволила моим коллегам выполнить эту сложную задачу на высоком профессиональном уровне.

Хочется подчеркнуть важность и значимость того, что Институт этнологии и антропологии выпускает серию «Народы и культуры». Скажу банальность, но ее следует произнести. Россия — многонациональная страна, и в исследовательской, публикационной деятельности это должно учитываться. Тем более что политических структур, формирующих и отвечающих за «дружбу народов», не стало, а их функции переданы многим разным министерствам и отделам. Воспитать уважение одного народа к другому — это значит работать над сознанием ребенка с детства. Надо учить умению дружить с людьми другого облика и цвета кожи, учить быть терпимым и уважать другие обычаи, традиции, другую кухню. На ученых, в частности этнологов и антропологов, легла еще большая ответственность за свои работы, за их нравственные и этические выводы. И основным мерилom является сам ученый — его воспитание, образование и понимание целей и задач своего исследования.

В нашем обществе в целом (радио, телевидение, газеты) стало очень мало внимания уделяться народам России. А вместе с тем нужна постоянная и кропотливая работа, направленная на сближение разных народов, работа, нацеленная на воспитание взаимного уважения представителей разных национальностей. Во многом эту очень ответственную социальную миссию на

сегодняшний день выполняют ученые-этнографы. Поэтому и нужны научные труды, рассказывающие о народах России, и ученые, изучающие эти народы.

Высоко оцениваю работу отдела Сибири МАЭ, который на протяжении многих лет проводит «Сибирские чтения». Заботливое внимание сотрудников отдела к гостям создает уютную среду для обмена мнениями. В прошлом году (2004) МАЭ провел уже шестые по счету Чтения.

Следует сказать о большой работе, проводимой омской этнографической школой, возглавляемой Н.А. Томиловым. Ежегодно проводится семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований». В 2004 г. был проведен уже одиннадцатый семинар. Его особенностью является то, что каждый год организаторы стараются провести очередное собрание в новом научном центре, новом месте. Я принимал участие в работе нескольких семинаров (Ханты-Мансийск, Омск, Алма-Ата). Конечно, организация таких масштабных мероприятий требует значительных усилий и хорошего слаженного коллектива, в чем мне неоднократно приходилось убеждаться. Хочется от имени всех участников публично поблагодарить Н.А. Томилова и его учеников за большой вклад в развитие этнографической науки России.

3

Мне представляется, что большое значение имеют проблемы развития хозяйственно-культурных типов, которые выведут нас на вопросы выяснения причин эволюции хозяйства и быта и изменения образа жизни. До сего дня в школьных учебниках излагается простая схема развития: охотники, рыбаки — кочевники — земледельцы.

Например, если взять регион вокруг Байкала, то здесь происходит не такое прямолинейное развитие. Неолит — охотники, рыболовы в тайге в речных долинах, возможно земледелие. Бронза — усиление кочевнических элементов. Средневековье — от хунну до начала II тыс. н.э. — развитая оседлость со строительством городищ и крепостей, с пашенным земледелием, свиноводством. С начала II тыс. н.э. — усиление кочевнических и лесных элементов в культуре. Приход русских казаков застает здесь кочевников бурят, охотников эвенков и соетов. Начиная с XVII в. вновь идет процесс оседания. Поразительно, но когда изучаешь бурятский фольклор, то оседлость, земледелие и свиноводство описываются как неотъемлемая часть быта героев сказок и эпоса, они отражены в пословицах, поговорках. Изучение бурятского и якутского языков показывает, что до прихода тюрков-кочевников здесь жили оседлые монголы (Антонов В.А. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971; Рассадин В.И. Монголо-бурят-

ские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980). Встает проблема оседлости монголов. Изучение монгольской культуры и языка ставит еще один вопрос. Откуда монгольский язык имеет собственную терминологию, связанную с морем и морскими обитателями: кит, китовый ус, трепанг (Дашибалов Б.Б., Рассадин В.И. Откуда вышли предки монголов // Восточная коллекция. 2004. № 4).

Все это, в свою очередь, ставит вопросы миграций культур. Эта тема в советской науке в целом не приветствовалась, всегда была опасность быть обвиненным в «буржуазном миграционизме». Большинство крупных работ (С.П. Толстов, С.В. Киселев, А.П. Окладников), вышедших после войны, показывали в основном автохтонность культур изучаемого региона.

Сибирь представляет очень хороший исследовательский полигон для изучения древних движений народов и взаимосвязей этносов. Суровая природа, замкнутые в лесных и горных массивах котловины могут тысячелетиями сохранять традиции и обычаи, давно исчезнувшие там, где они возникли. На берегах Байкала у бурят мы видим круговой танец *ехор*, который не только названием, но и своей солярной символикой связан с русским хороводом, болгарским *коло*, сванским *коро*. Бурятские лапчатые украшения-подвески находят прямые аналогии в костюме славян и финно-угров средневековья, а якутские украшения прямо восходят к шумящим и звенящим подвескам угро-самодийского мира. Полагаю, что исследование сибирских народов может показать евразийское единство. Вместе с тем это изучение покажет, что этнос, культура, язык — это метаморфозы времени и нашего сознания.

4 Если брать монголоведение, то у нас давно установились тесные контакты с учеными Монголии. В последнее время расширились связи с исследователями Китая (автономный район Внутренняя Монголия). Проведено несколько совместных экспедиций, охватывающих Россию (Бурятию), Монголию и Китай (Внутренняя Монголия). Достаточно активны в монголоведении исследователи Германии и Японии.

5 Работая в вузе, я вижу, как меняется студенчество. Сравнивая со своими годами учебы, могу отметить, что уходит романтика научного поиска. Это видно по выбору нынешними студентами кафедр специализации, тем дипломных работ. Молодой ученый становится прагматичен и деловит. Это хорошие качества, востребованные временем. Вместе с тем наука нуждается и в поэтах, мечтателях, чудаках. Их идеи и работы открывают наше сознание и будоражат мысль.

МАРИЯ ИВШИНА

1

Представляется, что современное состояние отечественной этнографии нельзя определить однозначно только в мажорных или только в минорных тонах. Видимо, российская этнография еще не вышла из кризисного состояния. Главное же проявление последнего, на мой взгляд, заключается не в количестве написанных работ или недоступности общемирового исследовательского поля. Кризис отечественной этнологии в том, что она потеряла (или не имела?) широкую, массовую ценность и связанную с ней государственно-административную ценность и значимость. Непонятно при этом, что важнее и плачевнее по последствиям — потеря первого или второго. Современный российский среднестатистический человек, как ни горько и удивительно это отмечать, плохо представляет, в каком многообразии этнических традиций он живет, неважно, подразумеваем мы под многообразием весь мир или только Россию. Простое столкновение с этнографической неграмотностью — это только полбеда и надводная часть айсберга. Дальше наступает столкновение с безграмотностью, которую человек не желает преодолевать. Вероятно, этот факт следует связывать со складыванием в современном социальном пространстве культуры потребления, культуры шоу, которая основана на том, что ярко и вызывает сиюминутный интерес, но которая легка и не требует глубоких усилий, будучи основана на формировании и удовлетворении непритязательных потребностей. Между тем современный мир с его многообразием этнических и этнорелигиозных конфликтов, контактов, войн нельзя просто поделить на два: мусульмане — не мусульмане, русские — чукчи, русские — американцы. Преодолеть отсутствие мотивированного, прочного стремления широкой публики постичь многообразие того, что лежит за Уралом, попытаться понять и оценить красоту этого пространства и его

**Мария Владимировна
Ившина**

Глазовский госпединститут
им. В.Г. Короленко, Глазов,
Удмуртская Республика

право на существование, структурировать свою картину мира — практические задачи этнографии как гуманистической науки. Этнография, даже с учетом невероятной популярности и модности стиля ethnic, остается достаточно узким кругом. В то же время мы стоим перед фактом незаинтересованности этнографией как практической наукой высшими сферами — государственными структурами и большим бизнесом. Понятно, что 60 секунд рекламы — это живые деньги и прямо сейчас, а 60 секунд материала, отснятого в нетуристических районах Крайнего Севера или Австралии, — финансовые потери TV-канала. Не в лучшую сторону изменился в этом смысле и журнал «Вокруг света», переполненный рекламой туроператоров. Менее всего понятна в этом случае инертная и даже отрицательная по отношению к этнографии позиция полиэтничного государства, в котором последствия первой и второй чеченских войн будут ощущаться еще по меньшей мере четверть века (без учета фактора мирового терроризма). Прагматизация образования способствует изъятию курсов с этнографической направленностью из учебных программ или уменьшению количества часов по этнографическим дисциплинам. Курс на прагматизацию образования лишает его не то что самой широты, гуманистичности или энциклопедичности, но даже стремления к таковым.

3

К кругу наиболее значимых исследовательских проблем современной этнографии, очевидно, следует в первую очередь отнести те исследования, которые получили название городской этнографии. Этнография города — этнография не просто XX века. Это огромный неописанный и непроанализированный материал по современному городскому быту (индустриальная этнография), материал, связанный с культурными, психологическими, социальными характеристиками и традициями самых разных групп городского населения. Вообще, этнография городских культурных пространств — неизмеримое поле деятельности, поскольку она не просто изучает неизученное, но дает возможность проследить процесс формирования культурных границ, то есть провести этнографический анализ по горячим следам. В этих рамках становятся важными исследования по городской мифологии, мифологии авторской литературы (которой успешно занимался Мирча Элиаде и которая активно формируется в произведениях не только Г.Г. Маркеса, Х.Л. Борхеса, У. Эко, Дж.Р.Р. Толкина и его многочисленных последователей), культуре детства, этнографии деловых отношений, гендерным доминантам, которые город успешно и не очень трансформирует. В сущности, за кадром и без внимания этнологов и антропологов остался весь промышленный XX век — то пространство, из которого исхо-

дил основной исследовательский импульс, направленный на остальной нецивилизованный или малоцивилизованный мир. Безусловно, актуальными и значимыми останутся проблемы, связанные с этнопсихологией, этноконфликтологией. Однако необходимо было бы усилить ту их сторону, которая привела бы к непосредственной разработке совершенно конкретных практических рекомендаций и программ. Одновременно с этим думается, что в этом направлении прорыва и нетривиальных результатов не будет; будет медленное и неоднозначное разрешение этнополитических проблем. Очевидно, что значимым направлением в российской этнографии является этнография малых народов или этнических групп: успеть зафиксировать в динамике современных трансформаций то, что воспроизводится в традиционном культурном ритме. В этом смысле считаю вполне обоснованным вопрос: а следует ли искусственно, основываясь на результатах этнографических исследований, в виде фольклорных коллективов или этнических общественных организаций возрождать национальные традиции, уже отмершие как культурный факт. И когда мы действительно сталкиваемся с попыткой этнической реанимации? Значимыми для этнографии являются и останутся гендерные исследования во всем их многообразии, но лишь при условии, что в среде исследователей будет преодолено наконец убеждение в том, что гендерный — в первую очередь женский. Создается устойчивое впечатление, что точка зрения на пол как социальный конструкт до сих пор еще не прочувствована, и не только обществом, но и исследователями, как и то, что жизненный выбор профессии и стиля не должен быть связан с полом принудительно, что проблемы пола — общие проблемы, а не мужские и не женские. В силах этнографии изменить гендерные стереотипы патриархатности, которые в современном информационном пространстве являются едва ли не самым мощным тормозом развития.

4

Приходится признать, что осведомленность и тем более учет западными коллегами результатов исследований российских ученых-антропологов и этнологов имеют гораздо более низкий уровень, чем осведомленность и общая ориентация в круге работ коллег из Европы, Америки отечественных исследователей. Но одновременно опасаюсь, что подобное утверждение может носить искаженный, стереотипичный характер. Однако и в России разработки западных ученых известны и доступны не так широко, как хотелось бы. Очевидно, это не только следствие существования занавеса. Продолжает сказываться разница в методологической базе, подходе и методиках анализа исследуемого объекта. Есть еще одна, на мой взгляд, немаловажная сторона этого процесса взаимодействия научных

традиций. Западная исследовательская и публикационная традиция страдает излишками независимости. Несколько безответственное отношение независимого художника, творца к печатному слову, к тому, дойдет ли оно до читателя и нужно ли оно читателю, удивляет. Такое ощущение, что авторский труд ученых-гуманитариев, художников, писателей создавался безотносительно к аудитории. Я-выражение для автора подчас важнее всего.

5 Полагаю, что среди таких факторов можно выделить: а) не всегда широкий, недостаточный доступ к мировым информационным источникам; б) недостаточное развитие навыка самостоятельного поиска реального, т.е. интересного, актуального, обладающего большим потенциалом, объекта и предмета исследования; в) нехватка времени при том количестве профессиональных и вообще социальных нагрузок, которые характерны для современной действительности.

6 Представляется, что конгресс должен в равной степени обсуждать как научно-исследовательские проблемы, так и проблемы практического взаимодействия групп, региональных организаций исследователей, проблемы практического взаимодействия с властными и административными структурами. Цель — решение социальных проблем современности (конфликты, образование, консолидация общества и т.п.), в которых наряду с социологией и психологией этнография играет ведущую роль.

7 О существовании сообщества российских этнографов и антропологов говорить, безусловно, можно. Причем у этого сообщества уже достаточно длительная история и традиции. Другое дело, что сообщество иерархично, и это не всегда, с моей точки зрения, положительный факт. Этнологическое сообщество России структурировано таким образом, что имеет в своем составе центральные и местные сообщества, которые, в сущности, соответствуют сложившимся историко-культурным областям либо объединены по национально-региональному признаку. (Справедливости ради надо сказать, что территориальный принцип объединения выигрышнее, чем этнический.) Видимо, приходится говорить, что в настоящее время сообщество мало централизовано и внутренние связи между региональными или этническими отделениями не отличаются постоянством и прочностью. Ярче всего, что закономерно, видна деятельность столичных сообществ и крупнейших территориальных групп. Местные сообщества имеют меньше доступа к общероссийским информационным полям. В таких случаях мировые источники и результаты подчас более доступны. Такая разная выраженность центральных и локальных структур со-

общества, вполне вероятно, связана с разными традициями преемственности поколений в центре и на местах. Пополнение сообществ идет в основном за счет набора учеников из своих мест. Даже получив образование в центре, большинство исследователей возвращаются (вынужденно?!) на местный уровень. Центральное сообщество — почти каста. У региональных сообществ, таким образом, меньше самостоятельности, в методологическом и теоретическом плане они всегда вынуждены идти только за центром. Хочется при всем этом отметить, что эти процессы вполне закономерны и не единичны, их не всегда следует рассматривать под знаком минус. Оживление связей или формирование принципиально нового типа связи между центральными и локальными организациями не только консолидирует сообщество антропологов и этнографов России, оно даст возможность регионам стать более выраженными. Может быть, пора говорить о своеобразном возрождении РГО с его системой региональных сообществ, корреспондентов, постоянными печатными и виртуальными изданиями, перекрестными экспедициями и кросскультурными исследованиями? Это будет не система филиалов АН или местных вузов; НИИ и вузы созданы с другими целями. Конгресс этнографов и антропологов, к сожалению, не постоянно действующий орган и не может решить всех проблем. Возможно, РГО позволит обществу перестать быть инертным и оценить этнографию и ее потенциал по достоинству?

ВЛАДИМИР КИСЛЯКОВ

Прежде всего, несколько вступительных слов. В связи с тем, что я не обладаю исчерпывающей информацией о развитии российской этнологии и антропологии в целом, мне придется ограничиться имеющимися сведениями о петербургской науке, точнее о том, какими исследованиями и практическими делами занимаются сотрудники Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (в дальнейшем — МАЭ).

**Владимир Николаевич
Кисляков**
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

Как известно, МАЭ как самостоятельное академическое научно-исследовательское учреждение был основан в 1992 г. До этого (с 1933 г.) он входил в состав Ленинградской части Института этнографии (с сере-

дины 1980-х гг. — Института этнологии и антропологии) АН СССР. В связи с этим сотрудники института занимались прежде всего различными общетеоретическими проблемами и исследованиями определенных аспектов общественного строя, традиционной материальной и духовной культуры народов мира.

Что касается исследования коллекционных фондов МАЭ, то это направление находилось как бы на периферии, хотя здесь надо отметить публикацию такого авторитетного издания, как «Сборники МАЭ», выходявшие с 1900 г., а в 1970-е — начале 1990-х гг. ставшие практически ежегодниками.

В 1980-е гг. значительно увеличилось число выездных выставок, в том числе и зарубежных. Упомянем здесь хотя бы большую выставку «На стыке континентов» (США, конец 1980-х — начало 1990-х гг.).

Приобретение МАЭ статуса самостоятельного учреждения повлекло за собой неизбежное изменение направлений основных исследований. Разнообразным теоретическим и практическим проблемам музееведения стало уделяться неизмеримо больше внимания. Это выразилось в появлении новых тенденций в деятельности МАЭ. Начали выходить новые периодические издания («Кунсткамера. Этнографические тетради» (к 2003 г. вышло 13 книг) и «Курьер Петровской Кунсткамеры» (11 книг), в которых были опубликованы многие статьи по музейной тематике. Велась работа по подготовке новых постоянных экспозиций, которые были открыты (по народам Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока). В 1990-е — начале 2000-х гг. МАЭ стал разрабатывать новые формы временных выставок (например, «Мир одного предмета»), а также (несмотря на крайнюю нехватку выставочных помещений) в залах музея начали экспонироваться временные тематические выставки из фондов МАЭ по Сибири, Зарубежной Азии, народам Европы и пр. В эти же годы значительно увеличилось количество выставок экспонатов из фондов МАЭ в других музеях (упомянем, в частности, сотрудничество МАЭ с Государственным выставочным залом «Смольный собор» и музеем «Прорыв блокады Ленинграда» в г. Кировске Ленинградской области). В конце XX в. были установлены взаимоотношения с музеями ряда европейских стран, что повлекло за собой увеличение числа зарубежных выставок МАЭ (например, «Япония — Европа» в Берлине, выставки по сибирскому шаманизму в Финляндии и Германии, «Кочевники Евразии» в скандинавских странах, «У стен древнего Мерва» в Дрездене и пр.). Сотрудничество с музеями, научными учреждениями и различными фондами европейских стран способствовало развешиванию в

МАЭ работ по подготовке к открытию нескольких постоянных экспозиций, в частности анатомических коллекций XVIII в., Музея М.В. Ломоносова и т.д.

В то же время сотрудники МАЭ не прекращали исследования и тех научных тем, которыми они занимались в предыдущие годы. Публиковались монографии и сборники статей. В МАЭ проходили ставшие традиционными различные чтения (например, Маклаевские, Среднеазиатско-Кавказские, Кюнеровские, «Этнография Петербурга — Ленинграда» и пр.).

Все сказанное выше, как мне кажется, может облегчить понимание того, что происходило в МАЭ за последние два года, прошедшие после предыдущего Конгресса российских этнографов и антропологов. В силу ряда причин прекращено издание альманахов «Кунсткамера. Этнографические тетради» и «Курьер Петровской Кунсткамеры». Однако в конце 2004 г. начал выходить новый журнал «Антропологический форум». В то же время продолжается издание международного восточного журнала «Manuscripta Orientalia», в котором публикуются и статьи сотрудников МАЭ, посвященные фондам музея. Открыто несколько постоянных экспозиций, в частности, была завершена работа над выставкой «Первые естественно-научные коллекции Кунсткамеры», экспозициями Музея М.В. Ломоносова («Готторпский глобус», «Астрономическая обсерватория»). Открыты временные выставки: «Ингерманландцы», «Россия — Америка: 300 лет в книгах, документах и картах», «Илона ван Гент. Артефакты и аномалии», «Последнее путешествие капитана Кука», «Бронза в японском доме», «Якутия на невских берегах», «Jeinov — мы пришли» и др. Работали выставки из цикла «Мир одного предмета», например «Пернатый змей — Кецалькоатль», «Китайские дорожные солнечные часы» и др. Увеличилось число временных выставок на музейных площадках Петербурга и других городов России, например «Одежда народов Восточной и Юго-Восточной Азии» (Кировск), «Реставрация музейных ценностей в России» (Смольный собор), «Забытый император» (Ораниенбаум), «Играют дети мира» (Смольный собор), «Усть-Полуй: I век до н.э.» (Салехард) и пр. За рубежом прошло несколько выставок МАЭ, в частности «У истоков человеческого духа» (Финляндия, Тампере), «Кадьяк. Аляска» (Франция, Париж), «Дворец знаний. Кабинет искусств и редкостей царя Петра Великого» (Германия, Дортмунд, Гота), «Самураи: 1000 лет культов и культуры» (Финляндия, Тампере; Швеция, Мальме). В 2002–2004 гг. МАЭ совместно с Институтом культурного наследия Республики Корея (Сеул) готовил к изданию полный каталог корейских коллекций МАЭ. Работа была завершена в 2004 г., и каталог был опубликован в Сеуле на русском и корейском

языках (Памятники корейской культуры из собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) России. Сеул, 2004).

Хотелось бы отметить еще несколько фактов. В конце 1990-х гг. видный отечественный историк и этнограф доктор исторических наук А.С. Мыльников организовал экспедицию в Северную Германию с участием сотрудников отдела европеистики МАЭ. В результате были завязаны взаимоотношения между отечественными и немецкими исследователями, фонды МАЭ пополнились весьма ценными экспонатами, а сотрудники МАЭ начали разработку новой тематики (дело в том, что в течение многих лет исследование этнографии и истории культуры народов Зарубежной Европы не было развито среди ленинградских/петербургских ученых). После безвременной кончины А.С. Мыльникова его ученики и последователи продолжили и расширили географию исследований, в частности, началось интенсивное изучение этнографии народов скандинавских стран, Юго-Восточной Европы (албанцев, болгар и др.). Сотрудники отдела Африки принимали участие в международной экспедиции по исследованию Кот-Д'Ивуар (на средства Швейцарского национального фонда). Продолжалось сотрудничество МАЭ с голландскими учеными, результатом которого стала постоянная экспозиция, посвященная анатомическим коллекциям Ф. Рюйша. Сотрудничество с немецкими исследователями позволило провести масштабную реконструкцию и обновление постоянных экспозиций в Музее М.В. Ломоносова.

Если говорить о других научных направлениях, разрабатываемых сотрудниками МАЭ, то здесь, как мне кажется, в первую очередь надо отметить следующее. Продолжается начатый еще в середине 1990-х гг. выпуск серии «Алгебра родства». Ведется рассчитанная на несколько лет работа над большими темами, в частности, Коллекции МАЭ (Кунсткамера) РАН: традиционные и новые технологии хранения, экспонирования, атрибуции и каталогизации; Кунсткамера: история музея и коллекций; «Биобиблиографический словарь отечественных этнографов и антропологов. XX век»; Текстиль как этнографический источник. Сотрудники МАЭ принимают активное участие в различных научных форумах (конференциях, семинарах и пр.) как в России, так и за рубежом (перечислить их не представляется возможности). В последние годы, помимо внутримузейных Чтений, упомянутых выше, были проведены Зеленинские чтения, продолжали созываться Ольдерогговские чтения, чтения «Немцы в Петербурге», Скандинавские чтения и др., действовало несколько постоянных научных семинаров (семинар по текстилю, семинар по истории

Кунсткамеры). Во всех этих заседаниях активное участие принимали и сотрудники других научных и высших учебных заведений нашего города.

Перечислим хотя бы некоторые монографии и сборники статей, выпущенные МАЭ за последние годы (как мне кажется, этот выборочный список дает представление о тематике научных исследований сотрудников МАЭ). Альбедиль М.Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. СПб.: Паритет, 2002; Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций. Человек в духовных традициях Востока. СПб.: Азбука — классика, Петербургское востоковедение, 2003; Альбедиль М.Ф. Индия — беспредельная мудрость. М.: Алетейя, 2003; Арабские средневековые источники XII—XIV веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.: Восточная литература, 2002. Т. 4; Библиография трудов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). 1992—2002. СПб.: МАЭ РАН, 2004; Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явлений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004; Ботяков Ю.М. Аламан: Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX — первая половина XX в.). СПб.: МАЭ РАН, 2002; Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. / Пер. с нем. Т.К. Шафрановской. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002; Иванова Е.В. Одежда и украшения народов Юго-Восточной Азии: (опыт сравнительно-типологического исследования). СПб.: МАЭ РАН, 2002; Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003; Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: Материалы конференции. В 2 т. СПб.: Европейский дом, 2002; Левенштерн Е.Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном / Пер. с нем. Т.К. Шафрановской. СПб., 2003; Павлинская Л.Р. Кочевники Голубых гор. Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб.: Европейский дом, 2002; Попова Т.А. Многослойное поселение Поливанов Яр: (К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье). СПб.: МАЭ РАН, 2003; Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004; Русский Север: аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции: Сборник статей. СПб.: МАЭ РАН, 2002; Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004; Смех. Истоки и функции. СПб.: Наука, 2002; Соловьева О.А. Лики власти Благодородной Бухары. СПб.: МАЭ РАН, 2002; Успенская Е.Н. Раджпуты. Традиционное общество. Государственность. Культура. СПб.: МАЭ РАН, 2003;

Христианство в регионах мира. СПб.: МАЭ РАН, 2002; Чистов К.В. Русская народная утопия. (Генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003.

Мне кажется, что сказанное выше позволяет дать представление об основных направлениях и перспективах научной и музейной деятельности МАЭ и положительно ответить на вопрос о связях петербургских этнографов, в частности сотрудников МАЭ, с их коллегами из других музейных и научных центров России и зарубежных стран.

ГАЛИНА КОМАРОВА

3

Доброй традицией отечественной этнографии считаю то, что она всегда была тесно сопряжена с другими родственными науками. Будучи этнографом по образованию, я давно уже работаю в тесном контакте с теми коллегами, кто стоял у истоков, формировал и развивал различные междисциплинарные научные направления в этнографии. И постоянно на собственном опыте убеждаюсь, насколько интересной и плодотворной может быть кооперация исследователей с разным базовым образованием, но прошедших общую школу становления того или иного междисциплинарного направления, имеющих одну научную школу и работающих над общими проектами. Особое место в этом ряду занимает этносоциология. Это научное направление, возникшее в конце 1960-х гг. на стыке относительно молодой в СССР конкретной социологии и традиционной этнографии, уже оказало, на мой взгляд, важное влияние на развитие этнографической науки. К числу ее несомненных достижений можно отнести и разработку оригинальной научной методологии, и проведение масштабных комплексных исследований, и создание ряда фундаментальных трудов. Но все же главная ее заслуга состоит в том, что благодаря этносоциологии этнографы, во-первых,

**Галина Александровна
Комарова**
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

преодолели былую традицию делить культуру на материальную и духовную, без учета социального контекста и сложных социальных взаимодействий, во-вторых, начали активное исследование этнических проблем современности. В результате этнография перестала восприниматься лишь как наука об архаике, что позволило покончить с существовавшей в СССР с 1930-х гг. практикой ее изоляции как науки о культуре от наук о человеке и обществе.

К сожалению, в последние годы стало «хорошим тоном» подвергать без разбора суровой критике все, что происходило в нашей науке в советские времена. Уже немало «камушков» было брошено и в этносоциологов, причем брошено мимоходом. Обычно это происходит в ходе очередной вспышки дискуссии между «качественниками» и «количественниками». При этом критики этносоциологии не учитывают (или не считают нужным учитывать) тот исторический контекст, те исторические реалии, в которых происходило формирование и развитие нового научного направления. И к тому же зачастую не отличают (или не хотят отличать) академических этносоциологов от «научных коммунистов», которые не только «заведовали» в СССР всей национальной проблематикой, но и находились в постоянном латентном конфликте с этносоциологами.

Похоже, что многолетний спор между «качественниками» и «количественниками» будет продолжаться еще не один десяток лет. Следить за его траекторией занимательно и весьма полезно. Но важно не попасть под ложное обаяние разочарованных в объяснительной силе социальных наук и в запале не «выплеснуть ребенка вместе с водой»: не растерять накопленный опыт, методологию, научные идеи, сохранить школу. Представляется весьма перспективным не только сохранять и шлифовать важнейшие с точки зрения этнографии методы исследования (неструктурированное включенное наблюдение и нарративное интервью), но в дополнение к традиционным этнографическим методам шире использовать методики, разработанные в социологии, психологии, статистике, демографии и т.д. И особенно — в этносоциологии. Ведь тот факт, что сегодня представители сразу нескольких наук готовы «поглотить» этносоциологию, присвоив себе и ее достижения, и ее методологию, служит прекрасным свидетельством значимости этносоциологии и ее вклада в науку.

Многое можно было бы сказать и во славу других междисциплинарных направлений в нашей науке. Ограничусь лишь напоминанием о том, что фундаментальные исследования в области междисциплинарных направлений этнографии даже в условиях идеологического прессинга давали возможность изу-

чать реальные процессы развития народов, населявших Советский Союз. Лучшие из научных трудов, выполненные в рамках этих дисциплин, в свое время значительно повысили интеллектуальный уровень и престиж этнографии как в СССР, так и за рубежом. Многие из них, например труды по этнографии детства (просьба не путать с так называемой «этнопедагогикой!»), и ныне высоко оцениваются зарубежными и отечественными специалистами. Именно подход к развитию ребенка, разрабатываемый И.С. Коном и его ленинградскими единомышленниками и, по оценке авторитетных экспертов, интегрирующий историческое, семиотическое, этнографическое и социально-психологическое знание, представляется весьма значимым и перспективным для нашей науки. В современных условиях очень актуальной, значимой, перспективной и требующей особого внимания является этноэкологическая проблематика.

Безусловно, чтобы наша наука соответствовала реалиям времени и была востребована современным обществом, круг ее исследовательских проблем может и должен обновляться. Вместе с тем грамотное использование междисциплинарного подхода способно даже в многократно клонированной тематике высветить и исследовать новые, актуальные проблемы. В целом зная и уважая, но вместе с тем не разделяя мнение отдельных коллег, считающих, что расширение рамок предмета этнографии разрушает эту науку, я уверена, что расширение границ традиционной этнографии и сближение ее со смежными науками — тенденция современного познания мира. И полагаю, что междисциплинарный подход к исследованию многих и многих проблем нашей науки весьма перспективен на сегодняшний день. Но крайне важно, чтобы у истоков междисциплинарной интеграции этнографии с другими науками стояли и, соответственно, занимались формированием и развитием на их основе новых научных дисциплин истинные ученые. Это должны быть профессиональные ученые, а не «интересанты», псевдоученые, случайные попутчики науки этнографии, знакомые с ней лишь по фильму «Кавказская пленница» и на этом основании бесцеремонно «назначающие себя» этнографами (антропологами, культурологами и пр.) и с завидной легковесностью изобретающие новые псевдонаучные дисциплины, используя без всякого на то основания бренд «этно».

4

Позволю себе несколько откорректировать вопрос, добавив к нему, помимо «западных коллег», еще и «восточных», в частности японских. Имея почти двухлетний опыт общения с многочисленными японскими этнологами (в основном среднего и молодого поколения), невозможно было не отметить,

насколько интенсивно, слаженно, высокопродуктивно и творчески работает это профессиональное сообщество. Слагаемые успеха японских ученых общеизвестны: прекрасное образование (получаемое в том числе и на Западе); длительные зарубежные научные стажировки; активное владение (как минимум) двумя иностранными языками — английским и языком изучаемого народа; регулярные продолжительные полевые исследования; постоянные командировки в лучшие университеты и научные центры мира для работы в библиотеках, архивах; активное участие в международных конференциях и т.д. Важно также, что внутри страны этнологи работают в тесном контакте со своими коллегами, участвуя в совместных долгосрочных проектах, регулярно встречаясь на научных симпозиумах, рабочих совещаниях и т.д. В Японии широко распространена практика приглашения ведущих антропологов мира с курсами лекций, а также временного включения иногородних и зарубежных специалистов в штат того или иного научного подразделения с целью разработки общих научных проектов.

Очень активно работают японские исследователи этнографии народов постсоветского пространства (практически всех республик, краев и областей бывшего СССР). Они, как правило, прекрасно знают все работы дореволюционных, советских и постсоветских этнографов/антропологов, хотя бы в малой степени касающиеся избранной ими проблематики. Им известны не только фундаментальные труды и обобщающие работы, но и сборники аспирантских статей, тезисы различных конференций, в том числе и областных, и т.п. В славянских коллекциях университетских и музейных библиотек Японии имеется не только вся классика российской этнографической науки, но и многие работы наших коллег, изданные в 1990-е гг. ничтожно малыми тиражами в различных регионах страны и уже с момента выхода в свет ставшие библиографической редкостью. Так что японские ученые хорошо знакомы с публикациями результатов исследований современных российских этнографов/антропологов.

Японские коллеги очень подробно и вдумчиво изучают историю российской, советской и постсоветской этнографии/антропологии, уделяя особое внимание исследованию научных идей, школ, творчеству известных ученых, разыскивая забытые имена, отмечая важные вехи и малоизвестные страницы. В прошлом году они начали работу над большим многолетним проектом, посвященным истории российской этнографии. Японские специалисты по российской этнографии/антропологии в последние годы все чаще издают свои работы на иностранных языках (английском, русском и др.). Так что они не только прекрасно знают и учитывают все результаты деятельности не-

скольких поколений российских этнографов, но и успешно пропагандируют их в мировом научном сообществе.

5

Одной из основных причин негативной трансформации современной российской науки обычно называют плохое финансирование. Но авторы анкеты правильно поступили, выведя этот фактор за скобки обсуждения. Плохое финансирование — это скорее не причина, а следствие, проявление глубокого функционального кризиса отечественной науки. Он заключается в том, что ее прежние, «советские» функции — оборонная, престижная, идеологическая — сегодня уже не востребованы. А другие, первостепенные (как принято в передовых странах) функции науки — познавательная, образовательная, технологическая и т.п. — еще не востребованы современным российским обществом. Как известно, соотношение между основными функциями науки и их конкретное наполнение не постоянны, а зависят от общества и избранной им траектории развития. Ведущие российские науковеды уже давно отметили переключение отечественной науки с прежней «космической» траектории развития на новую «политическую» траекторию. И в этих новых обстоятельствах положение любой науки, в том числе и нашей, зависит от социального заказа. И даже не от его характера, а от самого факта существования этого заказа. В советские времена этнография достаточно успешно выполняла функции, возложенные на нее обществом, прежде всего познавательную, идеологическую, престижную и др. В условиях перестройки и в последующие годы она оказалась востребованной в основном лишь для выполнения экспертной функции. Безусловно, подобный социальный заказ в свое время помог этнографии, как и некоторым другим социогуманитарным наукам, справляться с проблемами кризисного периода.

Однако это в целом позитивное явление в последние 10–15 лет вызвало к жизни ряд далеко не однозначных тенденций в развитии науки. В частности, имея лишь один вид социального заказа на выполнение экспертной функции, даже самые великие ученые, поглощенные зарабатыванием денег, причем не только для себя и своей семьи, но и для своего научного подразделения, научного коллектива, вынуждены меньше времени и сил отдавать анализу и теоретизированию. Существующая ныне стратегия выживания ученых сказывается и на проведении эмпирических исследований. Они менее тщательно готовятся и проводятся, многие этапы работы перепоручаются аспирантам, студентам и даже непрофессионалам, хотя общеизвестно, насколько важны в нашей работе все этапы, так как никакая высокая теория руководителя проекта не исправит те провалы, что были допущены другими его участниками.

Еще один пример. Увеличение количества этнографических подразделений в стране, особенно в различных ее регионах, можно оценить как факт положительный. Но зачастую это происходит за счет малооправданного и малоэффективного дробления прежних исследовательских коллективов или (что еще печальнее) в результате волшебного перерождения бывших научных коммунистов, историков партии, бывших партийников и т.п. в этнографов. Причем с единственной целью — для получения экспертных заказов, т.е. для получения денег. И, конечно же, в таких случаях ни о каких фундаментальных научных исследованиях речь не идет. И, соответственно, результаты деятельности подобных «экспертов и аналитиков» лишь профанируют науку этнографию.

Можно называть различные причины, мешающие продуктивной научной деятельности. Но все они — лишь производные от функционального кризиса отечественной науки, главный симптом которого — падение престижа научного труда в современном российском обществе.

ВЛАДИСЛАВ КУЛЕМЗИН

1

Состояние российской антропологии, вероятно, можно оценить как находящееся на пути становления. Это вполне объяснимо и не может быть иначе, особенно если принять во внимание большую роль традиции. В науке она не менее существенна, чем в культуре. Традиция (в данном случае инерция) объясняется многими негативными факторами: на протяжении длительного времени мы неукоснительно вынуждены были соблюдать формационный подход, принципы историзма, первичность материального. Бесконечная цепь причинно-следственных связей (неверных и слишком великих) методологических постулатов привели даже самых маститых советских антропологов, например, к признанию прямой зависимости форм верований от степени господства общества над природой, человека над орудиями труда. Традиция, о которой я веду речь, столь сильна, что среднее и даже молодое поколение исследователей часто пытается втиснуть какой-либо факт

культуры в рамки какой-либо модной сегодня теории. Встает непростой вопрос: а что если выбросить из головы все эти теории? На ум приходит ответ царя Александра III на предложение министров отказаться от наказания розгами: ведь во многих странах они уже отменены вообще. Подумав, монарх сказал: *«Я знаю, что розги — это нехорошо, но я не знаю, чем их заменить»*.

2

Таким образом, основной сложностью для отечественной и мировой этнологии остается проблема методологии и связанной с ней методики. Эта проблема значима, но пока совсем не перспективна, и сегодня ничто не сулит быстрого продвижения на пути к созданию общей теории. Пока что этнология и этнография как у нас, так и за рубежом остаются эмпирическими науками.

Здесь, однако, надо заметить, что эмпирический характер для этнографии (не этнологии вообще) есть необходимое условие. Придет время, хотя до него еще и далеко, когда многочисленные факты сгруппируются в некоторое количество положений. Так было всегда с любой наукой, а в последнее время — с лингвистикой и генетикой.

Отечественные этнографы, как и весь советский народ, строили новое общество, не похожее на организацию социальной жизни в странах Запада. Убедившись в том, что своего более совершенного общества нам не построить, мы стали перенимать западные модели. Этнологические теории — не исключение. Уже по количеству переводимых работ совершенно очевидно, что предпочтение отдается Западу: Леви-Строс, Виктор У. Тернер, М. Элиаде, Дж. Фрезер. А где наши соотечественники, которые внесли в мировую науку достойный вклад: Н.Н. Миклухо-Маклай, А.М. Золотарев, С.М. Широкогоров и другие, которые меньше всего думали о том, как втиснуть факты в прокрустово ложе тогдашней методологии?

За рубежом с работами Лотмана знакомы гораздо лучше, чем у нас: они там изданы необходимым тиражом.

Интересно, что даже студенты первого-второго курсов на вопрос о причинах этого явления отвечают поразительно одинаково: какой смысл издавать работы исследователей той страны, в которой многие живут за чертой бедности? О понятии престижности эти студенты еще не имеют представления.

4

Кроме общеизвестных фактов, продуктивным исследованиям в нашей стране препятствует интуитивно ощущаемый фактор отсутствия востребованности, перспективы. Точно так же, как природа в целом не может противостоять зиме и погружается в сон, так и, судя по моим полевым впечатлениям, фермеры,

колхозники, инженеры, врачи, учителя скорее по привычке заводят трактор, шелестят бумагой, выписывают таблетки. Студенческие этнографические и вузовские программы вообще свернуты. Однако там, где они благодаря разного рода грантам и инициативе местных идеалистов-этнографов работают довольно активно, факт отсутствия государственного интереса нескрывается. В 1950–1960 гг. этот факт маскировался тем, что исторические исследования — это часть программы.

Никакой фальши не ощущалось даже на уровне интуиции. Конечно, в каких-то мелких деталях стал бы нескрывается скепсис руководителей работ А.П. Дульзона, А.П. Окладникова, З.Я. Бояршиновой, Г.И. Пелих. Они свято верили в общность задач этнографии и КПСС.

Я думаю, что финансирование, о котором так много говорят, и не только по этнографии, не играет совершенно никакой роли. Ни одно деморализованное общество не нуждается в этнографическом исследовании, так как контркультура не имеет этнической специфики. Разве не очевидно, что насаждаемые рыночные отношения в Сибири и на Севере несовместимы с традиционным принципом соборности, общинности? Эти два взаимоисключающих процесса нуждаются разве что в социологическом изучении.

Однажды во время финно-угорского конгресса в г. Тарту в 2000 г. мы прогуливались с М. Хоппалом. Он заметил, глядя на то, как везде моют, чистят, скребут, освежают: «*Нация на подъеме*». Конечно, о нашей нации сегодня так не скажешь. Жаль, что чувство патриотизма падает. Было бы странно, если бы оно находилось на подъеме.

5

На конференциях, конгрессах, симпозиумах, семинарах, по моему мнению, должны обсуждаться вопросы, приближающие нас к пониманию реалий действительности. Этнология и этнография ощутимо оторваны от действительности: даже на региональной конференции ставят вопросы теоретически необозримые. Вместо этого имеет смысл сближение с культурологией. Надо ставить вопросы об устойчивости, культуре и контркультуре, движущих силах контркультуры. Необходима связь с психологией (общей, медицинской и социальной).

Мне кажется, что изжила себя практика строгого соответствия диссертации по данной специальности с обязательным указанием шифра в цифрах.

Мир столкнулся с проблемой безопасности жизнедеятельности, которая объединяет все науки. Встает вопрос: почему в специальных учебных пособиях по этой дисциплине имеются разделы о природных, техногенных, но ни слова нет о соци-

альных катастрофах? Это как раз сфера этнологии, культурологии, социологии, этнопсихологии.

6

Создавать необходимо интеграционный союз наук о человеке общественном. Самоизоляция антропологов не сулит перспективы.

ЭЛЕОНОРА ЛЬВОВА

1

Я бы определила его как состояние кризиса профессиональной идентичности. Конфуций говорил: «*Перемените имена — переменится общество*». Измените название дисциплины или жанра научного дискурса — изменится профессиональная, культурная и социальная рефлексия по отношению к нему, степень его привлекательности и характер исследовательских предпочтений, а в конечном счете — возрастет интерес или, напротив, обозначится упадок его к соответствующей дисциплине. Последние 15–20 лет профессиональное самосознание российских этнографов стояло перед насущной необходимостью определять себя как этнографов, этнологов, антропологов, работающих в жанре культурной или социальной антропологии.

Традиционно в отечественной практике обучение профессии этнографа/этнолога шло на исторических факультетах. Между тем в действующем Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности 02.07.00 — «История» (Москва, 2000 г.) при отсутствии специализированной кафедры возможность получения этнологического знания ограничена объемом курса этнологии. Программа так излагает структуру дисциплины: наука о народах-этнусах; этнос, его структура, этническое сознание, механизмы символизации этнической культуры, этносоциальный организм, типология этнических общностей; принципы классификации народов мира; проблемы этноге-

Элеонора Львовна

Львова

Томский государственный
университет

неза и основные этапы этнической истории; этнический фактор в мировой истории, современные тенденции этносоциального развития. К этому следует приплюсовать четыре недели этнографической практики (реально две) — и все. За скобки выведены как знакомство с конкретными этносами и их культурой, так и возможность работать в плане теоретического понимания и практических методов социальной и культурной антропологии. Общий объем дисциплины — 144 часа — подтверждает очень малую степень заинтересованности управленческих структур в масштабном расширении объемов этнологического знания, которое является сверхнасыщенной потребностью сегодняшнего дня.

Разрыв между этой потребностью и образовательной реальностью — катастрофический. Но обозначившиеся лакуны исторического образования на наших глазах заполняются. Вполне очевидно, что этнологическая проблематика и этнографическая конкретика в известной степени приватизированы. Это можно отнести к культурологическому дискурсу и социологическому знанию. Но самым доказательным аргументом можно считать появление в 1993 г. специальности 35.01.00 — «Социальная антропология», включающей не менее 20 специальных дисциплин, в которых хорошо узнается предметное поле этнографии/этнологии. Историзм этнологического знания в отечественной традиции, по праву считающийся одним из самых высоких достоинств российской науки, уходит в небытие, по крайней мере в рамках собственно исторического образования.

3

Бесперспективных направлений не существует. Речь может идти только о качестве научного проекта. Огромное будущее, на мой взгляд, у всех вариантов прикладной антропологии, в особенности для многонациональных территорий, по проблематике межэтнических отношений и конфликтов. Известным общим местом становится и представление о том, что этнография города станет одной из наиболее востребованных. Студенты-историки, даже не самых старших курсов, говорят, что в отечественной науке и образовательном процессе аграрная история занимает приоритетное положение, в то время как Россия входит в число самых высоко урбанизированных стран мира и три четверти ее населения — горожане. Этнографическое поле города — пока очень мало исследованное пространство.

4

Западные коллеги результатами исследований наших соотечественников пользуются преимущественно инструментально, вычлняя их фактуальную основу и пренебрегая либо не замечая концептуальной, аналитической стороны научного текста.

Знакомство с западной исследовательской традицией в той или иной мере входит в «малый джентльменский набор» российского специалиста, и возможности такого знакомства существенно расширились в последнее время. Появилось множество отличных переводных изданий, но далеко не все они доходят до провинциального читателя. В какой-то степени эта недоступность компенсируется возможностями Интернета. Классиком было замечено, что в любви есть две стороны: одна целует, другая подставляет щеку. Если говорить о взаимоотношениях западной и отечественной научных традиций, сказанного — достаточно. Хотя пока мы интенсивно осваиваем чужую пашню, определенный сдвиг к более критическому восприятию также представляется очевидным.

5

Более всего — отсутствие общественного, государственного, административно-управленческого запроса и понимания экзистенциальной значимости этнологического знания. Открываем скобки: финансовые проблемы нужно обязательно иметь в виду. Маленький пример из личной жизни. С 1994 г. этнографическая практика только потому не исчезла из академических планов исторического факультета Томского государственного университета, что стала проводиться в городах Северске и Томске на абсолютно безденежной основе с использованием только ручки и бумаги.

6

7

Пожалуй, эти вопросы следует поменять местами. В России сравнительно с предшествующим временем существенно возросло число антропологов и этнографов, умножилось количество специализированных кафедр и академических учреждений, но корпоративный дух и сама научная корпорация профессионалов размыты и не очевидны. Как мне кажется, и это очень личный взгляд на проблему, произошла основательная парцеллизация научного сообщества. При отсутствии административного и организационно-управленческого ресурса возможности постоянных контактов, консультаций, взаимобменов становятся ничтожными. Нарастает автаркия на всех уровнях — двух столиц, столиц и провинции, научных и образовательных учреждений в регионах и даже в одном городе, что, конечно, лишает российских этнографов необходимой степени целостности, и даже не столько организационной, тем более идеологической, сколько профессиональной, этической, персоналистской. Сегодня же только чувства личного расположения, симпатии, дружбы остаточно сохраняют этот столь необходимый для нравственного здоровья профессионального сообщества дух корпоративности. И, вероятно, не один, не два конгресса или других встреч подобного рода понадобятся для того, чтобы воссоздать достаточную полноту профессионального бытия. Насущной необходимостью явля-

ется помощь центров в организации и пополнении информационных ресурсов в российских университетских городах. Примером уже существующего содружества можно назвать проект «Поддержка и развитие кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета в сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН», осуществляемый с 2000 г. по настоящее время. В итоге на этой кафедре появилась специализация по социальной антропологии (см. Образовательный портал Auditorium.ru).

ЕКАТЕРИНА МЕЛЬНИКОВА

1 Оценить современное состояние российской этнографии/антропологии сложно, потому что мне кажется, что ни той, ни другой в настоящий момент в России не существует. Этот вывод — субъективный, конечно, — я не считаю пессимистичным, а, скорее, наоборот: я думаю, что исчезновение с карты российских наук этнографии и антропологии (если таковая вообще существовала когда бы то ни было на этой карте) связано с качественным изменением общегуманитарной российской парадигмы в последние несколько лет.

Открытие шлюзов между западной и российской наукой привело, как это часто бывает, к массовому заимствованию терминов, иногда идей. Пытаясь выйти на мировой коммерческий рынок социальных исследований, российские гуманитарии начали искать пути соотнесения своего собственного опыта, разработок, взглядов с западной конъюнктурой. Результаты этого соотнесения, к сожалению, очень часто оставляют желать лучшего. Именно попытка соответствовать, быть в одном дискурсе с западными коллегами определила резкое изменение языка исследований. Далеко не всегда, однако, изменение языка означало и трансформацию подхода. Западные ученые обыкновенно имеют общую базу, впитанную еще с университета, так же, впрочем, как и российские, только базы эти вплоть до

**Екатерина Александровна
Мельникова**
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

последнего времени были разными. Именно поэтому, чувствуя необходимость обратиться к сокровищнице иностранной мудрости и даже ощущая ее таинственную привлекательность, ученые в России зачастую только случайно натыкались на какие-то концепции, работы, мысли, приравнивая их к своим собственным научным потребностям.

Подобная ситуация имела место в 1990-е гг. и, думаю, все-таки осталась в прошлом. Сейчас уже существуют и университетские программы, включающие качественный обзор западной историографии, и сама международная исследовательская сеть инкорпорировала значительное число российских специалистов, готовых делиться опытом и знаниями с соотечественниками. Многие имена сейчас в равной степени наполнены смыслом и, более того, одним и тем же смыслом как для российских, так и для западных ученых.

Но, возвращаясь к своей исходной посылке, хочу заметить, что «странная» история гуманитарной науки 1990-х гг. не прошла бесследно. В своем стремлении соответствовать различные ученые, опираясь на локальную академическую традицию и часто благодаря совершенно случайным обстоятельствам, выбирали разные ориентиры. Cultural studies, social anthropology, sociolinguistics, sociology и все многообразие подходов, разработанных в рамках каждого из этих направлений на Западе, стали природными ископаемыми для российских ученых. В результате каждый из них в той или иной степени нашел свою нишу, сохранив при этом и свой прежний академический статус, и манеру представляться: «Здравствуйте, я — этнограф из России».

Термин «антропология», конечно, более широк, чем «этнография», и покрывает значительный круг современных подходов к исследованию социального, но вместе с этим он отчасти теряет свое значение. Антропология в самом широком смысле, конечно, развивается в России, но, во-первых, она не имеет здесь никакой институциональной основы (на мой взгляд, нигде в России сейчас не готовят антропологов), а во-вторых, «антрополог» по-русски — это все еще маркер, указывающий скорее на западную ориентацию исследователя, чем на методы, применяемые им в работе.

2

Последние два года ассоциируются для меня, прежде всего, с каким-то неистовым развитием издательской деятельности в области гуманитарных наук. Оживилась серия «Культурология. XX век». Издаются и переиздаются классики антропологии, социологии, истории науки: Гирц, Шюц, Малиновский, Клакхон, Лич, Эванс-Притчард, Леви-Брюль и многие, многие другие. Переведены и достаточно новые работы Ив Левин,

Карло Гинзбурга, Питера Брауна. На полках книжных магазинов стоят свежие монографии из известной серии «с ключом» издательства «Индрик». Выходят исследования, посвященные самым разнообразным проблемам этнографии, антропологии, фольклористики, истории, социологии. Публикуются современные полевые материалы, переиздаются источники XIX века. Помню, что испытала почти священный трепет, увидев двухтомник Новомбергского в магазине Публичной библиотеки. Хочется надеяться, что такой издательский бум — не временное явление.

3

Мне кажется по-прежнему очень перспективной область антропологии религии. Еще совсем недавно мы были свидетелями всплеска интереса к исследованиям в этом направлении. Сегодня как будто вся эта область ушла на второй план. Во многом такое положение дел связано все с той же конъюнктурой рынка гуманитарных разработок, приоритеты которого постоянно меняются. Здесь я позволю себе высказать одну, пожалуй, достаточно тривиальную мысль. Западные ученые, как и российские, безусловно, зависят от грантовой политики. Однако, в отличие от российских коллег, они зависят не только от нее. Любой профессор европейского или американского университета, занимающийся даже самой узкой и лишенной всякой «злободневности» темой, имеет возможность проводить свои исследования, не заботясь о том, как подверстать историю средиземноморского городка XIV века под проблематику развития правовых отношений в постсоциалистической Восточной Европе. Российские же специалисты, вероятно, могут считаться высочайшими профессионалами в деле адаптации фундаментальных исследований к «практическим» запросам современности. Именно поэтому российское научное сообщество напоминает сегодня эскадру парусных кораблей, следующих направлению ветра финансовых дотаций. Но как бы там ни было, думается, что в области антропологии народной религиозности можно ожидать еще множество интересных открытий.

Далеко не исчерпала себя антропология повседневности. Впрочем, повседневность — безотказный и богатейший источник, а значит, практически бесконечный предмет изучения.

Открытая в конце 1990-х гг. в России и странах СНГ тема «приграничья» уже успела к тому времени «нарастить себе бороду» на Западе. Тем не менее специфика взаимодействия «новых» приграничных территорий, образовавшихся после распада СССР, является исключительным полем постсоветских исследований. Вместе с этим она предоставляет прекрасные возможности для международного сотрудничества.

Одна из новых тем на Западе — антропология биотехнологий, — кажется, еще совсем не представлена в российской науке, так же, как и «science studies», или «исследования науки и техники», вдохновляемые знаменитым Бруно Латуром.

Стоит сказать и об «устной истории», нашедшей отклик в российской среде. Речь в данном случае должна идти, на мой взгляд, не о научной области и даже не о методе исследования, а скорее о специфическом взгляде на источники, давно и хорошо известные фольклористам, социологам, историкам. Где-то на стыке этих трех дисциплин может появиться действительно много новых открытий, вызванных скорее взаимным обменом вопросами, нежели ответами.

4

Вопрос о востребованности работ российских этнографов/антропологов не имеет какого-то общего ответа. Российских коллег много, и они разные. Целый ряд российских специалистов хорошо известен на Западе. Их работы читают, цитируют, на них опираются. Существует также значительное число российских гуманитариев, которые проводят основную часть своего времени за границей, выступая с докладами на конференциях и участвуя в разнообразных международных проектах, но их имена никому не известны, кроме непосредственных коллег и знакомых. Огромное количество русскоязычных работ пропадает бесследно в недрах российских и, если они оказываются на Западе, западных библиотек.

Несколько иначе дело обстоит с работами в области так называемой «славистики», охватывающей все многообразие тематик и подходов, имеющих хоть какое-то отношение к России или СССР. Сообщество славистов отличается завидной прочностью связей. Думаю, не ошибусь, если скажу, что все западные слависты знают друг друга лично. Российские ученые, попадающие в это сообщество, также имеют возможность закрепиться и найти здесь свою нишу.

Англоязычные работы, посвященные российской или советской действительности, в большинстве случаев могут служить библиографическими сводами не только западных, но и русскоязычных исследований. Возможности крупных вузов Европы и Америки позволяют своим профессорам получать всю необходимую для их работы литературу, поэтому библиотека, например, кембриджского слависта включает все интересующие его публикации, вышедшие в СССР, и большинство издаваемых сейчас. Так что исследования по истории России и русской филологии, как правило, хорошо известны западным коллегам.

Мой взгляд на развитие российской науки довольно оптими-

стичен. Мне кажется, что для большинства профессионалов в России обращение к западным исследованиям сейчас столь же естественно, как и обращение к отечественным работам. Многие из них вышли на мировой уровень, имеют возможность работать в лучших западных библиотеках и работают там. К сожалению, ресурсы российских библиотек в отношении иностранных изданий по-прежнему оставляют желать лучшего. Те или иные публикации зачастую оказывается проще и быстрее найти в домашних собраниях коллег, чем в Публичной библиотеке или БАН.

7

Сообщество российских этнографов и антропологов, безусловно, существует, но применимо это понятие пока только к Москве и Санкт-Петербургу. Большинство специалистов двух столиц нашей родины знакомы друг с другом или, по крайней мере, знают друг о друге. Иначе дело обстоит со всей остальной частью России. В целом это terra incognita для столичной науки. Безусловно, существуют личные связи, индивидуальные контакты и даже, вероятно, научное сообщество, но это отдельное сообщество или даже сообщества, живущие в основном своей собственной жизнью.

Некоторые работы региональных исследователей публикуются в крупных журналах и сборниках, но, подозреваю, значительное их число остается в местных изданиях, мало известных в «эпицентрах» научной деятельности. Здесь мы имеем дело с уже давно и хорошо известной проблемой централизации, точнее децентрализации науки, панацея для решения которой мне не известна.

СЕРГЕЙ НЕКЛЮДОВ

1

Поскольку я фольклорист, а не этнограф, современное состояние этнографии мне оценить трудно. Что же касается фольклористики, которую, вероятно, тоже можно считать антропологической дисциплиной, то здесь, с одной стороны, наблюдаются децентрализация исследовательской деятельности (что, скорее, хорошо), разрыв коммуникативных и координативных научных связей (что однозначно плохо), а также уменьшение экспедиционной работы (по финансовым причинам, что, естественно, тоже очень скверно). С другой стороны,

Сергей Юрьевич

Неклюдов

Российский государственный гуманитарный университет,
Государственный республиканский центр русского фольклора,
Москва

происходит быстрое расширение «предметного поля» науки и разрушение его предшествующей структуризации. Это приводит к размыванию его внешних и внутренних границ, к концентрации внимания на тех объектах исследования, которые раньше считались маргинальными. Об этом писалось достаточно, и нет необходимости повторяться.

Трудно оценивать неизбежное как «положительное» или «отрицательное», но поскольку вопрос предполагает именно *оценку* современного состояния, то все же попробую.

Происходит то, что должно было произойти в новой реальности, а эта неизбежность относится не только к тем общественным условиям и институтам, в которых существует наука, но и к самому ее предмету. Как неоднократно отмечалось, уходит в сферу музейного хранения «классический» фольклор, и практически одновременно привлекают к себе внимание те тексты, которые лишь пару десятилетий назад не замечались/не признавались «фольклором»/вообще не считались достойными исследовательской рефлексии. Это, по-моему, заслуживает всяческого одобрения. Еще десять лет назад в журнале «Живая старина» (1995. № 1) я попытался суммировать некоторые наблюдения над этими новыми для нашей науки формами, предложив называть их *постфольклором*; тогда же мы с А.Ф. Белоусовым и группой фольклористов из разных городов России начали работу над большим проектом «Современный городской фольклор» (итоговый коллективный труд под этим названием вышел в Москве в 2003 г.).

Однако устоявшиеся, «закрытые», непродуктивные и, более того, уже умолкнувшие тексты остаются, по моему разумению, совершенно необходимым предметом научного знания (как, впрочем, и обязательным компонентом культуры). Гуманитарная наука может двигаться вперед, только оглядываясь на прошлое — не в последнюю очередь для корректировки векторов своего развития, отработки аналитических навыков и инструментов. Досадно повторять прописные истины, но действительно: «без прошлого нет будущего». Все-таки мы занимаемся традицией, т.е. передачей культурного сообщения во времени и пространстве, а следовательно, свой предмет способны понимать только в исторической ретроспективе (включая прямую преемственность форм) и обязательном типологическом контексте. Я убежден, в частности, что большего успеха и в исследовании постфольклора достигает тот, у кого за плечами есть опыт изучения «классических» устных традиций.

Между тем актуальная современность подчас распределяет свои приоритеты исходя из сиюминутных интересов, отнюдь

не всегда перспективно важных для будущего той или иной дисциплины. Фигурально выражаясь, желающих сидеть в пыльном подвале, в котором обретается «классический» и архаический фольклор, все меньше, а на открытой веранде «современных форм» народу собирается все больше. Не исключено, что в скором времени этот подвал придется закрыть на амбарный замок — до очередного пробуждения интереса к предмету, которое, несомненно, наступит. Столь же несомненно, что навык исследования, скажем, больших эпических форм к тому времени окажется утраченным полностью. Ведь научная школа в огромной степени строится на непосредственном человеческом общении, включающем совместную работу, прямую передачу навыков и знаний, а это очень хрупкие традиции. Я знаю, например, как безвременная смерть одного ученого, гибель в результате репрессий еще двоих и одна эмиграция надолго (если не навсегда) отбросили отечественное монголоведение с некогда лидирующих позиций в науке.

Сегодня гораздо легче найти специалиста по детским страшилкам, чем по былинам. Знания и опыт «традиционной» фольклористики отмирают вместе с самим предметом. Мне такой поворот событий в науке представляется печальным.

2

Укажу только два.

Первое — база фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>), включающая резюме 35 тыс. мифологических текстов и постоянно расширяемая; в не столь далекой перспективе она должна стать всеохватной. Работы Ю.Е. Березкина и его последователей демонстрируют огромные перспективы этого замечательного проекта. Не со всеми исходными принципами я готов согласиться, однако сомнения (в первую очередь касающиеся некоторой недооценки, как мне представляется, спонтанно возникающих подобий и причин их возникновения) никак не отменяют моего восхищения данной работой.

Второе — выполненная Г.-Й. Утером пере- и доработка классического указателя сказочных типов Аарне—Томпсона (Uther Hans-Jorg. *The Types of International Folktales. A Classification and International Bibliography. Pt. I—III.* Helsinki, 2004 (FFC. Vol. CXXXIII). 619+536+285 p.). Масштаб этого труда может быть сопоставим только с переработкой С. Томпсоном «исходного» указателя А. Аарне. Отныне все предшествующие редакции АaTh (не только 1928, но также 1961 и все последующие издания) придется, вероятно, считать устаревшими. Работа Г.-Й. Утера должна стать настольной книгой фольклориста, хотя в нашей стране это случится нескоро: издание очень

дорогое, а в Интернете его нет и (если учесть издательскую политику FFC), скорее всего, не будет.

Ограничусь этими двумя событиями, хотя мог бы назвать еще ряд осуществляемых больших проектов той же направленности: Х. Ясон (Иерусалим) по эпическим сюжетам, Б. Кербелите (Вильнюс) по сказке и несказочной прозе, Н.К. Козловой (Омск) по восточно-славянским быличкам и др.

3

Как следует из ответа на предыдущий вопрос, одной из проблем, весьма значимых для нашего времени, я считаю систематизацию фольклорного материала. Это, казалось бы, достаточно прикладная задача, однако ее решение необходимо не только для ориентации в нужных исследователю текстах, количество которых быстро растет, превышая всякие возможности их охвата, но и для понимания самой природы изучаемых вещей. Примером нетривиальных результатов, полученных именно на этом пути, могут служить те убедительные корреляции, которые устанавливаются между данными сравнительной мифологии (по Ю.Е. Березкину) и популяционной генетики.

Бесперспективными я считаю интерпретации, плохо учитывающие материал во всей его полноте (и подчас с демонстративным презрением относящиеся к этой полноте). Как правило, они опираются не столько на данные текстов, сколько на идеологизированные парадигмы гуманитарного знания (социологические, гендерные, психоаналитические и др.), популярные в современном мире. Опыты такого рода могут быть и талантливыми, и интересными, однако они обычно не выдерживают проверки на верификацию и, безусловно, вредны для молодых ученых, поскольку приучают к отсутствию ответственности за конечный результат научного анализа.

Вообще же, мне кажется, мы слишком увлеклись методологическими рефлексиями. Их обсуждение было неизбежным для 1980–1990-х гг. (в порядке преодоления советских идеологических запретов), но теперь, пожалуй, пора вспомнить о судьбе сороконожки, которая не может решить, с какой ноги идти.

4

Думаю, что на этот вопрос нет общего ответа. Скорее всего, зарубежные слависты лучше знают и учитывают российские работы, чем отечественные исследователи — работы в данной области своих европейских, американских, тем более японских коллег. Что же касается «общих вопросов», то здесь картина противоположная: вероятно, «мы» больше начитаны в зарубежной научной литературе (с естественным ограничением, обусловленным трудной доступностью книг, а также недостаточным знанием иностранных языков). Впрочем, ученые,

читавшие по-русски, как, скажем, С.М. Боура или А. Лорд, весьма полно учитывали и российскую научную литературу. Я уж не говорю о трудах ученых, широко известных и хорошо представленных в переводах на европейские языки (речь идет, прежде всего, о В.Я. Проппе, В.М. Жирмунском, Е.М. Мелетинском и некоторых других). Я не думаю, что в наши дни что-нибудь принципиально изменилось в этом отношении.

Однако вопрос не только в языковом барьере. В известном смысле «мировая наука» — такая же абстракция, как «мировая культура» или «мировая литература»; с этой точки зрения, обобщенный образ «западной науки», которая противопоставлена «русской науке», достаточно неточен. Самый космополитически настроенный ученый не может принадлежать исключительно «мировому научному сообществу», у каждого где-то есть дом с глубоко укорененными обыкновениями, в том числе в умственной деятельности. Традиции национальной науки, будь то немецкая, французская, американская или русская, имеют особенности и не вполне совпадающие интересы. Читается/понимается/учитывается из «чужой» традиции прежде всего то, что в наибольшей степени соответствует «своим» предпочтениям и интересам, а пишущий на родном языке в первую очередь адресуется к «своей» аудитории, опираясь на эти предпочтения и отчасти — сознательно или неосознанно — формируя их.

Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при обсуждении проблем диалога научных традиций и их включения в широкий международный контекст.

- 5 Затянувшаяся «ситуация постмодерна», да еще в его российской редакции.
- 6 Прежде всего, практические вопросы координации и кооперации в области научных исследований.
- 7 Не знаю. Сообщества российских фольклористов точно не существует и, учитывая сложившуюся ситуацию (организационная дезинтеграция и методологические расхождения), в обозримом будущем его появления не предвидится. Что нужно? Хорошо налаженные каналы научной коммуникации (научная периодика, Интернет), своевременная и полная информация об исследовательских проектах; далее потенциальные коллеги сами найдут друг друга.

АЛЕКСАНДР НОВИК

**О судьбах этнографии,
амбициях и бомбардировках**

В августе — сентябре 2004 г. мне довелось быть участником IX конгресса по изучению Юго-Восточной Европы. Данный научный форум проводится раз в пять лет в одной из балканских стран. Нынешний конгресс собрался в Тиране. Албании впервые пришлось принимать такое количество иностранных ученых, съехавшихся на самый известный балканистический форум. Тематика подобных конгрессов весьма широка. Как правило, в них принимают участие лингвисты, этнографы, историки, археологи, искусствоведы и прочие гуманитарии, посвятившие себя изучению одного из самых сложных и интересных регионов Европы. По сложившейся традиции участники на подобные конгрессы выбирают не представители принимающей стороны, а национальные комитеты по проведению конференции. До начала научного форума тексты докладов участников публикуются в каждой из стран-участниц. Подобный сборник был издан и в России (отметим, к своей чести, что в Санкт-Петербурге)¹. В Тиране были опубликованы тезисы докладов всех участников². На IX конгрессе русский язык был объявлен одним из рабочих, а потому почти все ученые из России решили делать свои доклады по-русски, снабдив напечатанные тексты резюме на иностранных языках. Раз зарубежные коллеги признают роль русского языка как одного из ведущих в научном сообществе, то зачем нам терять завоеванные нашими предшественниками позиции?

Работа конгресса была организована по секциям. Устроители сделали все возмож-

**Александр Александрович
Новик**
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

¹ Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08. — 03.09.2004) / Отв. ред. В.К. Волков, А.Ю. Русаков. СПб.: Наука, 2004. 408 с.

² IX Congrès International d'Études Sud-Est Européennes. Résumés. Tirana, 30 août — 3 septembre 2004. Tirana: Académie des Sciences d'Albanie, 2004. 228 p.

ное, чтобы создать удобные условия для выступающих. К сожалению, не удалось послушать все интересные доклады, заявленные в программе, но это и понятно — ведь столь многолюдные научные мероприятия не могут не иметь издержек в силу неразрешимости чисто технических задач.

Однако речь пойдет не о достоинствах конгресса по изучению Юго-Восточной Европы и не о широте обсуждавшихся вопросов, а лишь об одном докладе, обнажившем многие проблемы не только нашей этнографической и исторической науки, но и нашего общества в целом.

В один из дней конгресса, а именно 31 августа, был сделан доклад руководителя российской делегации В.К. Волкова, директора Института славяноведения РАН. Официально доклад назывался «Геополитические концепции России и Юго-Восточная Европа». Однако выступление далеко отошло от опубликованных тезисов и текста доклада, в чем, собственно, честно признался, взяв слово, господин Волков. Сказанное им касалось ситуации, в первую очередь политической и этнической, на Балканах. Особый акцент был сделан на положении вокруг Косово. Суть выступления свелась к следующему. *Первое*: Россия — великая страна. (Это, впрочем, никто и не пытался оспорить.) *Второе*: у России есть свои интересы на Балканах, и интересы эти долгосрочны и имеют старые корни. (С этим сложно было не согласиться.) *Третье*: современная ситуация в Косово срежиссирована и контролируется западными странами в обход интересов России. (Это тоже известно, только разные стороны подчеркивают ту либо иную грань конфликта.) *Четвертое*: Косово — неотъемлемая часть Сербии, и албанцы должны себе это уяснить. (Напомню, что конгресс проходит в Албании.) *Пятое*: Косово должно и впредь оставаться сербской территорией. (При этом, как известно, в крае Косово все органы власти работают под наблюдением ООН.) *Шестое*: то, что устроено в Косово теперь, — явление временное. (Россия, напомню, не осуждает там присутствия сил ООН.) *Седьмое*: Россия нынче не в лучшей экономической форме. (К сожалению, это известно не только нам.) *Восьмое*: как только Россия встанет на ноги, она покажет всем «кузькину мать» и «кто в доме хозяин» — каждому по выбору [впрочем, про мать — это уже от меня. — А.Н.] В выступлении было еще много резких заявлений. Однако эффект разорвавшейся бомбы на конгрессе и в прессе произвели именно эти постулаты.

Понятно, что все последующие дни на конгрессе открыто и в кулуарах обсуждалось именно это выступление. Авторитетный ученый из Косово Реджеп Исмайли, многие годы поддерживающий тесные научные контакты с нашими коллегами, вый-

да после заседания, сказал: «*Не понимаю, как вообще быть с этими русскими?*». Это весьма авторитетный человек не только в научном мире Косово и Албании, но и в политической жизни региона. Участники российской делегации стали засыпать вопросами и расспросами, действительно ли все сказанное В.К. Волковым отражает точку зрения, преобладающую у нас в стране. Те сборники текстов выступлений, которые мы привезли с собой в Тирану (а нам удалось привезти много книг), буквально выпрашивались у нас зарубежными коллегами. Если бы эти книги продавались, их можно было бы назвать бестселлерами конгресса, а так назовем их лишь бест... хэнд-аутами.

Ситуация с докладом заставила задуматься о многом. Нигде в таком объеме, как в России, не издается так много книг по конфликтам (этническим, политическим и т.д.). Конфликтология стала почти самостоятельной наукой. Об этнических конфликтах не писал, пожалуй, лишь ленивый. А уж свое мнение по тому или иному вопросу горячо готов отстаивать практически каждый этнограф, причем мнение это относится к любому уголку мира и любой этнической проблеме. Правом ли такое положение?

Всего три года назад в Косово полыхал этнический конфликт. Потребовалось вмешательство международных сил (признаем, что они в значительной степени и обусловили сложившуюся ситуацию). В Косово входили международные войска, территория края подвергалась бомбардировкам, происходили массовые перемещения населения. Только теперь ситуация в регионе стала налаживаться. В Косово проходят выборы, местная администрация начинает наводить порядок в социальной и экономической жизни. Жители Косово хотят видеть свой край независимым в составе объединенной Европы. И граждане Албании мечтают о своей стране, присоединившейся к Европейскому Союзу. Последний видит обе территории самостоятельными в плане экономической и культурной жизни, но в собственном составе Союза.

Чего же остерегается Россия и о чем столь горячо выступает наш соотечественник на конгрессе? Идея создания Великой Албании, включающей не только Косово и собственно земли современной Албании, но и части территории Македонии, Черногории и Греции, греет душу многим радикально настроенным патриотам. Однако подчеркну: далеко не всех граждан этого региона, граждан — албанцев по этнической принадлежности, в первую очередь. Это данность, которую понимаешь во время многочисленных бесед с местными жителями в поездках по разным регионам Балкан. Чтобы клеймить что-то, а именно какие-то тенденции, нужно быть уверенным, что эти тенден-

ции реально сильны. Возникает главный вопрос: правомерно ли вообще рассуждать подобным образом в весьма сложной этнической, политической, конфессиональной и экономической обстановке?

Попытаемся кратко разобрать все названные пункты. *Первое:* величие или «невеличие» страны определяется не амбициями, а конкретными делами и ролью, играемой в любой сфере. Можно много говорить о вкладе в мировую культуру. Но, к примеру, лишь отделение русского языка и литературы в Тиранском государственном университете не имеет должного обеспечения книгами, компьютерами и прочим оборудованием (в отличие от немецкого, греческого или турецкого отделений, куда соответствующие страны для пропаганды собственного языка и культуры вкладывают миллионы евро). *Второе:* интересы России на Балканах обеспечивал и сможет обеспечить в будущем лишь комплексный подход к региону с учетом всех составляющих, а не узкая фокусировка на избранном круге друзей (равно как и стран, народов, политиков и т.д.). *Третье:* мир в Косово весьма хрупок. И вряд ли стоит рубить сплеча, огульно обозначая ось зла. *Четвертое:* уместно ли делать при еще не остывших воронках от снарядов заявления о неприкосновенности границ? *Пятое:* у каждого народа есть воля и право, а потому диктатом вряд ли чего можно добиться (опыт и пример разных стран нам это показывает). *Шестое:* серьезный конфликт никогда не решается на скорую руку и по воле одной стороны (будь она даже всемогущей). *Седьмое:* Россия хоть и слаба экономически, но рычаги давления в регионе у нее есть. Важно, чтобы применялись они со здравым смыслом, а не скоропалительно и вхолостую. *Восьмое:* «кузькину мать» показывать никому не надо. Надо сотрудничать и привлекать на свою сторону выгодными контрактами, контактами и кооперацией. Все прочее — лишь амбиции.

Но стоит ли рассуждать об этом, если речь идет о науке? Видимо, стоит. Раз наука переплетается с политикой и экономикой, она должна давать отдачу. Приносит ли выгоду наша этнографическая наука? Множество академических институтов, масса людей работают над проблемами этнических конфликтов. Множество видных ученых состоят в государственных, президентских советах и т.д. Но государство по-прежнему принимает решения без совета специалистов, а ученые делают заявления без учета интересов государства. В России любят критиковать Америку. Только вот в период балканского кризиса в Косово вначале приехали американские профессора, завязали деловые связи с местной интеллектуальной элитой, составили необходимые справочники и разговорники для американцев, и лишь затем в край были введены американские

войска. Наш российский контингент попал в Косово без всякой подготовки. Только в 2004 г. Министерство обороны РФ совместно с Миссией ООН в Косово обратились к российским ученым с просьбой составить разговорник для сотрудников Российского контингента международной полиции ООН¹. С одной стороны — масса людей, серьезно занимающихся конфликтами. С другой стороны — полное игнорирование имеющегося научного потенциала, которому может позавидовать любая самая развитая и богатая страна. Какой выход из этой ситуации и правомерны ли резкие заявления на политические темы наших ученых на международных конгрессах — вопрос дискуссионный. Он может и должен обсуждаться научным сообществом, так как его решение исключительно актуально. Больно видеть, когда проблемами того либо иного региона занимаются люди, не умеющие даже поздороваться на языке соответствующей страны.

НАТАЛЬЯ НОВИКОВА

1 Очень хочется написать: «хорошо». Хотя я могу судить в большей степени по нашему институту. У нас вышло много книг, было много интересных проектов. Вместе с тем я понимаю, что в некоторых конкретных исследованиях мы не продвинулись сколько-нибудь значительно вперед. Так что — «нормальный ход».

2 Я не хотела бы называть здесь конкретные публикации, но для меня лично это книги, в которых предстает живая жизнь. Причем чем более далекие страны и народы в них описаны, тем больший интерес для меня они представляют. Наверное, это стыдно для антрополога, но меня никогда не привлекала Япония, она казалась мне всегда очень жесткой и ритуальной страной. И, возможно, поэтому мне так понравилась небольшая книжка Ролана Барта «Империя

**Наталья Ивановна
Новикова**
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

¹ Сидоров С.И., Стойкович Д., Воронина И.И., Гирфанова А.Х., Калинин С.А., Новик А.А. Англо-сербско-албанский разговорник для сотрудников Российского контингента международной полиции ООН в Косово. English-Serbian-Albanian Phrasebook for Russian Police Contingent / Сост. С.И. Сидоров. Под общ. ред. А.В. Диденко. Печ [Косово]: United Nations Mission in Kosovo; «Дукачини», 2004. 29 с.

знаков» (М., 2004), которая разрушила для меня еще один стереотип.

За прошедшие два года я не участвовала ни в каких больших научных мероприятиях в нашей стране. Что касается международного сообщества, то для меня важным явилось участие в международных проектах, таких, как Летняя школа по правовому плюрализму (Канада) или встреча рабочей группы по планированию международных научных исследований в Арктике в течение следующего десятилетия (Гренландия). Второй из названных проектов касается работы в России и может в какой-то степени повлиять на выбор исследовательских приоритетов для североведов. Эти и другие международные встречи (например, конгресс исследователей Арктики в Фербенксе и в первую очередь выступления Т. Инголда на нем) позволяют если не воспользоваться впрямую интересными теориями, то по-новому взглянуть на многие традиционные вопросы, например на статус коренных народов Севера в современном мире.

В научной жизни нашего института таким событием являются лекции по мусульманскому праву д.ю.н. профессора Л.Р. Сюкияйнена, которые стали счастливой возможностью не только познакомиться с интересующими нас сюжетами, но и проследить логику правового и антрополого-правового исследования.

3

Наиболее значимыми и перспективными мне представляются исследования современного российского общества. И хотя я занимаюсь антропологией Севера, мне очень не хватает сравнимых исследований по центральной России, антропологии государства и власти, профессий. Я не берусь говорить о бесперспективности каких-либо исследований, так как it depends...

4

Мне трудно говорить обо всех направлениях нашей дисциплины, но что касается североведческих исследований, т.е. несколько довольно крупных научных групп, которые осведомлены о работе друг друга, в первую очередь через Интернет. Но самым продуктивным является общение через участие в конференциях и конгрессах, а также обмен публикациями российских и иностранных ученых в журналах, экспертных докладах, энциклопедиях и т.д. Тем не менее далеко не у всех наших коллег есть интерес к такому общению. Российские исследователи находятся в гуще всех изменений, происходящих в культуре и жизни аборигенов, они не только владеют колоссальными материалами, но и являются очевидцами всех процессов, которые происходят сейчас в аборигенном сообществе и в целом в стране. Постоянные экспедиции, приезды

аборигенов в Москву подпитывают эту «базу данных». Кроме того, сегодня есть возможность получать и много информации через многочисленные и информативные рассылки, которые делают организации коренных народов. В этом смысле положение российских ученых остается выигрышным по сравнению с западными коллегами, которые не имеют таких возможностей для общения с аборигенами. Для нас антропология Севера в значительной степени является круглогодичной практикой, повседневностью, заставляющей нас жить в ритмах аборигенов. Такая включенность российских ученых приводит к тому, что они остаются «дойными коровами» для западных коллег, хотя сейчас меньше, чем 20 лет назад. Для некоторых наших западных коллег все знания о российском Севере сосредоточены в нескольких книгах, переведенных на английский язык, например в трудах В.Г. Богораза. Хотя в последние 10–15 лет появилась сильная группа западных ученых, проводящих серьезные полевые исследования на российском Севере.

Влияние западных работ проявляется гораздо слабее. И это связано, возможно, не только с тем, что мы меньше читаем их книги, но и с тем, что интерес к теории вообще слабее у нас, чем у них. Причем более молодые поколения, чей опыт складывался в период отсутствия единого взгляда и единой теории в нашей дисциплине, в большей степени интересуются теорией. Для меня, например, гораздо более конструктивным является общение с западными коллегами в связи с конкретными, сравнимыми с российским Севером сюжетами. А так как вся циркумполярная зона в современных условиях имеет в своем развитии больше общего, чем различий, возникает много точек соприкосновения, сюжетов для сравнительного анализа. И особенно благодатным полем выступает юридическая антропология Севера, которой я занимаюсь. Сравнимыми наши материалы являются и потому, что я и некоторые мои коллеги, выбрав теорию правового плюрализма, оказались в удобной позиции исследователя сосуществования различных правовых практик в современном обществе, благодаря чему страны, где живут аборигены, представляют общее «поле». Конечно, у нас возникает много дискуссий, что показывают в первую очередь международные встречи Комиссии по обычному праву и правовому плюрализму, но в этих дискуссиях мы в большей степени говорим на одном языке, чем когда обсуждаем эти проблемы в своей стране.

5

Что является препятствием? Отсутствие интеллектуального сообщества. Мы все чаще считаемся «единственными специалистами», не потому что действительно многого достигли, а потому что никто больше данной темой не занимается. Поэтому наши дискуссии часто превращаются в разговор на разных

языках. Другое препятствие — привычка к определенному набору тем. Это может называться традицией научных исследований, что не меняет сути дела. Есть ряд тем, которые считаются «этнографическими», например, в нашем институте. Список этих тем не формален, но жестко закреплён в головах людей, отход от этой тематики вызывает вопрос: «Какое отношение ваша тема имеет к этнографии?». И если человек не может в привычных терминах объяснить принадлежность своей темы, то она считается не этнографической, следовательно — недостойной исследования. Причем «взрослый сотрудник» может с большей легкостью отстоять свои позиции, а для молодежи, в первую очередь аспирантов, это подчас становится препятствием. Такая ситуация приводит к тому, что мы получаем тиражирование материалов по определенной схеме. Базы данных, конечно, растут, но насколько они действительно увеличивают наши знания?

6

Составление программы конгресса — непростое дело, в первую очередь потому, что она должна включать в себя сочетание традиционных тем и новых подходов. Причем почему-то так складывается, что если большинство институтов и исследователей в нашей стране имеют более или менее четко определенную «страноведческую или народоведческую» направленность, то на конгрессах секции в основном «по проблемам», и это имеет свои плюсы. Но мне кажется, что определенным минусом наших конгрессов является то, что ни на одном из них не обсуждались серьезно и активно проблемы методов нашей науки, хотя, мне представляется, именно они выделяют нас из всего гуманитарного интеллектуального сообщества. Возможно, предмет этот настолько текуч, процессуален, что никто не берет на себя смелость его обсуждать. Мне представляется, что это связано с разнородностью, мозаичностью любого поля в современных условиях. Это позволяет по-новому взглянуть на многие традиционные антропологические сюжеты, но создает и дополнительные трудности как в выборе поля, так и в сборе и интерпретации материала. Красивые и конструктивные, на мой взгляд, идеи о процессуальности и проницаемости границ довольно трудно применить к конкретному полю. Один из подходов предлагает междисциплинарные исследования, которые сочетают различные исследовательские методы.

7

Сообщество российских этнографов и антропологов существует, но не как всеобщее объединение, а скорее как ряд групп. Мне представляется, что это соответствует международной практике. Правда, нас меньше. Так как я работаю в двух направлениях (юридическая антропология и антропология Севера и Сибири) и оба эти направления имеют определенный международный статус, то для меня лично подчас более зна-

чимым является общение с западными коллегами. Мне кажется, что в первую очередь люди объединяются по интересам. Если я сотрудничаю с Комиссией по обычному праву и правовому плюрализму МСАЭН, то именно потому, что в России не так много людей занимаются антропологией права. Поэтому, возможно, и в России антропологи могут работать в более тесном сотрудничестве, если их объединяют какие-то проекты (я имею в виду не проекты, имеющие сроки и финансирование, а именно группы по интересам). В этом смысле конгресс как раз и является таким объединяющим фактором. Вместе с тем нужно признать, что в отношении северной тематики такое объединение проявляется меньше. Даже в рамках одного отдела трудно объединиться. А может быть, и не нужно.

АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ

1 Хотелось сказать, что в последнее десятилетие российская этнография/этнология — и как саморазвивающаяся система, и как целостный социокультурный институт — переживает свой кризис. Его признаки:

7

5

— безразличие к построению новых теоретических концепций, которые были бы применимы не только к какому-либо одному объекту, одной проблеме. Сначала подобная индифферентность возникла как форма избавления от прежде навязываемой догматической методологии, а затем оказалась чреватой освобождением от каких бы то ни было «общих проблем». Нехватка нового теоретического знания отчасти компенсируется некоторыми исследователями посредством заимствования из работ западных коллег отдельных концептуально значимых положений или понятий. Однако, к сожалению, это часто осуществляется сколь доверчиво, столь же и непоследовательно, без проникновения в ту теоретическую схему, для которой подобные понятия и концепции были органичны.

**Александр Борисович
Островский**
Российский
этнографический музей,
Санкт-Петербург

— «Утечка умов», отнюдь не столько за пределы России, сколько внутри государственных и профессиональных границ рос-

сийской этнографии/этнологии. Во-первых, у многих ученых формируется стремление к поиску грантов, а поэтому они вынуждены учитывать запросы конкретного фонда, в особенности зарубежного, выбирая и формулируя собственную тематику и исследовательский подход. Во-вторых, немало этнографов, этнологов вовлечены в разыскание, а затем исполнение заказов на подготовку научно-популярных изданий. Оба названных фактора стимулируют исследователей к получению скорых результатов и способствуют хроническому уклонению от постановки теоретических задач.

— Углубляющееся различие — и с осознанием его нарастает размежевание — между академическими, университетскими и музейными научно-исследовательскими работами.

— Ослабление научно-координационных, а также научно-информационных связей «центра» (этнографических учреждений Москвы и Санкт-Петербурга) с «регионами». Ввиду этого развиваются регионализация и атомизация в выборе тем, проблематике. Такой тенденции соответствует приоритет фактографии, и «фиксирование» («на камеру», «на цифру», в полевой дневник) зачастую выдается за едва ли не главную или финальную задачу, дополняемую немедленной публикацией добытого материала, причем почти без обработки.

Между тем у меня нет уверенности, кроме интуитивной, что я прав, говоря о кризисе, поскольку у российских этнологов отсутствует науковедческое зеркало. Мы плохо осведомлены о том, чем занимаются этнографы/этнологи в различных научных центрах (имею в виду не только учреждения РАН), а порой и вовсе не знаем, какова ныне существующая организационная сеть учебных и исследовательских центров, лабораторий этнологии и культурной/социальной антропологии. Реальное представление о кризисе может обрести свои контуры и из интуитивного превратиться в умопостигаемое только в том случае, если сообщество этнографов России отважится провести науковедческое исследование. Необходимо, на мой взгляд, без предвзятости и чиновничества выяснить, в каком состоянии находятся сегодня научные школы, какова номенклатура исследуемых тематик, какова реальная структурно-организационная сеть, что представляет собой современный кадровый потенциал.

Сообщество российских этнографов — как бы ни расширять или сужать содержание первого из этих терминов — несомненно, существует, но с трудом обнаруживается. Главные причины его неуловимости, мозаичности и аморфности состоят, полагаю, в неразвитости регулярных, стремящихся к полноте информационных каналов, а также в неразработанности от-

четливых способов консолидации. В свою очередь, невыявленность потенциала российского этнографического сообщества почти автоматически делает его — как целостную интеллектуальную систему, социальную структуру — невостребованным и со стороны его членов, и со стороны потенциальных заказчиков исследований.

2 При недостатке информированности могу оценить только известные мне события в РЭМ, Санкт-Петербурге. В качестве значительных событий могу отметить следующие:

— защита в январе 2004 г. в МАЭ РАН кандидатской диссертации Е. Лярской (научный руководитель — Н. Вахтин), посвященной этнокультурным и этнопсихологическим последствиям внедрения системы школ-интернатов у ненцев Ямала;

— осуществление в 2004 г. в РЭМ выставочного проекта, посвященного традиционной культуре евреев России в XIX — начале XX вв., благодаря чему впервые в музейном пространстве были представлены все три этнические группы: восточно-европейские, бухарские и кавказские евреи;

— рождение в Петербурге культурно-антропологического журнала «Антропологический форум».

3 Отвечаю не столько в силу осведомленности в проблематике, подходах и кадровых возможностях различных этнографических коллективов (не хочу создавать иллюзию экспертной оценки, как бы делающей ненужной подлинное науковедческое изучение вопроса), сколько в меру вовлеченности в собственную проблематику.

— По-прежнему и актуально, и перспективно изучение «деревенских культур», точнее, этнокультурных локальных традиций в сельской местности, в содержании и способе воспроизводства которых запечатлены межпоколенные связи. Вряд ли этнографы, регулярно встречающиеся с объектами своего изучения в сельской местности, вдруг откажутся входить в эти еще не полностью высохшие «ванны молодости», что бы ни говорилось и писалось теми, кто не обрабатывает деревенское «поле», о сдвиге этнологии к городской коммунальщине. В числе проблем, изучение которых еще требуется продолжить, — межпоколенные социально-психологические связи, а также конкретные формы региональной идентичности. Кроме того, перспективным представляется изучение неоднородных (этнически, социально, конфессионально) сельских социумов. Я имею в виду не те социумы, которые ныне находятся в горячем дискурсе. Наиболее интересными и перспективными мне представляются сообщества, пребывающие в длительном межгрупповом взаимодействии, мирный характер которого свидетель-

ствует, что образующие данный социум группы уже давно выработали конкретные поведенческие стратегии.

— Перспективным представляется и семиотическое, структурно-семиотическое изучение внутренней логики фактов культуры. При этом (возможно, как работник этнографического музея) хочу, открывая этнографические издания, знакомиться не столько с изучением пословиц и других малых вербальных форм, сколько с семиотическим исследованием овеществленных форм гуманитарной культуры (использую терминологию Ю. Мкртумяна, С. Арутюнова). Предметы, обитающие в музейных фондах, ожидают от нас помощи в интерпретации терпеливо хранимых ими смыслов. В этом отношении актуально возобновление поиска связей фольклорного текста и ритуального предмета (что было представлено, в частности, четверть века назад петербургским сборником статей «Миф и материальная культура») и, шире, вербальных и визуальных форм в ткани традиционной культуры.

— Будучи психологом по базовому университетскому образованию, вижу возможности получения нетривиальных результатов в сближении этнологической, культурно-антропологической проблематики, затрагивающей гуманитарную или соционормативную подсистемы культуры (еще раз терминология Мкртумяна, Арутюнова), с категориями социальной, педагогической и общей психологии. Немало в этом направлении было сделано И. Коном, и за ним какое-то время следовали в изучении этнопедагогики. Отмечу, что некоторые российские ученые, понимая целесообразность такого сближения с социологией и психологией, стремятся к заимствованию «стыковочного» подхода из работ западных коллег. Разумеется, это вполне допустимо, но гораздо более эвристичными представляются попытки изготовить — напрямую, сообразно собственной проблематике — литые звенья междисциплинарной цепочки.

4

Во французском энциклопедическом словаре «Dictionnaire de l'ethnologie et de l'anthropologie» (éds. P. Bonte, M. Izard. Paris, 1991 (rééd. 2001) имеется статья «Русские и советские антропологи», где упомянуты труды только М. Ковалевского, С. Широкогорова, В. Богораза, В. Иохельсона, Л. Штернберга, а также Ю. Бромлея, Л. Дробижевой и А. Хазанова.

Несомненно, те зарубежные исследователи (я знаком в большей степени с французскими), которые занимаются народами России, хорошо знают и наши работы — по соответствующему народу, региону или хотя бы по конкретной проблематике на материале данного региона. Знают, конечно, и тех, кто близок по конкретному объекту изучения, тематике. Так, французским африканистам вполне известны такие наши исследовате-

ли, как В. Арсеньев, В. Попов (последний — своими работами по системам родства, эта тематика остается в числе довольно значимых во Франции). Но редко кто известен как теоретик. Отвлекаясь от вышеназванных двух критериев, отмечу в качестве причин этого и языковой барьер, и некую самодостаточность, точнее богатую насыщенность теорией у самих французских авторов и, возможно, их хорошую осведомленность о концепциях английских и американских исследователей. Вместе с тем французские этнологи знают работы Д. Зеленина, Б. Рыбакова, а из исследователей второй половины XX в. им известен своими трудами Е. Мелетинский. Благодаря университетским контактам, выражающимся в преподавании, участии в конференциях, иногда публикациям в журналах, французским коллегам хорошо известны А. Байбурын (единственный, насколько я знаю, российский ученый, удостоенный звания Почетного доктора Сорбонны), а также этнографы и археографы, фольклористы, в основном московские, занимающиеся славянскими народами.

Многие российские этнографы, с которыми мне доводится регулярно или иногда общаться, весьма слабо осведомлены о трудах и проблематике французских коллег. Многие, не исключая и меня, поверхностно и фрагментарно представляют себе концепции, появившиеся во второй половине XX — начале XXI вв. на английском или немецком языках. По сравнению с советским периодом, ныне в русских переводах издается немало трудов западных исследователей, но главным образом тех, чьи имена на нашем книжном рынке уже «раскручены». Ввиду этого многое, с чем действительно необходимо познакомиться и, возможно, вступить в творческую дискуссию или осуществить последовательное заимствование, до сих пор даже не поставлено в издательские планы. Так, в течение нескольких лет мне не удается найти издателя, чтобы выполнить и опубликовать переводы трудов крупных французских ученых: М. Перэна — специалиста по шаманизму и сновидениям у южно-американских индейцев, Ф. Дескола — специалиста по верованиям, классификациям и этноэкологическим воззрениям в том же регионе и Ф. Эритье — исследовательницы-африканистки, имеющей огромный полевой опыт и представившей оригинальные концепции «полусложных» систем родства, двух типов инцеста и мужского/женского в социальной структуре и мышлении.

Сообщество российских этнографов, если оно захочет обнаруживать себя не только в форме конгрессов, не останется, надеюсь, равнодушным к тому, что главными источниками и регуляторами наших знаний о трудах западных коллег все еще выступают «наивный» издатель и «наивный» рынок.

АЛЕКСАНДР ПАНЧЕНКО

1

Мне кажется, что все эти вопросы имеют отношение не только к этнографии/антропологии, но и к более широкому кругу гуманитарных дисциплин, к историко-филологическому знанию в целом. Тем более что в современном мире невозможно провести четкие границы между этнографией, фольклористикой, социологией, литературоведением, исторической антропологией, религиоведением и т.п. Хотя у каждой дисциплины сохраняется свой арсенал прикладных методов и собственная область экспертного знания, смысл научной деятельности не в сепарации, а в объединении интеллектуальных усилий, в поиске общего языка, на котором разные специалисты могут говорить друг с другом и адресоваться *urbi et orbi*. В конечном счете, все мы занимаемся *cultural studies*, хотя и с разных позиций.

Теперь — по существу вопроса. Состояние, как мне кажется, критическое. Как ни странно, в менее благополучные в финансовом и социальном отношении 1990-е гг. гуманитарные науки в России развивались более динамично. Тут, конечно, сыграл роль эффект либерализации: стало можно заниматься действительно интересными и важными вещами, вести свободную дискуссию, поддерживать нормальные контакты с иностранными учеными. Появилось независимое финансирование исследовательских проектов: многие, вероятно, помнят, что сначала почти все западные фонды поддерживали не только гендерные исследования и конкурсы краеведческих работ, но и фундаментальную науку. При этом от советской эпохи были унаследованы значительные интеллектуальные ресурсы и высокий социальный престиж научной деятельности. И то, и другое, к сожалению, мы почти утратили. Многие по-настоящему одаренные ученые уехали и продолжают уезжать в США и Западную Европу. Между тем гуманитар-

**Александр Александрович
Панченко**
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург

ные науки (да и вообще фундаментальные исследования как таковые) перестали привлекать молодежь. Какой смысл заниматься тем, что не приносит ни денег, ни престижа? Так что мы стоим на пороге очень серьезной деградации и этнографии, и других гуманитарных дисциплин. О том, почему так получилось, вероятно, имеет смысл сказать в ответе на пятый вопрос.

2

За это время я видел довольно много интересных конференций, публикаций, диссертационных исследований и т.п. Но «значительное» — это, наверное, нечто большее, то, что оказывает существенное влияние на дисциплину в целом, приносит какие-то серьезные изменения. Вот подобных вещей я как раз не припомню. Пожалуй (и я говорю это без всякой лести), значительным событием для отечественной этнографии можно считать появление журнала «Антропологический форум». Но, конечно, нельзя судить об издании лишь по первому номеру. Начало, по крайней мере, хорошее. Посмотрим, что будет дальше.

3

Конечно, на этот вопрос ответить довольно сложно: «перспективность» и «бесперспективность» — качества переменные, и многое зависит не от самой проблемы, а от ученого или группы исследователей, ею занимающихся. Вместе с тем, мне кажется, что одна из главных задач сегодняшней этнографии — это обращение к современной, частично или полностью урбанистической массовой культуре. Пора перестать выдумывать никогда не существовавшие «основные мифы» или умиляться столь же виртуальным крестьянским праздникам и доказывать самим себе и обществу, что мы в состоянии адекватно наблюдать, анализировать и интерпретировать процессы, происходящие в окружающей нас культурной реальности. Такие исследования уже есть, но их число сравнительно невелико, а академический уровень не всегда оказывается достаточно высоким. Изучение современной массовой культуры позволяет, в частности, говорить о многих серьезных социальных проблемах, в том числе — об этнических и религиозных конфликтах, расизме, ксенофобии, насилии и т.п. Сейчас эти вопросы отчасти монополизированы политиками и правозащитниками, далеко не всегда способными разобраться в тех процессах, с которыми они имеют дело. Будет гораздо лучше, если подобной проблематикой будут заниматься квалифицированные и непредвзятые академические специалисты. В то же время вполне очевидно, что именно этнография должна заниматься культурой тех групп, которые частично или полностью маргинализированы в современном обществе (от так называемых «коренных народов» или последователей новых религиозных движений до нищих и заключенных). Думаю, что такие исследования помогут понять и прогнозировать многие

процессы, оказывающие прямое влияние на жизнь общества в целом. Короче говоря, дела много — были бы работники.

Не только бесперспективными, но и губительными для науки и общества я считаю любые исследования, основанные на идеологии национализма и религиозного фундаментализма. К сожалению, у нас есть ученые подобной ориентации, например М.М. Громыко и ее последователи. Впрочем, я не думаю, что сам по себе православный фундаментализм способен оказать серьезное влияние на науку. Другое дело, если он получит реальную государственную поддержку. Но этого, слава Богу, пока что не происходит.

4

В этнографии существуют разные направления и предметные области. Число специалистов по некоторым из них настолько мало во всем мире, что, разумеется, они все лично знакомы друг с другом. Естественно, в рамках подобных сообществ результаты исследований российских ученых учитываются и, как правило, высоко оцениваются западными коллегами. Что касается более широких предметных областей, а также антропологической теории, то приходится признать, что здесь работы наших исследователей мало известны западным ученым (и наоборот). Так, например, обстоит дело в фольклористике.

5

А что, собственно, такое эти «финансовые проблемы»? С одной стороны, мы примерно знаем, какой процент государственного бюджета отводится на науку, с другой — мы оказываемся конечными потребителями каких-то финансовых ресурсов (в форме заработной платы, грантов, научной литературы, нового оборудования и т.п.). А что происходит с деньгами «на промежуточном этапе» — между центральным государственным аппаратом и академическими институтами, а также вузами — мы не знаем. Подозреваю, что их значительная часть не то, что разворовывается, а просто бессмысленно тратится. Иными словами, дело, по-моему, не в деньгах как таковых, а в научной и образовательной бюрократии, не способной к эффективному управлению и нормальной организационной деятельности. Вернусь к тому, о чем я говорил выше. Мне кажется, что резкое падение социального престижа науки, с которым мы сейчас столкнулись, связано не с переходом от социализма к капитализму и не с невежеством бывших партийных работников и офицеров КГБ, управляющих страной (никто и не ждал, что они окажутся интеллектуалами), а с полной профессиональной непригодностью чиновников и администраторов, отвечавших (и отвечающих до сих пор) за организацию научной и образовательной деятельности. Эти безынициативные, немотивированные, плохо образованные, а иногда и просто бесчестные люди сидели и ждали подачек от

государства вместо того, чтобы делать науку публичной и привлекательной для общества, определять реалистичные и инновативные приоритеты исследовательской деятельности, заменять бессмысленные расходы на разумные, привлекать хороших работников и избавляться от плохих. Так, впрочем, обстоит дело и в других «бюджетных сферах», без особых изменений сохранившихся с советских времен: в армии, государственной медицине, милиции и т.д. Что касается негосударственных научных и образовательных учреждений, то их было и остается слишком мало, чтобы изменить ситуацию. Не знаю, есть ли сейчас реальные перспективы реформирования Академии наук и системы высшего образования (те реформы, которые, как я слышал, планируются, вряд ли будут эффективными), но без очень серьезных изменений продуктивных исследований будет все меньше и меньше.

6

Да какие угодно. Конечно, вряд ли на подобных форумах стоит делать доклады, скажем, о том, что маска номер 5 из коллекции X очень похожа на маску номер 7 из коллекции Y, но заикливаться на «путях» и «судьбах» науки тоже не стоит. Наверное, такие конгрессы дают хорошую возможность встретиться и пообщаться специалистам, занимающимся разными эпохами и культурами, но сталкивающимся с очень похожими явлениями и проблемами. Так что, вероятно, в первую очередь должны обсуждаться вопросы «среднего звена» — не слишком частные, но и не слишком общие.

7

Во-первых, сообществ всегда много даже в рамках одной дисциплины; во-вторых, все сообщества в той или иной степени — воображаемые. Не знаю, нужно ли кому-то, чтобы существовало сообщество российских этнографов и антропологов. Если нужно, значит, оно уже присутствует — хотя бы в воображении этого человека. Что касается моего личного мнения, то, как мне кажется, существовать-то это сообщество, может, и существует, но вот насколько оно жизнеспособно...

Герою романа Пелевина «Числа» собравшиеся на некий московский филологический семинар «эстеты и высоколбые интеллектуалы» кажутся похожими «не то на рассредоточившуюся очередь за пивом, не то на участников спартакиады по зимним шахматам». Боюсь, что многие научные сообщества, существующие сейчас в нашей стране, производят именно такое впечатление. Это, впрочем, шутка. Надеюсь, что на нее никто не обидится.

ВЛАДИМИР ПОПОВ

Кто мы такие?

(О номинативной функции науки,
или к антропологии антропологии)

1	Современное состояние российской этнографии/антропологии можно оценить как аморфное, амбивалентное и гетерогенное. Такая характеристика связана, прежде всего, с тем, что само название нашей науки стало писаться как <i>этнография/антропология</i>, или <i>этнография (этнология, антропология</i> [часто с вариациями: <i>культурная антропология, социальная антропология, социально-культурная антропология, социокультурная антропология, социальная и культурная антропология, культурная/социальная антропология</i>]), или через запятое (<i>этнография, этнология, антропология</i>) как название специальности 07.00.07, по которой защищаются диссертации. При этом совершенно неясно, что же имеется в виду под антропологией, равно как на что указывает второй компонент в названии академического Института этнологии и антропологии — на антропологию в отечественном понимании, т.е. на физическую (биологическую) антропологию в зарубежной классификации наук (как, например, в названии кафедры этнографии и антропологии СПбГУ), или же на комплексную науку о человеке и его деятельности. Когда-то высказывалось суждение, что этнография (этнология), культурная антропология и социальная антропология — совсем не синонимы, а науки-аналоги, поскольку различаются объектами изучения. Нынешнее же их отождествление и фиксирует состояние аморфности предмета, амбивалентности объекта и гетерогенности структуры. Совершенно очевидно, что произвольное использование названий наук и их субдисциплин, возникших в разных странах, без учета их объема понятий в отечественной научной традиции, создает ситуацию хаоса, а само определение «антрополог» девальвируется, становится синони-
5	
6	
7	

Владимир Александрович Попов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

мом гуманитария или обществоведа, как в советское время произошло с инженерами¹, каковыми стали называть всех, кто получил образование в техническом вузе и не только (вспоминается, например, инженер по соцсоревнованию). Более того, оказывается, можно вообще обойтись без слова «антропология», как это продемонстрировали организаторы международной конференции «Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра», состоявшейся два года назад в Санкт-Петербурге.

Непосредственным поводом для изложенной оценки и соответствующего ракурса рассмотрения проблемы стала конфигурация секций на предстоящем конгрессе российских этнографов и антропологов в Санкт-Петербурге, которая может послужить весьма наглядной иллюстрацией к характеристике неблагополучия. Достаточно вчитаться в названия подсекций, объединенных рубриками «Политическая антропология» и «Антропология религиозности», или попытаться понять, почему в одну секцию включены этническая история и системы родства, при этом секции «Социальная антропология» почему-то нет вовсе, а название «Антропология уралоязычных народов» вне контекста может означать все что угодно. Почему, кстати, антропология религиозности, а не религиозная антропология, или этнорелигиоведение? Ведь есть же здесь и этномузыковедение, и этноэкология, правда, привычное этномузееведение названо музейной этнологией. Странно, что без ставшего уже обычным «антропологического» оформления фигурируют такие секции, как «Традиционные системы питания», «Норма, обычай, право» и «Народная медицина».

Для меня этнография — это этнология плюс набор «стыковых» субдисциплин, в названиях которых имеется формант «этно» — сокращение прилагательного «этническая» (этногеография, этносоциология, этнолингвистика, этнополитология, этнопсихология и т.д.), предметом изучения которых является этнический аспект функционирования любого феномена, выступающего в роли объекта другой, смежной, науки. Этнология же — это базовая субдисциплина, изучающая этносы (этнические общности) и этнические процессы (или феномен этничности, если угодно). Аналогичным образом членится и антропология в зарубежной традиции, только названия субдисциплин создаются по другой модели: прилагательное, указывающее на объект изучения, плюс «антропология». Но синонимического ряда по схеме «этнопсихология = психологическая антропология», «этнолингвистика = лингвистическая антропология», «этнокультурология = культурная антропология» не

---

¹ Для справки: французское слово *ingénieur* буквально означает «изобретатель».

получается. Ведь и указанные дисциплины, или, например, этносоциология и социальная антропология, этнополитология и политическая антропология — дисциплины не тождественные. Так, обе последние связаны с миром политики (власти/управления)/сферой политического и миром этноса/сферой этнического. В то же время этнополитология ассоциируется прежде всего с управлением этническими (межэтническими) процессами (и национальной политикой) и имеет дело с политизированной этничностью или этнизированной политикой, тогда как политическая антропология ориентируется на этнополитические культуры и потестарно-политическую организацию этнических общностей в исторической динамике, хотя и делает акцент — в отличие от политологии и политической истории — на механизмах функционирования и развития традиционных (архаических) и посттрадиционных этнополитических организмов.

По этой модели этнография/этнология должна бы называться этнической антропологией, но в отечественной традиции так принято называть расоведение. Тогда, наверное, можно использовать еще одну модель номинации антропологических субдисциплин: «антропология» плюс существительное, указывающее на объект изучения (антропология родства, антропология войны, антропология города и т.д., вплоть до антропологии часового времени или антропологии смеха), т.е. этнография/этнология — это антропология этноса, или, может быть, антропология этничности, как недавно было предложено¹. В общем, та же история, что и с названиями «возрастная антропология» и «антропология возраста». И совсем, наверное, не случайно англоязычная версия журнала «Антропологический форум» названа «Forum for Anthropology and Culture».

Казалось бы, что тут обсуждать, всем давно все ясно, зачем это делалось, какие благие намерения были, и почему все получилось как всегда. В конце концов, наука уже давно развивается по проблемному принципу, что неизбежно приводит к междисциплинарным подходам и сотрудничеству представителей разных наук, и не столь уж важно, кто как себя называет. Но этот хаос с номенклатурой субдисциплин, как следствие игнорирования номинативной функции любой науки и попыток соединить несоединимое², привел не только к размыванию

¹ Белков П.Л. Структура предмета этнографии (оппозиция письменная–бесписьменная культура) // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 21.

² Особенно показательны такие гибриды, как «социальная этнография» — есть и такая дисциплина в учебных планах социологических специальностей, наряду с социальной антропологией. В свое время аналогичным образом у нас появились потестарно-политическая этнография вместо «буржуазной» политической антропологии, этнография детства и т.д.

дисциплинарных границ, но и (в том числе) к катастрофическому падению профессионализма. Самое время петь реквием по профессионализму. Сейчас все стали антропологами, без бренда «антропология» уже невозможно представить себе названия гуманитарной книги или темы исследования. Недавно наткнулся на «Педагогическую антропологию», которая оказалась обычным учебником по педагогике. Эта игра в названия явно затянулась. Но ведь о терминах, как известно, не спорят, а договариваются. Не пора ли приступить? И, может быть, это и есть та тема, которой надо бы посвятить следующий конгресс. По сути, речь идет о систематизации предметной области нашей науки, об уточнении ее границ, поскольку фрагментация или *«превращение антропологии в совокупность все более локальных и частных исследовательских программ разрушает ее как целостную дисциплину»*¹. Тем более что никакого профессионального сообщества антропологов (как социальных или культурных антропологов [и звучит-то как-то не по-русски]) в России нет. В то же время вполне существуют неформальные сообщества и этнографов, и антропологов (в отечественном понимании), что, возможно, объясняется и их базовым профессиональным образованием.

2

Среди новейших научных публикаций нельзя не заметить монографии О.Ю. Артемовой «Охотники/собиратели и теория первобытности»² и П.Л. Белкова «Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии»³, а также иллюстрированную энциклопедию «Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре»⁴. Значительным событием следует признать и второе издание (переработанное и дополненное) учебника Н.Н. Крадина «Политическая антропология»⁵, заслуженно отмеченного премией Российской Ассоциации политической науки как одно из лучших учебно-методических изданий последнего времени. Весьма актуальной и продуктивной показалась мне дискуссия (требуемая, несомненно, своего продолжения) о возможностях и ограничениях количественного кросскультурного метода в этнографических исследованиях⁶.

¹ Березкин Ю.Е. Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 30.

² Артемова О.Ю. Охотники/собиратели и теория первобытности. М., 2004.

³ Белков П.Л. Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб., 2004.

⁴ Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

⁵ Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004.

⁶ См.: Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 3–47.

3 К наиболее значимым и перспективным проблемам следует отнести проблемы этничности, социогенеза и политогенеза. Нетривиальные результаты можно ожидать, например, в политической антропологии (при выявлении истоков традиционных сетевых сообществ, при изучении цивилизационных альтернатив государству, равно как и при анализе альтернативных путей к ранней государственности) и в антропологии родства: при дальнейшей разработке иденетической парадигмы родства, исследовании феномена имен родства, искусственного (фиктивного) родства (включая ритуальное), прежде всего таких его форм, как побратимство, «братства по кораблю», подшучивание («шуточное родство»), а также реконструкции древнейшего (доклассификационного) типа систем родства — так называемого локального (тотемического, мифологического, или ойкуменического [экологического]) родства.

К значимым, но бесперспективным я бы отнес этнопсихологию, в отличие от исторической (культурно-исторической) психологии, объектом изучения которой является не психология этносов, а ментальность различных цивилизаций и разных исторических эпох. Нетривиальные результаты в этой сфере могут быть получены при дальнейшем изучении архаического синдрома — феномена возрождения архаического сознания в экстремальных ситуациях и в закрытых культурных средах¹.

4 Слишком в общем виде сформулирован вопрос. Как говорится, есть коллеги и коллеги: кто-то интересуется, а кто-то и знать не хочет — все зависит от субъекта. В сферах моих профессиональных интересов — в политической антропологии и антропологии родства — проблем особых нет, если не считать фактического прекращения поступлений новой зарубежной литературы в российские научные библиотеки. Хотя, конечно, западные коллеги в меньшей степени учитывают результаты исследований россиян. Можно также констатировать вполне определившуюся тенденцию: они в меньшей степени интересуются теорией и методологией.

5 Продуктивным исследованиям препятствует, как ни странно, практически полное исчезновение научной критики, которая перестала быть неотъемлемой частью научной жизни. Как уже справедливо отмечалось, *«наша научная жизнь почти полностью лишилась традиции обстоятельной и взыскательной критики, а также ее достойного восприятия. Развернутые и содержательные теоретические дискуссии — большая редкость. При-*

¹ См., например, концепцию программы «Архаический синдром в бывшем Советском Союзе» в кн.: *Пространство и время в архаических культурах*. М., 1992. С. 78–89.

влекать к ним коллег чрезвычайно трудно (если только не задеты их личные или корпоративные амбиции). Количество печатных рецензий и тематических обзоров новых публикаций ничтожно мало в сравнении с объемом этих последних. К тому же, в большинстве своем наши современные рецензии или носят сугубо информативный, а не аналитический характер, или — того хуже — пишутся по настоятельным просьбам авторов, что заведомо предполагает положительную оценку, а подчас и согласование «дежурных» замечаний с самим «заказчиком». И даже научные заседания, посвященные обсуждению подготовленных к изданию или только что опубликованных работ, в основном остались в «доперестроечном» прошлом. А они несли не одну лишь идеологическую нагрузку... Не удивительно также, что если все-таки неожиданно появляется в печати резко отрицательная рецензия на чью-либо книгу или резко критический анализ чьих-либо взглядов, возникают подозрения в личной недоброжелательности, идеологической подоплеке или каких-то иных посторонних мотивах¹. Вполне закономерно, что в таких условиях качество многих публикаций очень низкое, приходится впустую тратить время и усилия на чтение неграмотных текстов некомпетентных авторов. Не способствует научной продуктивности и специфический характер корпоративности, носящей в последнее время особый, я бы сказал «тусовочный», характер. Научные же школы уходят в прошлое.

6

Такие форумы, как конгрессы этнографов и антропологов России, должны стать в полной мере дискуссионным пространством, и их надо проводить по принципу круглых столов и симпозиумов, а не субдисциплинарных секций. И общие (сквозные) темы конгрессов не должны быть ни региональными и узколокальными, как тема предстоящего VI конгресса («Этнокультурные взаимодействия в Евразии»), ни такими фундаментальными, как время и пространство («Время в этнологии и этнология времени», «Пространство и культура» — темы двух предыдущих конгрессов). Что касается конкретных научных проблем, то к первоочередным я бы отнес теорию этноса и этничности — вечную проблему нашей науки, а также специфику этнографического/антропологического образования, что приобретает особую актуальность в связи с реформой вузовского профессионального образования, предполагающей переход на двухступенчатую систему (бакалавриат, магистратура). Давно назрела необходимость и всестороннего обсуждения всякого рода научного китча, и прежде всего различных теорий Л.Н. Гумилева.

¹ Артемова О.Ю. Отклик второй степени // Алгебра родства. Вып. 3. СПб., 1999. С. 184–185.

7

В целях институализации сообщества российских этнографов и антропологов можно, наверное, попробовать превратить Ассоциацию этнографов и антропологов России в реально работающую профессиональную организацию с информационными и координационными функциями. Пока что это номинальная структура.

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

1

Сегодня, как мне кажется, отечественная этнография все больше и больше втягивается в глубокий кризис. Идет явная девальвация этнографии как самостоятельной исторической науки, размывание ее границ и специфики. Ее изо всех сил пытаются заменить этнологией, антропологией, культурной антропологией, социальной антропологией, политической антропологией, экономической антропологией... Не может быть, чтобы инициаторы этих замен не знали, что западные термины «*anthropology*», «*cultural anthropology*», «*social anthropology*» идентичны русскому «*этнография*». Насильственно насаждается вместо традиционного, исторически устоявшегося термина «*этнография*» термин «*антропология*», тогда как последний термин в российской научной традиции имеет определенное общепринятое содержание. Страсть к новым, некритически заимствованным на Западе лейблам захлестнула (особенно в 90-е гг. XX в.) определенные научные круги, движимые стремлением решить вопросы собственного наиболее благополучного трудоустройства. Сейчас учебные и научные подразделения, в названиях которых употребляются модные названные выше термины, исчисляются уже десятками и сотнями, в них работают тысячи сотрудников. Кто, где и когда подготовил такое количество специалистов, в том числе и руководителей этих учреждений? Кто санкционировал организацию всех этих кафедр, школ, институтов, университетов, академий? Достоинно сожаления, что эта

Александр Михайлович Решетов
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

проблема, как складывается впечатление, нисколько не волнует руководство ведущего академического этнографического учреждения страны — Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

2

Мне хотелось бы отметить несколько конференций, в том числе Санкт-Петербургские этнографические чтения «Этнографический источник», очередной семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований», проведенный в 2004 г. под руководством Н.А. Томилова в Алматы, а также ряд региональных конференций в Казани, Красноярске и других городах страны.

Мне представляются весьма важными усилия тех руководителей этнографических учреждений, которые работают на объединение отечественных ученых в рамках проводимых ими научных мероприятий.

Хотелось бы отметить ряд появившихся значительных по замыслу публикаций, но часто просто потрясает все возрастающая этнографическая неграмотность, имеющая место даже в книгах, выходящих под грифом ведущих этнографических центров. Совершенно безответственно зачастую относятся к своим обязанностям рецензенты и ответственные редакторы. А ведь выходящие в Москве и Санкт-Петербурге издания воспринимаются на периферии как эталонные, выполненные на самом высоком уровне.

3

Мне мало известны названия, а тем более существо исследовательских проектов, которые получают поддержку в разных подразделениях.

Я безоговорочно готов поддержать те проекты, которые ставят своей задачей разработку коренных этнографических проблем, их следовало бы рассматривать как перспективные. Есть **направления** (а не отдельные работы!), без которых нельзя представить самую науку этнографию. Это теоретические проблемы истории первобытного общества, этногенеза, этнической истории, традиционной культуры, пережитков и т.д. Я с грустью смотрю на бесчисленное количество работ по этнополитике, этноконфликтологии, выполненных на базе неизвестно каких источников. Мода на такие темы привлекла людей, не имеющих зачастую представления ни о предмете и методике исследования, ни о надежных источниках для ее решения. Но все эти темы, как посмотришь, обеспечены грантами. Вот если бы такой обильный щедрый дождь пролился на темы традиционной этнографии!

4

Откровенно говоря, меня не особенно волнует вопрос, в какой мере результаты исследований российских этнографов учиты-

ваются западными коллегами (и вообще известны им). Это, я думаю, прежде всего их проблемы. Я что-то не припомню, никогда не видел и не слышал, чтобы западные ученые были озабочены тем, в какой мере их работы знают где-то за рубежом, в том числе и в России. В советское время для пропаганды достижений науки, базирующейся на марксистско-ленинских принципах, старались издавать сборники статей отечественных авторов в переводе на западно-европейские языки. Мне кажется, что достаточно в наших работах печатать резюме или оглавление на одном из иностранных языков. Остальное — забота наших зарубежных коллег.

В свое время Ф. Энгельс — не как теоретик марксизма, а как ученый, интересующийся проблемами истории первобытного общества, — нашел в газете «Русские ведомости» от 14 октября 1892 г. отчет Л.Я. Штернберга о результатах изучения им в условиях ссылки на острове Сахалин быта и общественного устройства гиляков (нивхов). Для российских этнографов, занимавшихся проблемами зарубежной этнографии, в условиях невозможности вести полевые исследования в среде изучаемых ими народов знание зарубежной литературы было жизненно важным.

Сегодня меня очень волнуют проблемы слабого знания нами результатов исследований как западных, так и восточных ученых. Мы безобразно мало получаем литературы из-за рубежа по официальным каналам. Если бы не личные контакты, трагичность ситуации была бы еще более значительна.

В еще большей мере меня волнует вопрос об отсутствии даже в таких крупнейших библиотеках, как БАН и Российская национальная библиотека, литературы, издающейся в большом количестве в других городах. Издательства зачастую не соблюдают требования присылки в эти библиотеки обязательного экземпляра. Очевидно, несоблюдение этого требования издательствами дает соответствующим органам право предпринимать определенные жесткие санкции. Но этого никто не делает, а наука страдает.

5

А почему не иметь в виду финансовые проблемы? Ведь все исследования зависят от финансирования. Речь идет не о размере зарплаты, а о возможности добывать материал в экспедициях, знакомиться с новой литературой по теме исследования. Очевидно, нынешняя централизованная система выдачи грантов не является совершенной. А ведь работа в поле, сбор материалов от информаторов, пополнение этнографических музеев недостающими коллекциями, ликвидация лажун в наше время как никогда являются актуальными.

6 Поскольку конгрессы стали регулярно проводиться один раз в два года, то, очевидно, Ассоциации как сообществу отечественных этнографов и антропологов на очередном конгрессе целесообразно подводить итоги прежде всего за прошедшие два года, не исключая постановки докладов по итогам теоретических исследований по ключевым вопросам этнографии как самостоятельной науки в системе гуманитарных знаний. Надо было бы вспомнить опыт проведения Институтом этнографии АН СССР отчетных сессий, которые также проводились раз в два года по итогам полевых этнографических исследований в разных городах страны вплоть до 1990 г. Не могу не отметить, что длительное время главным организатором их выступала заместитель директора института Людмила Николаевна Терентьева. При ее непосредственном руководстве определялось научное направление сессии, количество, название секций и руководство ими. На местах решались практические вопросы проведения сессии. Правление Ассоциации должно активно участвовать в подготовке конгресса, в том числе и в определении набора секций на очередной его сессии. Давно назрел для обсуждения вопрос о современном состоянии российской этнографии.

7 В 1990 г. в Алма-Ате мне довелось принимать участие в учредительной конференции Ассоциации советских этнографов и антропологов, которая замышлялась как действенное сообщество ученых СССР. Однако в силу различных обстоятельств созданная Ассоциация не смогла развернуть работу. Казалось, роль организатора сообщества сыграет Ассоциация российских этнографов и антропологов, которая провела в 1995 г. в Рязани свой первый конгресс. Однако, как показала история, ее деятельность практически свелась к организации конгрессов. Проведено пять конгрессов, накоплен определенный опыт их организации, и пора бы его обсудить. С 1995 г. в течение двух сроков я состоял членом Правления Ассоциации и принимал участие во всех проведенных конгрессах, поэтому у меня есть определенные соображения по поводу организации и проведения конгрессов.

Как мне представляется, только один председатель Ассоциации член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев (Уфа) пытался организовать работу Ассоциации в период между конгрессами как сообщества российских этнографов и антропологов. Издавались «Информационные бюллетени», сообщавшие о работе правления и деятельности на местах, о работе над Биобиблиографическим словарем отечественных этнографов и антропологов. Регулярно собиралось правление, в состав которого входили представители центра и периферии. Заседания проводились не только в Москве, вспоминается одно заседание в

Оренбурге. У Р.Г. Кузеева были идеи организации работы Ассоциации именно как сообщества, и он, и правление в период между конгрессами предпринимали много практических шагов в этом направлении. Интенсивно действовала исполнительный директор Ассоциации Н.А. Дубова.

И если говорить о том, что следует сделать для создания сообщества российских этнографов и антропологов, то, как представляется, основываясь на накопленном опыте организации аналогичных сессий, надо решительно изменить практику, когда вновь избранный президент Ассоциации видит свою задачу только в организации следующего конгресса. Наконец, есть ценный опыт Международной ассоциации, и его надо просто творчески использовать.

Мои наилучшие пожелания руководству и участникам Санкт-Петербургского конгресса. Очень хотелось бы, чтобы его деятельность была плодотворной.

МИХАИЛ РОДИОНОВ

1 Коварный вопрос, ибо ответчику имплицитно предлагается определить предмет оценки и ее критерии. Для одних этот предмет — ведомственная наука в РФ. Для других — совокупность всех специалистов, считающих себя этнографами и сформировавшихся в русле российской традиции (вариант — только живущие в России). И, наконец, для немногих третьих российская этнография — это этнография, изучающая народы России. Состояние ведомственной этнографии вызывает некоторую тревогу, т.к. за последнее время наметилась неприятная тенденция к ее жесткому централизованному регулированию, причем принципы этого регулирования, похоже, не очень ясны самим инициаторам. Опасно также несбыточное желание пресечь «дублирование» научных тем. Все это чревато двойными стандартами, монополизацией целых направлений и их финансирования и отказом от свободной академической дискуссии, традиции которой у нас так и не устоялись. Напротив, состояние мирового со-

**Михаил Анатольевич
Родионов**

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

общества российских этнографов не вызывает особого опасения: за последнее время его наиболее динамичные представители добились впечатляющих успехов. То же можно было бы сказать и о российских этнографах, изучающих вместе со своими иностранными коллегами народы России, если бы зарубежные специалисты иной раз не воспринимали наших как простых проводников, неких Дерсу Узала, вводящих просвещенного исследователя в свой экзотический мир.

2

Увы, конференции становятся все многолюднее, формальнее, дискуссии обычно не складываются, ибо докладчик часто представляет парадный отчет, а не реальную проблему. Если же это живой конкретный материал, то аудитория обычно не может его оценить «со слуха», ее занимают свои научные проблемы, а не чужие. В отличие от скучных и громоздких форумов, интересных публикаций на русском языке — масса. Наиболее интересны не коллективные сборники, а индивидуальные проекты. Чрезвычайно полезны книги, публикуемые в «глубинке». Только один пример: Вячеслав Даржа. Лошадь в традиционной практике тувинцев кочевников (Кызыл: Тув ИКОПР СО РАН, 2003). К сожалению, из-за отсутствия планомерной информации некоторые отечественные публикации, заслуживающие внимания, проходят мимо. Возможно, журнал «Антропологический форум» мог бы помочь в решении этой проблемы.

3

Нетривиальные результаты могут появиться (и появляются) на любых направлениях. Здесь главное, на мой взгляд, личность исследователя и привлекаемый им (ею) материал, а не проблематика. Иначе сбылась бы мечта бюрократа: обеспечить научный результат мудрым планированием. Одна из многих общих для этнографии проблем — это безудержная пролиферация терминологии. Исследователь мог бы рассмотреть существующее (хотя бы в описаниях этнической динамики) противоречие: термин вроде бы должен быть равен сам себе, а живые явления, которые изучает этнография, очень часто сами себе не равны.

4

Если западный коллега не занимается специально российскими темами, он, как показывает опыт, чрезвычайно редко может читать соответствующую литературу по-русски, ограничиваясь переводами и нашими публикациями на западных языках. Некоторые отечественные ученые давно уже публикуют свои наиболее значимые работы за рубежом, где они известны гораздо больше, чем на родине. И наоборот: интереснейшие российские исследователи, не издающиеся за границей, практически неизвестны за рубежом. Российские этнографы, по крайней мере те из них, которые этого хотят, обычно знают

результаты западных коллег, особенно в своей узкой области. Реже восполняются пробелы по общей теории. Хотя сегодня, слава Богу, можно читать и в русских переводах не только кумира 1960-х Леви-Строса и властителей дум 1970-х и 1980-х Жака Деррида, Мишеля Фуко, Жака Лакана и т.д., но и теоретиков постколониализма и нового историзма, а скоро и знаменитую «Империю» Майкла Хардта и Антонио Негри, подводящую итог постмодернизму. Другое дело — насколько отечественные ученые, *знающие* работы своих зарубежных коллег, *учитывают* их в своих исследованиях.

5 Продуктивным научным исследованиям, на мой взгляд, нередко мешает ослабленная мотивация (ощущение, что это никому не нужно), связанная с разочарованием в том, что этнография способна объяснить прошлое человечества и в какой-то мере определить его будущее. Другие причины — отсутствие возможностей для конструктивной, заинтересованной и компетентной дискуссии, неприятие кросскультурных и междисциплинарных исследований (последние поддерживаются на словах, но далеко не всегда на деле, ибо сегодня в отечественной науке наметилось ведомственное стремление к укреплению истончающихся междисциплинарных рамок).

6 На общих форумах, очевидно, должны обсуждаться темы, сформулированные в вопросах «Антропологического форума» и затронутые в ответах респондентов. См. выше и ниже.

7 *Говорить* о существовании общества российских этнографов, разумеется, можно и нужно. Конечно, в нем оказались очень разные люди, чьи узкоспециальные связи (по изучаемому культурному пространству, со специалистами из смежных дисциплин, с иностранными коллегами и т.д.) иной раз много теснее, чем с товарищами по цеху. Тем не менее всех нас объединяет (или должно объединять) общее пристрастие — изучение культуры человечества, будь то культура конкретного этноса или культурные явления более высокого уровня абстракции. И как бы то ни было, мы сами, отечественные этнографы, принадлежим к одной профессиональной культуре, с ее особыми нравами и обычаями, традицией и символическим капиталом. Этим наше сообщество и значимо для меня. А если бы его не было, то искусственно создать его вряд ли кому-нибудь удалось.

**ПАВЕЛ РОМАНОВ,
ЕЛЕНА ЯРСКАЯ-СМИРНОВА****1**

По-видимому, антропология, как и вся академическая наука в целом, переживает серьезный кризис, который связан со многими обстоятельствами. Во-первых, с проблемой резкого сокращения ресурсов, как материальных, связанных с прямым или косвенным финансированием исследований, так и символических, которые легитимизировали само существование дисциплины в рамках советской идеологии. Во-вторых, сохраняется символический конфликт между отечественной этнографией (дисциплиной в целом самореферентной в том смысле, что она, за редким исключением, опирается в основном на собственный академический потенциал и является достаточно герметичной по отношению в классическому наследию социальной антропологии) и современной социальной антропологией в широкой перспективе, во многом существующей благодаря интенсивным интеллектуальным обменам между представителями различных школ. Конфликт этот одновременно и поколенческий, и политический (то есть связанный с отношениями власти в соответствующих институтах и структурах), но, очевидно, обреченный на постепенное затухание в условиях интенсивной публикации переводов с английского, французского, немецкого классических социально-антропологических авторов и быстрое заполнение концептуального дефицита, развития преподавания социальной антропологии в вузах и исследований в самых разных, в том числе университетских и негосударственных, научных центрах. В-третьих, как показывает тематизация секций конгресса, этнография, да и антропология, большинством в Российской академии по-прежнему интерпретируется как наука о культуре народов, игнорируется другое ее понимание — как науки о культурах. Социальная антропология — это наука, предметным полем которой выступает кросскультурное разно-

**Павел Васильевич
Романов**Саратовский государственный
технический университет**Елена Ростиславовна
Ярская-Смирнова**Саратовский государственный
технический университет

образе жизненного опыта людей в различных социальных группах, обществах и культурах. Каждая культурная группа по-своему трактует понятия возраста, статуса, здоровья и болезни, пола и сексуальности, женского и мужского, определяя то, каким образом интерпретируются человеческое тело и возможности личности, как в той или иной группе распределяются власть и ресурсы. Все эти образцы культурных практик, социальных взаимодействий и символических средств коммуникации могут существенным образом различаться у культурных групп, оформляясь под влиянием определенной системы культуры и, в свою очередь, изменяя образцы социальных отношений, правил и установлений социального порядка. Культура, власть, идентичность, гендер, неравенство — ключевые понятия современной социальной антропологии.

Очевидно, что доминирующий дискурс дисциплины вытесняет за ее пределы разнообразие городских культур и субкультур, профессиональные, организационные культуры, индустриализованные культуры и многое другое. В-четвертых, есть проблемы с этой косой чертой «/», которая в вопросе отделяет этнографию от антропологии. В дискурсивном поле современного отечественного академического знания косая черта есть не просто знак дизъюнкции, как звучит в вопросе — это граница, барьер, разъединение «или» превращается в «и» между двумя несопоставимыми потоками. Создается ощущение, что складывается такая поляризация идентичностей: в сфере исследований культуры, с одной стороны, этнографы исследуют удаленные от нас во времени или пространстве народы, а этнография рассматривается как эмпирическая наука о народах. С другой стороны, антропология, где наибольшее количество публикаций связано с философской антропологией, интерпретацией абстрактных сущностей, будучи сугубо кабинетными изысканиями. Антропологов такого свойства достаточно в России, они существуют совершенно автономно от эмпирических исследований. Тем не менее после работ Проппа и Бахтина дефицит свежих теоретических обобщений материалов эмпирических исследований налицо.

Что же позволяет с оптимизмом говорить о перспективах социальной антропологии в России — науки, в которой был бы соединен потенциал полевых эмпирических исследований этнографии и теоретический аппарат, содержащий достаточное количество теорий среднего уровня? Прежде всего, интенсивная коммуникация Восток—Запад, растущее преодоление герметичности. Во-вторых, появление новых периодических изданий — в Санкт-Петербурге, Москве, Краснодаре, Казани, в которых происходит идентификация различных направленных социально-антропологических исследований, раздвига-

ются традиционные границы этнографии, осуществляется междисциплинарный синтез дисциплин. В-третьих, появляются новые оригинальные исследовательские проекты по антропологии современного общества — исследования культур армии, тюрьмы, промышленных предприятий, социальных служб, этнических сообществ в большом городе, субкультур в урбанизированной среде. Странно, что Шестой конгресс прошел мимо этих сдвигов и секций по таким исследованиям в официальной программе не запланировано. И, наконец, в-четвертых, но, возможно, это является самым главным — развитие образования по социальной антропологии. Приходится констатировать, что это образование пока не распространилось на многие вузы, учебные группы будущих антропологов небольшие, ограничены в ресурсах, не всегда признаны в местном сообществе и плохо интегрированы между собой, все еще неспособны к коллективной выработке общих приоритетов в области преподавания и профессиональной деятельности выпускников. Однако потенциал этих программ необычайно высок, они растут в нужном направлении.

2

Для нас знаковыми являются такие мероприятия, как семинар по антропологии профессий, организованный усилиями группы энтузиастов в Москве на базе Центра социологического образования Института социологии РАН, и семинар по визуальной антропологии в РГГУ. Другие значимые события — форум по обсуждению проблем межэтнической нетерпимости в Интернете на вебсайте SOVA, семинары по расизму в языке науки и образования на базе Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге, летние курсы для молодых ученых и преподавателей по антропологии современного общества в Саратове, организованные кафедрой социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета и Центром социальной политики и гендерных исследований.

Значительное (по последствиям) событие — слухи о возможной передаче социальной антропологии как специальности высшего образования от УМО по социологии в УМО истории. Это стало бы настоящей катастрофой для развития специальности, в целом негативно бы отразилось на учебных планах и перспективах ее эволюции.

3

Перспективными нам представляются исследования в русле антропологии современного общества. Поскольку Россия все ощутимее перемещается в пространство постиндустриального общества, невозможно не учитывать широкомасштабную трансформацию социальных институтов (таких, как производство, потребление, семья, церковь), процессов глобализа-

ции и урбанизации социальной жизни. Чтобы не потерять связь с реальностью, мы должны расширить фокус этнографических исследований с удаленных и экзотизированных Других в пространство города, промышленного предприятия, офиса, магазина, сообщества на углу улицы, рыночных сообществ и криминальных кланов. Обычное негласно признанное деление на сферы интереса: «современность и индустриальный мир — дело социологии, а этничность и удаленные Другие — задача этнографов/антропологов» — может и должно быть пересмотрено.

Дебаты о предмете и границах дисциплины «социальная антропология» не прекращаются до сих пор. В то же время плодотворно, когда ученые не столько спорят о границах собственных дисциплин, сколько обмениваются достижениями. Например, довольно часто сегодня исследователи, формально относящиеся к разным научным областям (например историки или философы, культурологи или психологи, культурные или социальные антропологи), объединяются на конференциях, проводят научные семинары и школы, издают книги и работают над проектами, осуществляя вклад в развитие знания о человеке на микроуровне анализа социальной реальности.

Новые исследовательские задачи у антропологов появляются в связи с изменениями методологических ориентиров социальной науки в контексте глобальных и локальных социальных процессов. Среди современных направлений антропологии — медицинское, гендерное, организационное, визуальное, политическое, лингвистическое и когнитивное, прикладное. Многие из них отличает акцент на пересмотре классических доктрин об обществе и критический анализ культуры. Медицинская антропология, анализируя отношение к здоровью, телу, заболеваниям и лечению в различных социокультурных контекстах, позволяет пересмотреть господствующие в современном обществе медикалистские определения социальных проблем и выработать гуманистический подход к их решению. Антропологический взгляд на культурные универсалии и культурные особенности жизненного опыта позволяет обнаружить глубинные истоки различий между социальным опытом женщин и мужчин. Антропологические исследования продемонстрировали, что пол и сексуальность часто выступают весьма тесно сопряженными понятиями во многих культурах и используются в целях узурпации власти и социального контроля. Современная гендерная антропология охватывает широкий спектр проблем: здесь и теоретические дебаты об универсальных маркерах статуса, работы, брака и родства, власти и угнетения, и связи между телом и гендером, исследования маскулинности и феминности, трансгендерного тела и идентичности.

Социальная антропология организаций, применяющая теоретический аппарат и качественные методы социальной антропологии в исследованиях управления и работы, динамично развивается как в России, так и за рубежом. Социально-антропологическое исследование управления включает концепции организационной символики, репрезентации, социальной практики. Кросскультурные нюансы социализации, образования, практик воспитания и развития личности различаются в современном и традиционном обществах, в разнообразных субкультурах в рамках одного города. Кроме того, существуют различия в правовых системах разных стран и социальной политике. Политическая антропология исследует ритуалы и риторику избирательных кампаний, внутреннюю организацию политической деятельности и управления. Новое направление исследований — социальная антропология возраста, в частности социокультурных процессов старения, — учитывает социальные аттитюды к старости в различных обществах и культурах, социальное содержание пожилого возраста, межпоколенческие отношения.

Антропологи исследуют социальные практики и жизненный опыт людей разного пола, возраста, этничности или расы, гражданства в различных обществах и культурах, а также культурные репрезентации этого опыта. Это направление связано с теми открытиями, которые были сделаны благодаря постструктуралистским, постколониальным и постмодернистским исследованиям. Здесь анализируются отношения между культурным пониманием различий, с одной стороны, и распределением власти — с другой. Испытывая влияние лингвистики и социолингвистики, антропологи исследуют взаимосвязи и взаимовлияния пола и языка. Одним из перспективных направлений сегодняшней исследовательской практики выступает историко-антропологический подход: «историческая антропология» или «история повседневности». Ее главное отличие от событийной или социально-экономической истории заключается в переносе внимания на изучение мотивов и стратегий поведения людей, *ментальности* людей прошлого. Сейчас во всем мире происходит стремительное изменение объекта этнографического изучения. Традиционная культура модернизируется, народы мира становятся в той или иной мере разновидностями «современного общества». Это изменение объекта неизбежно сближает этнографию (этнологию, антропологию) и социологию. Она с течением времени будет оказывать все большее влияние на деятельность этнографии.

4

Говорить о широких масштабах таких интеллектуальных обменов не приходится не только из-за языковых барьеров, но и по причине долговременной изоляции и упоминавшейся выше

самореферентности отечественной этнографии. Российским ученым придется, хотя бы они того или не хотят, интегрироваться в глобальное академическое пространство науки, что с неизбежностью выльется в увеличение публикационной активности наших соотечественников за рубежом, расширение поля дискуссии вне границ государств-наций. Как о тенденции можно говорить о все большем обращении к иноязычной и переводной литературе, что интересно — представляется, что к переводным социально-антропологическим авторам больше обращаются в своих работах не этнографы и антропологи, а представители других социальных наук.

7

О существовании такого сообщества говорить пока рано, до тех пор, пока дискурсивное поле дисциплины расколото на множество подчас плохо сообщающихся фрагментов, групп, школ, региональных течений, пока отсутствует консенсус в отношении прошлого и перспективы дисциплины, который может быть достигнут, несмотря на различия во взглядах на те или иные проблемы, методы или идеологии. Сейчас пока нет готовности признать различия и самостоятельные пути всех тех, кто называет себя этнографами, этнологами, социальными и культурными антропологами, услышать друг друга, признать множественность объектов исследования и прозрачность границ между дисциплинами: этнографией, историей, социологией, политической наукой, исследованиями языка, культуры/культурологией. Хорошим шагом в этом направлении могла бы стать большая открытость и демократичность процедур формирования повестки дня и структуры секций таких мероприятий, как конгресс российских этнографов и антропологов, улучшение системы оповещения о корпоративных мероприятиях. Сейчас, например, далеко не все университеты, где преподают социальную антропологию, были оповещены о конгрессе.

ПАВЕЛ РЫКИН

1

Полагаю, что для современной российской этнологии характерны существенное расширение теоретической базы и попытки найти новые пути развития, освоив идейное наследие европейской и американской социальной/культурной антропологии. Попытки эти затруднены тем, что вплоть до начала 1990-х гг. наша этнология развивалась в относительной изоляции и в услови-

Павел Олегович

Рыкин

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург

ях слабого знакомства с положением дел в этнологической науке остального мира. В полном соответствии со своим названием этнография в СССР была дисциплиной по преимуществу описательной, уделявшей сравнительно мало внимания вопросам теории человеческой культуры, которые всегда находились в центре проблематики зарубежной этнологии. Главная задача этнографических описаний заключалась в том, чтобы предоставить материал, позволяющий осветить те или иные аспекты генезиса и истории отдельных человеческих сообществ и культур. Собственно говоря, и преподавание этнографии в нашей стране велось (да и по сей день ведется) на исторических факультетах вузов, в то время как теория культуры была отдана в монопольную компетенцию философов. Конечно, теории в этнографии возникали, но это были теории *этносов*, а не *культур*. (По моему глубокому убеждению, само понятие этноса активно вводилось в советскую этнографию для того, чтобы закамфлировать тот факт, что предметом этнографии является именно культура.)

За последние 15 лет ситуация изменилась коренным образом. «Теория этноса» сошла со сцены вместе с поддерживавшей ее официальной идеологией, и теперь редкий этнограф всерьез обсуждает различия между «этником», «этносом» и «этнической общностью», проводившиеся в трудах приверженцев этой теории. На смену ей явилась заимствованная из зарубежной этнологии «теория этничности», вообще отрицающая объективное существование этносов и утверждающая, что этнокультурные различия могут искусственно создаваться и поддерживаться или, наоборот, нивелироваться в зависимости от социальной ситуации. Вместе со «смертью этноса» (по выражению В.А. Тишкова) вернулось и признание того, что этнография занимается изучением культуры во всех ее многообразных проявлениях, в том числе разработкой теории культуры. В настоящее время *этнография* в России все больше превращается в *этнологию* — дисциплину, сочетающую в себе как ориентацию на полевые исследования, так и попытки теоретического осмысления их результатов. Таким образом, творческое освоение теоретического и понятийного аппарата зарубежной этнологии, стремление к синтезу прикладных и теоретических исследований, расширение и переосмысление дисциплинарной проблематики — таковы тенденции, которые, на мой взгляд, определяют современное состояние российской этнографии/антропологии.

3

По моему мнению, особо интересной и перспективной для нашей науки представляется разработка междисциплинарных проблем, относящихся к взаимоотношению культуры, человека и общества. К числу таковых можно отнести проблему

социальной обусловленности форм культурной и этнической идентичности, лежащую на пересечении этнографии, социологии, истории и (отчасти) политологии. В силу тех причин, о которых я упомянул в п. 1, долгое время в отечественной этнографии культура и этническая группа («этнос») рассматривались как некие трансцендентные сущности, подлежащие изучению сугубо объективными методами. Такой подход (сейчас он известен под названием «примордиалистского») доминировал в этнографических исследованиях и приводил к тому, что субъективные, психологические аспекты культурных и социальных явлений оставались практически за рамками рассмотрения. Между тем в зарубежной этнологии интерес к этим аспектам вызвал появление в 1960-х гг. особого теоретического направления — социального конструктивизма, который ставил своей задачей изучение того, как люди воспринимают свои социальные и культурные формы и манипулируют ими в зависимости от текущих интересов. В нашу науку социальный конструктивизм проник лишь в начале 1990-х гг. и сразу стал объектом оживленных дискуссий. Я помню, как, будучи студентом исторического факультета Петербургского университета, с огромным интересом читал номера журнала «Этнографическое обозрение», посвященные обсуждению вопросов «конструирования этничности», и удивлялся тому, насколько сильно понимание конструктивистами этнокультурных проблем отличалось от их освещения в наших учебных курсах по этнографии. На сегодняшний день популярность социального конструктивизма среди российских (главным образом московских) этнографов довольно высока; публикуется множество книг и статей, в которых анализ ряда современных этнокультурных общностей строится на основе конструктивистского подхода. Однако мне кажется, что весьма нетривиальные выводы можно было бы сделать в результате применения методологии социального конструктивизма к изучению не только современных, но и традиционных обществ, причем как в синхронии, так и в диахронии. Исследования такого рода только начинают появляться в нашей стране, а ведь они могут серьезно изменить проблематику так называемой «исторической этнографии».

4

Степень знакомства российских этнологов с результатами исследований западных коллег и, наоборот, зарубежных этнологов с трудами российских все еще нельзя считать удовлетворительной, хотя значительный прогресс в этом направлении по сравнению с советскими временами налицо. Разумеется, отдельные исследователи в силу специфики своих профессиональных интересов демонстрируют хорошее знание как отечественных, так и зарубежных исследовательских традиций, од-

нако пока таких людей в нашей науке явно недостаточно. Сдерживающими факторами здесь выступают как языковые барьеры (*lingua franca* зарубежной этнологической литературы является английский язык, тогда как отечественные этнографы в подавляющем большинстве публикуются по-русски и довольно часто испытывают серьезные проблемы со знанием иностранных языков), так и различия в эпистемологических установках (разное понимание объекта изучения, специфичный понятийно-терминологический аппарат, непривычные методологические приемы анализа материала, иной социальный и интеллектуальный контекст исследований). На всякого рода международных конференциях мне неоднократно доводилось наблюдать, как перечисленные моменты порождали взаимные недопонимания между российскими и зарубежными коллегами, пусть даже их доклады делались на (формально) «одну и ту же» тему. Причем если языковые проблемы можно было как-то разрешить с помощью переводчика, то расхождения эпистемологического характера, в способах осмысления и даже простого обозначения (вспомним «этнос» и «этничность») какого-либо явления оказывались практически неустраняемыми. В настоящее время эта ситуация претерпевает заметные изменения к лучшему, но пока этнология (в отличие, скажем, от лингвистики) еще далека от того, чтобы стать областью знаний, расположенной «поверх границ культур».

5

Если не считать отмеченного выше отсутствия общего языка (в прямом и переносном смысле) между российскими и зарубежными исследовательскими традициями, продуктивным исследованиям в нашей науке препятствуют, главным образом, ее дисциплинарная замкнутость, изолированность от других сфер гуманитарного знания (за исключением, пожалуй, истории) и слабое осознание своих теоретических основ. По моим личным впечатлениям, среднестатистический российский этнограф, как правило, имеет весьма низкую теоретическую подготовку и, более того, питает скрытую (а иногда и явную) нелюбовь к теоретическим обобщениям, предпочитая не выходить за рамки своей узкоспециальной темы. При таком положении вещей становится невозможным сколько-нибудь продуктивный диалог между различными этнологическими направлениями и концепциями, да и сама потребность в таком диалоге отпадает, коль скоро ученый «утопает в частностях» (выражение К. Гирца). С моей точки зрения, лишь рост междисциплинарных исследований и повышение общетеоретической подготовки может заставить этнологов задуматься об эпистемологических предпосылках своей науки, переосмыслить ее проблематику и выйти на качественно новый уровень анализа.

ЛИЛИЯ САГИТОВА

1	К значительным событиям научной жизни я бы отнесла те из них, что заставляют (или помогают) по-новому взглянуть на привычные явления.
2	

а) Если говорить о проектах, то мне представляется перспективным по своей эвристичности новаторский международный проект, инициированный Американским советом научных обществ (ACLS): «Official and Vernacular Identifications in the Making of the Modern World» (Официальные и местные идентификации, формирующие современный мир) (2000–2003 гг., Нью-Йорк). Организаторами была сформирована международная исследовательская сеть. На первом этапе рабочие группы, представленные учеными из Америки, России, Китая, Тайваня, Франции, исследовали самые разные проявления идентичности (культурной, религиозной, гражданской и т.д.) на примере своих стран. А на втором этапе исследователи микшировались, объединяясь в международные группы по проблемам, возникшим уже в ходе дискуссий. В результате создавался новый синтетический продукт на основе переосмысления того, что уже было сделано. По результатам были выпущены книги¹, а дискуссионные материалы и научные статьи представлены на сайте www.acls.org/crn/network/ebook.htm. Мне посчастливилось принять участие в этом проекте, и могу сказать, что трудно переоценить значимость полученного опыта научного сотворчества как в виртуальном, так и в реальном режиме общения. Хотя я и ограничена в текстовом объеме, но все же назову авторов и энтузиастов проекта, таких как Анджей Тымовский, Рональд Суни, Джеймс Скотт, Петер Салинз и другие.

**Лилия Варисовна
Сагитова**
Институт истории
АН Татарстана

¹ В России вышли две книги по результатам работы российских исследовательских групп: Религия и идентичность в России / Сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2003; Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.: изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003.

б) В позиции «Конференции» я бы назвала прошедший в апреле прошлого года в Санкт-Петербурге, не масштабный по составу участников, но резонансный по взгляду на проблему научный семинар «Расистский дискурс в российском образовании», организованный Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Доминантой стало обсуждение школьных и вузовских учебников по отечественной истории, их вклада в формирование расистского мышления у россиян. Дискуссия, в которой приняли участие социологи, антропологи, правозащитники и учителя школ и вузов, показала плодотворность соучастия представителей разных научных направлений гуманитарного знания в обсуждении конкретных актуальных проблем современного российского общества.

в) В последние годы выходит довольно много интересных публикаций и книг. Но поскольку сегодняшнее состояние отечественной этнографии и антропологии можно назвать рубежным (это период переосмысления как самого предмета, так и методологии в соотнесении не только с зарубежным исследовательским и теоретическим опытом, но и со сложными динамическими изменениями современного мира), то наиболее востребованы, конечно же, книги и публикации, помогающие осмыслению уже произошедших и происходящих перемен.

Среди отечественных книг я бы назвала объемную рефлексия В.А. Тишкова с программным названием «Реквием по этносу»¹. С методологической точки зрения, перспективны его размышления об этнографическом методе и связях политики и этнологического исследования. На мой взгляд, перспективность связана с возможностями междисциплинарного подхода: его призыв к возврату к этнографическому полю коррелирует с последними тенденциями в социологии, а именно — усилившимся интересом к качественным исследованиям, основой которых и является (этнографический) метод включенного наблюдения. Хотя автор почти не говорит о социологии, его работа социологична не только по замыслу и воплощению, но и по содержанию раскрываемых тем. Если соотнести его размышления о связи политики и этнологического исследования с недавно переведенной на русский язык работой И. Валлерстайна «Конец знакомого мира», то можно получить еще одну перспективнейшую рефлексия с совершенно иным фокусом на то, что происходит в мире и науке.

---

¹ Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.

И это — вторая работа, о которой мне хотелось бы сказать. Этот труд еще раз укрепляет мою уверенность в том, что новые перспективы как в отечественной, так и в зарубежной этнологии и антропологии поможет выстроить междисциплинарный подход в сочетании этих наук именно с социологией. Наверное, не случайно размышления и наблюдения известного социолога, попытавшегося в целом осмыслить и критически пересмотреть пройденный человечеством путь и последствия доминирования западной науки и капиталистической системы, заставляют по-новому взглянуть на культурное наследие народов мира, обширные знания о которых накоплены в ходе научных изысканий этнографами и антропологами.

Валлерстайн, говоря о системе научного знания, в качестве ключевой и основополагающей (в сложившейся интерпретации современного мира) выделяет проблему колоссальной разделенности «двух культур»: науки — с одной стороны и философии и этики — с другой. Автор аргументированно показывает, как на протяжении веков наука, развиваясь в русле евроцентризма, отмежевывалась в своем стремлении к объективности и безоценочности (в поиске истины) от категорий нравственности, добра и совершенства. Это привело к кризису в общественных науках, которые, по словам Валлерстайна, сегодня не способны справиться с проблемами современного мира. Значимость этого вывода для этнологов и антропологов — в концептуальных, методологических (и методических) последствиях: ведь нравственность, мораль, представления о добре и совершенстве — смыслообразующие центры любой из этнических культур, которые, в свою очередь, выступают как формы адаптации людей к природной и социальной среде. Поиск новых оснований анализа, где «две культуры» (по Валлерстайну) не разделены, а синтетичны, может и, наверное, должен осуществляться именно на поле этнологии и антропологии¹.

Еще одна интереснейшая книга, о которой можно сказать, что такого рода литературу этнографы и антропологи ждут «как из печки пирога», — коллективная монография международного коллектива исследователей, изучавших в течение трех лет процесс глобализации культуры в десяти странах под руководством известных социологов (!) Питера Бергера и Сэмюэля Хантингтона. Она, наверное, уже стала бестселлером². Конк-

¹ См.: Гл. 11. Многоликий евроцентризм. Общественно-экономические дилеммы // Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М.: «Логос», 2004.

² Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В.В. Сапова. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004.

ретные исследования культур в современных условиях опровергают распространенный миф о том, что глобализация (чаще всего ассоциирующаяся с американизацией, или западной культурой) подавляет другие локальные культуры. Как показывают авторы, влияние может быть и обратным: глобальная культура приспосабливается к местным условиям. Хотя, если вспомнить в этом контексте Валлерстайна, книгу можно рассматривать как апологию евроцентризма.

3

Наиболее значимая исследовательская проблема сегодня — это локальные культуры, или элементы сохранившихся традиций этнических культур в условиях глобализации. Сама рамка динамично меняющихся социокультурных координат актуализирует поиск методологии, дающей основания для адекватного анализа происходящих перемен.

Глобализация связана с трансформацией, которая затрагивает всю систему общественной жизни. Эти структурные изменения действуют по принципу домино: изменения в одной сфере влекут за собой изменения в других. Глобализация переняла эстафету у эпохи индустриализации, усилив символическую значимость этнических культур. Но при этом привнесла значительные трансформации: она разрушила их *целостность и самодостаточность*. Если прежде этническая культура существовала в рамках определенной территории (она действовала в рамках защищающей себя локальной общины или в рамках национального государства), то сегодня глобализация нивелирует национальные границы. Ее воздействие на этническую культуру определяется тем, что в первую очередь нарушается *эксклюзивизм* локальных культур, а на смену приходит *глобальный культурный гипертекст*, в котором представлено все многообразие мировых культур. В этом случае культуры лишаются специфической «почвы», которая образуется действием совокупности локальных условий. Меняется функциональное содержание и смысловой континуум локальных культур: отчужденные от системы жизнеобеспечения, они существуют в символическом пространстве, а их выживаемость зависит во многом от внешних условий, таких как социально-экономическая и политическая конъюнктура, процессы миграции, изменяющиеся технологии в сфере коммуникации.

Более подробно мне хотелось бы остановиться на последнем, поскольку роль коммуникации и средств, с помощью которых она осуществляется, влияет на глубинные структуры культур. Что же произошло вследствие утверждения новых технологий в сфере коммуникации?

1) Живая народная культура, рождавшаяся ранее из *непосредственной человеческой коммуникации*, доходит до человека *опос-*

редованно — через аудиозаписи, телепередачи, становясь при этом зачастую средством развлечения, к которому можно обратиться в любой момент. Вследствие этого исчезает привязка «народной» культуры к определенному месту, календарному периоду, событийному ряду.

2) Утверждается *фрагментарность восприятия культурного явления*, поскольку теперь оно не разворачивается в отшлифованной в ходе исторического развития логике действия, а подается средствами массовой коммуникации в виде коллажа или мозаики, что выхолащивает смысловой континуум явления.

3) С другой стороны, *этнические культуры приспособляются к новым технологиям*. Так, распространение Интернета, грозившее, казалось бы, полной американизацией и господством английского языка, наоборот, привело к появлению «национальных» доменов, в которых коммуникация осуществляется на родных языках (рунет, татнет и т.д.). Причем на сайтах этих доменов зачастую проводится идеология этнического ренессанса: например, саамы, живущие в Норвегии, Финляндии, Швеции и не имеющие своей государственности, воспроизводят свою этническую идентичность, язык и элементы культуры посредством общения через Интернет¹.

Эти, возможно, не все исчерпывающие наблюдения подводят к тому, что для этнографов и антропологов может стать перспективным обращение к отраслям социологии, изучающим формы и способы коммуникации. Даже обращение к идеям Г. Маклюэна, впервые применившего фокус коммуникации к изучению исторического развития человеческих цивилизаций, с его ключевым тезисом «Средства есть сообщения», способно дать новый импульс к исследованию культур в новейших условиях. А исследования знаковой природы коммуникационных процессов Роланом Бартом и Жаном Бодрийаром с их тезисом о том, что не существует разделения между символическим отображением и реальностью в результате культурной деятельности, способны дать ключ к осмыслению современных культурных процессов, когда новые технологии микшируют элементы самых разнообразных культур и создают новые культурные пространства, которые, несмотря на их виртуальность, воспринимаются людьми как самая настоящая реальность.

Для адекватного понимания тех процессов, что происходят с традиционной культурой в современных условиях, было бы

¹ Засурский Я.Н. Информационное общество и СМИ // Национальные модели информационного общества / Отв. ред. и сост. Е.Л. Вартанова, науч. ред. Н.В. Ткачева. М., 2004.

логично пересмотреть подходы к исследованию традиционных культур в контексте современности. Если традиционная методология рассматривала культуры и культурные комплексы как относительно статичные явления, то сегодня более продуктивен взгляд на культуру как на живой, постоянно меняющийся процесс, при котором элементы культуры изменяют свое функциональное назначение, модифицируются и приобретают новые смыслы. Даже такой термин, как «народная культура», может интерпретироваться совершенно по-разному. «Народная культура» сегодня имеет два значения.

Первое связано с исторически сконструированными в ходе научных этнографических изысканий культурными комплексами, или этническими культурами, которые, в конечном счете, представляют собой *память* о том, что было давно, в период аграрных обществ; ту народную культуру, целесообразность и смыслы которой сегодня не подкреплены производственной деятельностью. Если мы будем говорить о «народной культуре» в традиционной парадигме типологии культур, это будет «дистиллированная» этническая культура с определенной системой материальных и духовных элементов, действующая в рамках определенной территории.

Если же говорить о *современной «народной культуре»*, представленной в нашей повседневности (и это *второе* значение термина), то это будет совсем другая культура, со смешением (иногда парадоксальным) различных (не укладывающихся в идеальную схему) элементов. Такую культуру невозможно определить как этническую. Обобщающий взгляд на все поле культуры, актуализированной сегодня в самых разных сферах, будет свидетельствовать о его сложности и неоднозначности.

Что оно из себя представляет — это наиболее актуальный вопрос для исследователей современной культуры. Одна из удачных проблематизаций сложившейся ситуации в культуре была представлена в работе венгерского ученого Яноша Матяша Ковача¹. На примере постсоветской Венгрии автор рассматривает культурное наследие советского прошлого, этническую традицию, глобальную культуру (причем последняя рассматривается во всей ее разнородности). Все эти компоненты культурного гипертекста изучаются в интригующей драматургии отношений, представленных в режимах культурного прорыва, конкуренции, обмена, столкновения, конфликта и сотрудничества.

---

¹ Ковач Я.М. «Конкурирующие соблазны и пассивное сопротивление» / Многоликая глобализация...

Сегодня, анализируя современного человека и культуру (культуры), в которой он живет, и используя для анализа привычную типологию культурных комплексов, мы зачастую конструируем идеальную культуру или же ищем и не можем найти и подвести под раз и навсегда установленную схему наш эмпирический материал.

Например, как сегодня определить *«национальный характер»*, который по прежним научным конвенциям является ментальным выражением определенного (этнического) культурного комплекса? Отсюда проблема идентичности. Что такое сегодня «русский» или «татарин»? Что за этим стоит? В соответствии с прежними константными схемами, это приверженность определенным ценностям, стереотипу поведения, соотносимым с историческим прошлым, религиозными системами, материальной культурой...

Но как определить читателей, например, глянцевого журнала, таких как «Cosmopolitan», «Птюч», «Ом» и многих других¹, которые к тому же едят гамбургеры, поют под караоке, а молодые девушки строят свои жизненные стратегии не в соответствии с Домостроем или Татар Кануны, а по лекалу Cosmopolitan, но при этом все перечисленное не мешает некоторым из них венчаться в церкви и читать никах? В соответствии со вторым подходом, это «народная культура», и ее приверженцами являются и «русские», и «татары», и др.

Традиционная культура теперь не существует изолированно, в своей девственной чистоте. Ее элементы микшируются с новыми образцами, причем зачастую не местного происхождения. Достаточно вспомнить такие примеры, как сеть кафе «Елки-палки» в Москве или туристический комплекс в Мандрогах (на реке Свирь), где элементы традиционной русской культуры (национальные блюда, народная музыка, народные промыслы и «традиционное» жилище) инкорпорируются в формы глобальной культуры. В нашем случае это сеть быстрого питания с элементами западной «общепитовской» инфраструктуры «fast-food» и принципы туристического бизнеса. Или такое явление, как состязания и ролевые игры толкинистов (!), когда усилиями участников в игровых ситуациях воспроизводятся архаичные контексты местных культур, например ночь на Ивана Купалу. Или пример молодежного лагеря, где воспроизводится/конструируется повседневность в стиле именковской культуры в Поволжье (здесь и традиции

¹ Российская Ассоциация рекламных агентств сообщает, что объем рекламного медиа-рынка (560–600 млн долларов) стал делиться глянцевыми журналами (порядка 60–65 млн долларов), и число их читателей растет.

пионерского лагеря, и народная, архаичная культура, и западное влияние — толкинисты).

Представляется, что поиски адекватности этнологических и антропологических исследований могут быть связаны с такими подходами к изучению культуры — *как процесса*, с одной стороны. И с другой стороны — интерпретации культуры *как коммуникации*. В этом случае любая форма идентичности, и этническая в том числе, будет пониматься как самопозиционирование индивида в условиях определенной коммуникации, культурного динамического взаимодействия. Тогда вырисовывается новый вектор изучения культурных процессов, который может стать универсальным и для традиционной культуры, и для современной.

4 В этом вопросе я солидарна с Сергеем Ушакиным, написавшим рецензию на книгу англоязычных авторов «Российские мужчины в истории и культуре» (см.: Ушакин С. Познавая в сравнении: о евростандартах, мужчинах и истории // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2004. № 2–3. С. 97).

5 а) Догоняющий режим пополнения теоретического и методического багажа, накопленного мировой наукой; б) отсутствие проблемных семинаров по теории и методике этнологических исследований с широким охватом участников из самых разных регионов России; в) слабая поддержка академической науки со стороны государства.

7 Наверное, можно сказать, что такое сообщество существует. Мы встречаемся друг с другом на конференциях, читаем публикуемые тексты и даже участвуем в совместных проектах. Но хотелось бы все-таки состояться не только как сообщество коллег, но и как корпоративный институт, который решал бы внутрикорпоративные проблемы с выходом на государство. И это важно не только, скажем, в смысле защиты корпоративных интересов (учреждение специализированных научных фондов, грантовых программ и т.д.), но и решения близких к нам гражданских проблем. Например, в декабре прошлого года в Тобольске состоялся симпозиум по культурному наследию народов Западной Сибири (он проходит ежегодно в течение уже семи лет). Участники симпозиума констатировали бедственное положение исторических памятников не только в самом Тобольске, но и в целом по России: памятники катастрофически гибнут под напором капиталистической модернизации. Все участники горячо и с болью обсуждали эту тему. Но вот уверенности, что общими усилиями можно хоть как-то сдвинуть решение этой проблемы, у большинства участников нет. Ученые разуверились в том, что их мнение востребовано государством. А ведь это — сообщество экспертов, к которому,

теоретически, оно и должно обращаться, а если государство не обращается, то сообщество само должно заявить о себе и инициировать публичную дискуссию на эту тему. Вот в такой ипостаси, на мой взгляд, профессиональное сообщество этнологов и антропологов сегодня востребовано как никогда. И его можно формировать из энтузиастов, которые всегда были и есть сегодня, на таких вот профессиональных форумах, как наш конгресс.

АЛЕКСАНДР САДОВОЙ

1 Как критическое. В то же время как имеющее перспективы динамического развития в ближайшие одно—два десятилетия. «Кризис» мы рассматриваем как состояние перехода на новую ступень.

Основные причины не слишком высокого статуса этнографии в круге общественных наук заключаются в осознанном стремлении российских этнографов отойти от своих основных и достаточно «опасных» в современном мире функций (сбора, систематизации фактов по текущим этнодемографическим, социально-экономическим, этнополитическим процессам), ориентации результатов работ на выработку рекомендаций, направленных на нейтрализацию межэтнических конфликтов, для органов власти и национальных объединений.

Второй аспект — конкуренция в лице философов (отчасти археологов), ориентированных на подмену культурной антропологии «культурологией», и стремление к монополии в сфере подготовки кадров. Следует констатировать, что публикуемые этнографами работы, ориентированные на анализ этнокультурных процессов на основе эмпирического (полевого) материала, теряются в массиве разработок «теоретиков от культурологии», имеющих при этом достаточно крепкие позиции (кафедры) в высших учебных заведениях российской провинции.

**Александр Николаевич
Садовой**

Институт угля и углехимии
СО РАН, Кемеровский
государственный университет

Третий аспект проблемы заключается в том, что на региональном уровне возникла неотложная необходимость создания независимых уже от археологов структурных подразделений, объединяющих специалистов в области этнографии (кафедры, лаборатории, институтов). Обусловливается это тем, что предметная область прикладной антропологии (applied anthropology), развитие которой может стать основой для динамического развития этнологии в целом (включая теоретические, фундаментальные разработки), входит в противоречие со стремлением региональных адептов от археологии сохранить позиции этнографии в роли своеобразной «служанки», поставляющей исходный материал для отражения «культурогенеза», палеоэкономических и социальных реконструкций. Одно из проявлений этой тенденции — стремление перевести источники центрального финансирования исключительно на себя.

Четвертый аспект кризиса проявляется в ограниченности пакета используемых специалистами методик, стремлении исключить из публикаций разделы, описывающие применяемые алгоритмы. И ставшее уже традиционным отсутствие возможности проведения долговременных полевых работ с использованием методик включенного наблюдения.

2

Хотелось бы подчеркнуть, что приводимая ниже оценка проводится с позиции этнографов, работающих на периферии. Жизнь центральных научных центров России в настоящее время для нас представляет ровно такой же интерес, как события, протекающие в дальнем зарубежье. Выявленные мировые и общероссийские тенденции достаточно редко экстраполируются на получаемый полевой материал. Исходя из этого следует отметить в качестве наиболее значимого для будущего развития региональных школ формирование социального заказа на проведение этнологических экспертиз и социологических исследований в отдельных национальных районах. Причем в качестве заказчика стали выступать не только программы и фонды центра (ориентированные на обслуживание «своих» организаций, но никак не регионов), не органы исполнительной власти и национальные общественные организации, не обеспечивающие нормального финансирования, а концерны, представляющие крупных собственников. Так, в Кемеровской области в течение 2003–2004 гг. удалось реализовать ряд проектов, по которым было получено финансирование (в пределах 100–600 тыс. руб.) от администрации Кемеровской области и ОАО ММК (Магнитогорский металлургический завод). Новым и значимым является и то, что все проекты были реализованы в срок, не превышающий одного года, фактически с нулевого цикла, от проведения полевых работ до конечного результата — публи-

кации итогов и рекомендаций¹. При несомненных минусах этого явления, выражающихся в отказе от разработок фундаментального характера, проявляются и возможности выхода на качественно иной, более высокий уровень. Это определяется накоплением банка данных по *текущим* процессам, актуализацией исследований, приданием им прикладного характера. Получение финансирования на проведение этносоциологических экспертиз позволяет ориентироваться и на поэтапное изучение тех районов и этнических групп, которые в последние десятилетия не являлись объектом исследования. Иной аспект — интеграционный характер работ: к выявлению процессов, имеющих этническую составляющую, в регионах стали привлекаться социологи, генетики, историки, экологи, политологи. Все это расширяет пакет применяемых методик, позволяет отражать процессы через временные ряды индикаторов, рассчитанных на основе обработки массовых статистических источников, дает перспективу перехода на ГИС-технологии.

3

Наиболее острая проблема — исследование депопуляционных процессов в среде национальных меньшинств. Связано это с тем, что уже сегодня можно прогнозировать «политический конфуз» как правительственных кругов (в сфере международных отношений), так и органов исполнительной власти отдельных регионов Сибири. В любой выгодный для национальных ассоциаций момент как органы власти, так и крупные промышленные корпорации могут быть «обвинены» в создании социально-экономических условий, провоцирующих вымирание национальных меньшинств (в соответствии с нормами международного права — в геноциде). И здесь встает вопрос: прослеживается ли взаимосвязь между демократизацией общества и депопуляционными процессами в целом? Это общемировая тенденция или чисто российская специфика, своеобразная плата за проведение реформ в пользу формирующихся «национальных финансовых элит»? Учитывая исключительно низкий уровень имеющихся разработок по исторической и этнической демографии и то, что это явление для Сибирского региона в принципе новое, исследование механизма депопуляционных процессов имеет не только научную, но и практическую значимость.

¹ Шорский национальный парк: природа, люди, перспективы. Кемерово: ИУУ СО РАН, 2003; Многонациональный Кузбасс. Кемерово, Кузбасс, 2003; Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы. Кемерово: ИУУ СО РАН, 2004; Садовой А.Н. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК — Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации М.О. «Город Мыски». Кемерово: ИУУ СО РАН, 2005. Вып. 1.

Вторая группа проблем связана с первой. Речь идет об исследовании этнической составляющей интеграции населения в рыночную экономику регионов и воссоздании традиционных систем социальных связей и институтов, свойственных различным этническим группам до начала социальных экспериментов, связанных с социалистическим строительством.

Третья группа проблем, наиболее перспективных для изучения, связана с исследованием этнической и региональной специфики систем жизнеобеспечения, остающихся традиционными в условиях, когда для органов региональной власти «не прослеживается экономической целесообразности» сохранения сельских населенных пунктов национальных районов.

Четвертая группа проблем связана с наименее исследованной в России отраслью социальной антропологии — городской (urban anthropology). Прослеживается явная перспектива исследования механизмов формирования национальных анклавов в российских городах, этнической хозяйственной специализации, преступности, ориентации на демократическое преобразование общества и формирование политических элит.

Нетривиальные результаты, как подсказывает уже имеющийся опыт, достигаются на стыке наук при решении практических задач с использованием максимально широкого спектра методик, не применяемых ранее в этнографии, но неоднократно апробированных в общественных науках. Особенно того спектра методик, которые ориентированы на обработку массовых статистических данных и на основе ГИС-технологий.

Не имея ничего против традиционной ориентации этнографов на исследование этнокультурных процессов, следует отметить отсутствие *реального социального заказа* на их проведение. Эти темы в регионах, как правило, или совсем не финансируются, или финансируются в настолько незначительных объемах, что объективно провоцируют исследователей не столько на проведение работ, сколько на публикацию уже давно известных результатов в форме отчетов. Необходимо учитывать и воздействие этих процессов на «рынок научных услуг». Заказчик, как правило, в настоящее время заинтересован не столько в фундаментальных, сколько в научно-прикладных исследованиях текущих социально-экономических, демографических и этнополитических процессов, сориентированных на выработку рекомендаций для программ регионального развития. И... *крайне заинтересован* в снижении своих финансовых затрат, стремясь получить результаты исследований за минимальную плату. В этих условиях ученые, соглашающиеся на финансирование своих исследований в минимальных объемах (менее 5–10 тыс. долларов за проект), выступают для своих коллег в роли «штрейк-

4

брыхеров» — лиц, не способных самостоятельно разработать проект в области «прикладной антропологии» (а они затратные по своей природе) и при этом реально мешающих своим коллегам, «развращая» заказчика, создавая образ ученого как потребителя, но никак не активного участника в информационном обеспечении проводимых социальных преобразований.

Опыт работы в Университете Аляски США по программам Fulbright (1997 г., 8 месяцев) и JFDP (2000–2001 гг., 11 месяцев) по проблематике, представляющей интерес как для России, так и для США (история национальной политики, системы жизнеобеспечения, методы прикладной антропологии), позволяет утверждать, что «железный занавес» между отечественными и зарубежными научными школами сохраняется. Для обеих сторон характерно слабое знание имеющихся разработок. Однако прослеживаются и различия. Для американской стороны характерно создание финансовой и организационной базы для ликвидации существующего барьера через фонды, организующие обмен специалистов, как американских на территории России, так и российских на территории США. Однако не прослеживается особого стремления к включению в историографические обзоры ссылок на работы российских коллег¹. Порой отсутствие ссылок на широко известные в нашей науке работы, сочетающееся у американских специалистов с явной тенденциозностью оценок национальной политики СССР (при сопоставлении с политикой США по отношению уже к своему коренному населению), выглядит крайне оскорбительно.

Для российской стороны характерна несколько иная ситуация. Отсутствуют отечественные фонды, позволяющие провести долгосрочные исследования как на территории США, так в пределах стран СНГ. В то же время можно отметить стремление использовать методологические подходы и концептуальные разработки зарубежных коллег. Это прослеживается по спискам использованной литературы, монографий и диссертационных исследований, по апробации зарубежных методик, организации тематических конференций, экстраполяции тенденций, выявленных за рубежом, на полученные во время полевых работ результаты.

Стоит констатировать и не слишком приятный для отечественных этнографов факт: слабое знание зарубежной историографии. Как правило, используются только те работы, которые отложились в фондохранилищах библиотек европейского

¹ Суждение высказано на основе анализа работ американских антропологов, посвященных этнографии народов Южной Сибири.

центра. И здесь с учетом исключительно высоких финансовых затрат на командировки в научные центры Москвы и Санкт-Петербурга (сопоставимых с затратами на проведение полевого сезона) специалисты из Сибири попадают в ситуацию, полную парадоксов. Легче выиграть зарубежный грант и работать в США, чем получить возможность работы в библиотеках отечественных центров. Предоставляемые зарубежными фондами мини-гранты (3–5 тыс. долларов) сопоставимы по объемам с грантами в практике отечественного финансирования (ФЦП «Интеграция», «Университеты России», РФФИ, РГНФ). Нельзя не отметить и формирование определенной психологической зависимости. Принятие западных разработок в качестве образца для подражания (не всегда осознанного и далеко не всегда обоснованного), неизбежное при составлении заявок в зарубежные фонды, ориентирует часть молодых специалистов на определение предметной области исследований по уже заданным лекалам и отход от традиций отечественных школ.

5

В принципе то, что создает и проблемы для вхождения высших учебных заведений России в Болонский процесс. Во-первых, явные недостатки в развертывании системы подготовки профессионалов. Для многонациональной России в условиях роста национального самосознания и формирования очагов межэтнических конфликтов специалистов, ориентированных на оказание помощи органам власти в нейтрализации последствий реформ, национальным ассоциациям в решении текущих проблем, явно недостаточно. В отличие от США, в России нет рабочих мест для социальных антропологов в органах власти, армии, природоохранных учреждениях (национальных парках, заказниках, расположенных на этнических территориях), органах социальной защиты. Проблемы трудоустройства в первую очередь определяются отсутствием социального заказа и этнографической безграмотностью «власть предержащих». В силу того что специфика подготовки этнографов заключается в неразрывной связи учебного и научного процессов, именно его отсутствие ограничивает продуктивность (эффективность) научных исследований. Второй фактор — ограничение мобильности. Ушли в прошлое масштабные комплексные экспедиции РАН в национальных районах (с привлечением местных специалистов), практика трудоустройства выпускников специализированных кафедр центральных вузов в регионах. Это существенно ограничивает возможность внедрения современных методик исследований в среде преподавателей высшей школы. Наблюдается явная диспропорция распределения средств между центром и периферией. В итоге препятствия для продуктивных исследований имеют в большой степени организационный характер.

6

В первую очередь проблемы организации науки, подготовки кадров, публикации полевых материалов. Во вторую — методологические подходы в решении наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются органы власти и профессионалы на местах. Необходима организация обмена опытом долгосрочных экспедиционных проектов. Последние можно организовать на основе координации полевых исследований нескольких центров с публикацией промежуточных и отчасти итоговых результатов в одном периодическом издании. В любом случае, форум желательно сделать тематическим по своей направленности.

7

Отчасти, но в основном на региональном уровне. Связь между центром и регионами, учеными РАН и специалистами высших учебных заведений достаточно слаба. Во многом «сообщество» проявляется через предметную область исследований, координацию при определении тематики кандидатских и докторских диссертаций, проведение конференций. В целом для моей группы это сообщество значимо, поскольку позволяет сохранить устойчивую связь с выпускниками кафедры этнографии СПбГУ, поддерживать через Интернет связи со специалистами сопредельных регионов, осуществлять обмен публикациями, имеющими ограниченный тираж, участвовать в работе диссертационных советов.

Для укрепления сообщества в первую очередь необходимо выйти на уровень формирования и реализации координационных программ по решению значимых для страны проблем, *ориентированных на Правительство РФ*. Это, учитывая традиции отечественной этнографии, не только возможно, но и необходимо делать. Одним из координационных центров на первой стадии может выступать «Этнографическое обозрение» через формирование и выпуск периодических тематических приложений.

Имеет перспективу и формирование единого сайта, ориентированного не только на отечественного, но и на зарубежного потребителя. Цель — снятие проблем перевода диссертаций, статей, аннотаций, рецензий, информации о текущих событиях, полевых дневников и т.д. на английский, немецкий, французский языки. Это должен быть сайт, на котором специалисты из регионов, сохраняя авторское право, смогут размещать свои материалы в качестве электронных публикаций. Стоит ввести в практику и проведение форума, посвященного проблемам отдельных регионов РФ, что позволит не только укрепить связи на межрегиональном уровне, но и снять возникшие проблемы взаимоотношений «центра» и «периферии».

АНТОН САЛМИН

2

Публикация монографии Валерия Тишкова «Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии»¹ представляется мне одним из значительнейших событий в научной жизни за истекшие два года.

Читатели восприняли книгу неоднозначно. Я бы назвал ее новым словом в российской науке. Да и сам автор монографии меняется на глазах. Становится мудрее. Для этого он прошел трудный путь «возвращения домой». Начав как американист, он однажды сказал: «*Да изменится молитва моя!*» — и перешел на российскую тематику, выбрав самые дискуссионные и болезненные проблемы (теория этничности → этнополитика → этнография войны). И вот причал: проблемы социально-культурной антропологии на российском материале, обогащенные мыслью теоретика-американиста.

Не берусь (да и невозможно это исполнить в форме «вопрос—ответ») давать оценку книге в целом. Поступлю по принципу «своя рубашка ближе к телу» и выделю некоторые аспекты системного подхода к изучению религии в целом и народной религии (folk religion) в частности.

Как известно, исследователи пока не пришли к единому мнению и по происхождению самого термина «религия». Хотя над этим упражнялись самые серьезные головы (Лактанций, Фейербах, Энгельс, Л.Н. Митрохин, П.И. Пучков, К. Гирц). Однако данное В.А. Тишковым определение религии как центрального компонента духовной культуры и традиционно, и верно². Он же отмечает условность разделения религий на «примитивные» и «мировые», ибо в любой религии присутствуют одни и те же религиозные феномены (миф, ритуал, символизм

**Антон Кириллович
Салмин**

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

² Тишков В.А. Предисловие // Народы и религии мира. М., 1998. С. 5–9.

и т.д.). То же самое относится и к понятию «культ»: его находим как в ранних формах религий, так и в мировых.

Исследователи говорят о вероисповеданиях не как о причине, а как о следствиях обряда. *«Именно действие или потребность в действии контролирует или определяет верование, а не наоборот»*. Поэтому, чтобы определить характер религии, *«мы должны сосредоточиться в первую очередь на обрядах, а не на верованиях»*¹. Принимая формулу «религия = обряд + верования», В.А. Тишков также считает, что *«ритуал предшествует оформлению религиозных доктрин»* (С. 88). Правда, встречаются и другие формулировки. Так, по мнению Дж. Миддлтона, религия делится на три элемента: ритуал, миф, магия². Однако здесь очевидна допустимость замены термина «миф» на более емкое представление «верования», а магия свойственна как ритуалу, так и верованиям. Поэтому выделение мифа и магии в самостоятельные блоки в любых формах религии, конечно, искусственно. Поскольку верования — это вера в богов, божеств и духов, то не может быть и знака равенства между понятиями «религия» и «вера/верования». В ином случае мы бы полностью проигнорировали ритуал, являющийся одним из главных блоков любого варианта религии.

От того, насколько мы едины во взглядах на содержание конкретного термина, зависит возможность взаимопонимания. Наш предмет также оставляет желать лучшего в этом отношении. *«Хорошо определенный набор технических терминов — это необходимость для преодоления непонимания среди специалистов в любой науке, не исключая систематическую науку религии»*³. Одновременно следует помнить: *«Одержимость дефинициями есть проявление слабой методологии»* (С. 231).

Шесть лет назад автор этих строк опубликовал статью, где предложил термин «фольк-религия» для обозначения народной (традиционной) религии, представленной в виде старинных обрядов и верований⁴. Конечно, термин «фольк-религия» сначала покажется непривычным, можно сказать, что он режет слух. Однако сколько английских терминов вошло в русскую

¹ Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции. М., 2001. С. 182.

² Middleton J. The Religion System // A Handbook of Method in Cultural Anthropology. N.Y., 1973. P. 500–508.

³ Snook J.A.M. Initiations: A Methodological Approach to the Application of Classification and Definition Theory in the Study of Rituals. Pijnacer, 1987. P. 183.

⁴ Салмин А.К. Фольк-религия чувашей // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999.

научную лексику — не счесть. Например, В.А. Тишков начал активно пользоваться английским (вернее, латинским) словом «primordial» в значении «исконный, первоначальный». Уверен, термин «фольк-религия» (как и «folk religion») со временем станет привычным в среде этнологов/антропологов и религиоведов. И это произойдет помимо нашей воли и желания.

Видимо, не следует торопиться повесить на В.А. Тишкова ярлык «антиэтничника», т.е. исследователя, придерживающегося тезиса «этнология/антропология без этносов». Как этнолог, он понимает нынешнюю кричащую ситуацию и указывает на болевые точки общества. Прислушаемся: «*Культурное многообразие есть присущая человечеству (как и всем другим видам живой и неживой природы) необходимая характеристика существования и эволюции. Единообразие означает социальную энтропию и своего рода смерть человека как вида. Все культуры составляют общее достояние человечества, и исчезновение даже самой малой есть общая большая утрата, как утрата вымершего вида животных или растений*» (С. 255). Валерий Александрович, конечно, вторит своим коллегам, но четко определяет свою позицию. Увы, голоса этнологов как глас вопиющего в пустыне. Власть имущие продолжают вести безответственную, всесильную и дикую политику выживания.

В последнее время наблюдаются «увлечения методами массового опроса, статистическими данными этносоциологического характера, используемыми при изучении этнических процессов. Безусловно, на основе статистического материала можно получить представление об общих тенденциях этнокультурных процессов, однако многие, и притом весьма существенные содержательные характеристики этих процессов попросту не улавливаются с помощью статистических методов. Нет сомнения, что более пристальное внимание к этнофору (не среднестатистическому!), к его личности может не только выправить существующий крен, но значительно дополнить и обогатить наши представления о характере этнокультурных процессов»¹. С такой позицией абсолютно солидарен В.А. Тишков: «*Классическим вариантом полевых исследований в мировой науке начиная с Б. Малиновского остаются все же индивидуальные долговременные экспедиции. К тому же серьезной проблемой для мировой и отечественной социально-культурной антропологии в недавнем прошлом были ее «растворение» в комплексных социальных исследованиях и тенденция к слиянию с социологией, чему у нас как раз*

---

¹ Байбурин А.К. Проблема «личность и традиция» в трудах Ю. Пентикайнена // СЭ. 1982. № 2. С. 133.

отчасти и способствовали комплексные экспедиции»¹. Действительно, приходится согласиться с констатацией американского антрополога Брюса Гранта: «Парадокс современной российской этнографии заключается в том, что так мало полевых исследований»².

В.А. Тишкова глубоко волнуют и проблемы вероисповедания. Увы, в подписные листы XX и XXI вв. перестали включать пункты о религиозной принадлежности. Если верить переписям, то после первой Всероссийской переписи населения 1897 г. исчезли («испарились»?) удмурты, марийцы и чуваша, придерживающиеся религии своих дедов (кто думает так, тому советую поехать в этот регион, посмотреть самому и убедиться в обратном). Хотя в 1924–1926 гг. попытка зарегистрировать «язычников» была предпринята. Об этом не зря напоминает и автор разбираемой монографии: «Переписчику рекомендовалось узнать национальную принадлежность родителей опрашиваемого, вероисповедание, в «котором он родился», вероисповедание во время опроса, язык домашнего общения, владение русским языком» (С. 194–195). А вот в Румынии в переписи 2002 г. такую графу сочли нужным включить: «В вопроснике «национальность» означала принадлежность человека к этнической группе, определяемой также исходя из культуры и религии» (С. 213).

В целом моя оценка книги В.А. Тишкова тоже неоднозначна. Однако в слове «реквием» я ловлю прежде всего его исконное значение — «горечь утраты», а не радость за утрату. Новое слово всегда воспринимается в штыки. Особенно — в науке. Но это пройдет.

АЛЕКСАНДР СЕЛЕЗНЕВ

1

Первый вопрос поставлен весьма широко и предполагает, вероятно, только два варианта ответа: *существует* или уже *не существует* отечественная этнографическая и антропологическая наука. Вопрос не столь уж и риторический, если учесть, что в конце 20-х гг. прошлого столетия дореволюционная русская этнография свою гибель уже пережила. Советская наука, полностью отряхнув прах

Александр Геннадьевич

Селезнев

Омский филиал Объединенного
института истории, филологии
и философии СО РАН

¹ Дубова Н.А., Ямсков А.Н. «Круглый стол» «Полевые исследования в этнологии и антропологии» // ЭО. 2002. № 5. С. 137–138.

² Грант Б. Современные тенденции в антропологических исследованиях: Ответы на вопросы // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 39.

прошлого, начала фактически с чистого листа. Сейчас ситуация, конечно, не столь драматична. По крайней мере, если ставятся *такие* вопросы, какие были предложены для обсуждения в первом номере «Антропологического форума» или какие предлагаются для настоящего обсуждения, то перспективы вполне оптимистичны.

Определенную тревогу вызывают, однако, постоянно повторяющиеся в нашей истории диахронные разрывы, когда столь характерные для нашей страны революционные изменения в обществе с фатальной неизбежностью вызывают нигилистическое забвение всех прошлых достижений, особенно проявляющееся в сфере общественных наук. Вероятность такого развития событий вполне очевидна для нас — тех, кого можно отнести к среднему поколению, чей срок пребывания в науке составляет около двух десятков лет и кто застал еще «старую» советскую этнографию, а затем пережил все последующие социальные и академические трансформации. И надо сделать все возможное, чтобы не прервалась связь времен. Разрушение преемственности в действительности будет означать конец науки. Допустить это нельзя ни при каких обстоятельствах. В этом, на мой взгляд, должна состоять важнейшая функция конгрессов этнографов и антропологов России.

2	Мне представляется, что в двуедином дисциплинарном комплексе этнография—антропология упор следует сделать все-таки на первую составляющую — этнографию. Соотношение этих двух понятий должно наиболее рационально отражать последовательность и соотношение специфических исследовательских процедур. В этом смысле этнография и антропология соотносятся между собой, по сути, примерно так же, как, например, археология и преистория в англо-американской науке. Это означает, что этнография (так же, как и археология) представляет собой <i>источниковую</i> базу для широких антропологических обобщений и должна рассматриваться как источниковедческая дисциплина, что отнюдь не умаляет, а, наоборот, необыкновенно повышает ее статус. В таком понимании предметную область этнографии составляют специфическая методика сбора и обработки (верификации) полевого источника, а также сам этот источник, превращающийся, в конечном итоге, в достоверный научный факт.
3	
6	

Отсюда следует, что этнографический процесс включает в себя два типа исследовательских процедур: 1) собственно сбор полевого материала, осуществляемый с применением известных полевых методов: непосредственного наблюдения, интервьюирования, анкетирования и т.д.; 2) критика этнографического источника («критика поля»), верификация получаемых дан-

ных, создание типологий, классификаций и другие исследовательские процедуры. Оба процесса, разумеется, взаимосвязаны, но не вполне совпадают пространственно и хронологически. Так, если первый процесс полностью соотносится с полевой работой, то второй, начинаясь также «в поле», продолжается и в постполевой период.

Ситуацию в этой сфере следует оценивать как проблемную. Если взглянуть на вещи непредвзято, то следует констатировать, что методика сбора полевого материала складывается в нашей этнографии как-то стихийно и, как следствие, субъективно. По крайней мере, мне не встречались изданные в последнее время в России специальные пособия, посвященные методике полевой этнографической работы (я, конечно, не имею в виду тонкие брошюры, выпущенные несколько десятилетий назад). Характерна в этом плане судьба руководства по методике этнографических исследований, подготовленного В.А. Козьминым. По каким-то причинам книга отдельным изданием так и не вышла и публиковалась по фрагментам в журнале.

Еще сложнее положение с теоретическим осмыслением критики этнографического поля. Здесь, похоже, в полном объеме проблема еще поставлена. Хотя надо отдавать себе отчет, что и сама по себе постановка такой проблемы связана со значительными трудностями. Последние обусловлены пестротой задач, возникающих в ходе полевой этнографической работы. Один этнограф ставит себе целью полевой работы фиксацию реликтов архаичного обряда, второй интересуется этнографией городского супермаркета. И в том и другом случае — это полевая работа, и методы верификации в обоих случаях будут, конечно, различны.

И все же, несмотря на различие этнографических ситуаций, нужен некий общий методический инструментарий, позволяющий производить взаимную проверку полевого материала на послеекспедиционном этапе. В идеале любая крупная этнографическая работа — большая статья или монография — должна содержать специальные разделы, излагающие методы источниковедческой критики поля, применявшиеся автором при создании данного исследования. Очевидна необходимость разработки строгой и точной методики объективизации полевых данных; трансляции субъективных, а порой интуитивных и эмоциональных оценок действительности, занесенных в полевой дневник, в форму выверенного критикой исторического факта. Это особенно важно при верификации источников, полученных в ходе таких субъективных по определению процедур, как интервьюирование, вызванное наблюдение и т.д. Один из аспектов данной проблемы затронул в ходе обсуждения в

первом номере «Антропологического форума» Г.А. Левинтон, когда он говорил о критике записанных в поле интервью.

Замена соблазнительно быстрых блестящих обобщений на долгую и кропотливую источниковедческую работу — путь трудный, но необходимый, и лишь он обещает по-настоящему обоснованные результаты. Особое место в этом процессе, видимо, должно занять преодоление идеологических установок этнографа, обусловленных естественными для каждого нормального человека чувствами комплементарности изучаемому предмету.

И лишь после выполнения всех источниковедческих процедур на основе тщательно выверенных фактов может быть выстроено собственно антропологическое исследование — обобщение, само по себе становящееся верифицированным и непротиворечивым фактом.

В том, как субъективно воспринимается информация, я недавно лишний раз убедился, когда давал интервью журналисту газеты по итогам прошедшей экспедиции. Эти итоги мне казались (да и сейчас кажутся) весьма интересными, и я постарался предельно понятно и доходчиво донести как сугубо фактическую, так и эмоциональную составляющую проделанной работы. Мне казалось, что в напечатанном виде интервью не будет содержать для меня ничего нового. О, как я ошибался! То, как мои слова были интерпретированы интервьюером и редакторами издания, какие комплексы сознания современного россиянина они вскрыли, может стать темой специального антропологического исследования.

Разработка базовых параметров методологии этнографического поля также является важнейшей функцией конгрессов этнографов и антропологов России. Вряд ли эта задача может быть решена в рамках одного конгресса, однако то, что она должна рассматриваться в качестве одной из наиболее актуальных в ближайшем будущем, представляется бесспорным. Правда, как справедливо отметил В.А. Тишков, вопросы «критики поля» пока еще мало привлекают внимание отечественных этнографов. Тем значительней представляется факт проведения конференции, специально посвященной этой проблематике, в Санкт-Петербурге в декабре 2004 г.

В свете сказанного особые перспективы и новый импульс приобретает изучение традиционной культуры. В дискуссии в первом номере «Антропологического форума» практически все авторы совершенно справедливо отмечали тенденцию перенесения исследовательского интереса с традиционной «сельской» тематики на городскую среду. Тенденция, конечно,

очевидна, но не будет ли выплеснут вместе с водой и ребенок? Ведь на фоне стран Запада традиционная культура, прежде всего крестьянская культура, — это неоспоримое наше национальное достояние. Совершенно справедливо отметил Т. Инголд, что для британской антропологии проблемы перехода с сельской, крестьянской этнографии на городскую не существует вследствие того, что традиционной культуры как таковой на Британских островах уже давно нет, а точнее, она была насильственно уничтожена в результате раскрестьянивания, имевшего удивительно схожие черты в разных странах мира, на что указал в той же дискуссии В.В. Иванов.

У нас же, несмотря на огромные масштабы разрушения, традиционная культура еще сохраняется как существенный социальный фактор, и исследования в этой области, безусловно, имеют эвристическую ценность.

И в этой сфере также очевидна необходимость рациональной и здоровой ревизии подходов к полевым этнографическим исследованиям. Одним из направлений оптимизации этнографического изучения традиционной культуры является ориентация объекта исследования на изучение локальных комплексов традиционной культуры или, говоря словами Н.И. Толстого, культурных диалектов, понимаемых в качестве таксономических аналогов лингвистических диалектов.

Не менее важными являются фиксация и интерпретация культурных явлений, возникших на границе двух типов культур: с одной стороны, культуры традиционной, сельской, бесписьменной, коллективной, существующей в форме локальных комплексов или диалектов; с другой стороны, культуры письменной, идеологизированной, этнически или даже над-этнически ориентированной. Примером такого рода культурного феномена могут служить народные формы мировых религий, практически всегда существующие в рамках целостного религиозного мировоззрения и одновременно в форме синкретичного комплекса верований, культов и практик. Исследование таких явлений также требует применения специфических этнографических и антропологических методов и подходов. Их разработка и даже в какой-то мере кодификация — еще одна функция конгрессов этнографов и антропологов.

7

5

Вопрос о сообществе российских этнографов и антропологов, пожалуй, один из наиболее сложных и, в любом случае, ключевой. Действительно, есть ли смысл в проведении конгрессов этнографов и антропологов России, если отсутствует как таковое российское этнографическое сообщество? При самом поверхностном анализе выявляются два аспекта проблемы. Первый касается административной структуры, второй — нефор-

мального интеллектуального пространства. Структурно антропология как наука развивается в рамках академических, вузовских и музейных научных учреждений соответствующего профиля. Можно спорить о достоинствах и недостатках этой структуры, однако она существует и воспринимается как данность на протяжении долгого времени.

Сложнее обстоит дело с интеллектуальным полем этнографической науки. Здесь общность не идейная, а скорее статусная и этическая. Члены этой общности узнают друг друга по внешним признакам, говоря словами Андрея Макаревича — «по улыбке и по цвету глаз».

И проблема эта глубже, чем различие в направлениях и подходах. Невольно возникает ассоциация с рассуждениями людей, которые очень умно и толково говорят о путях развития России, при этом крайне редко выезжая дальше Садового кольца, а если и выезжая, то только по известным дорогам, ведущим к новым номенклатурным дачам. Но дело в том, что по крайней мере культурно и социально единой России не существует в принципе (да простят меня члены одноименной политической партии). Есть Россия Москвы и Подмосковья, но это далеко не то, что вся остальная Россия. Азиатская Россия весьма отлична от Центральной, так же, как обе последние обладают спецификой по отношению к Югу или Северо-Западу.

В этих условиях наука как важнейшая сфера национальной культуры могла бы стать мощным интегрирующим фактором. Но стала ли? Увы, нет, следует констатировать, что эту свою миссию она до конца не выполнила. Причина — в той чудовищной концентрации всего и вся в столичных центрах (а в последнее время — только в Москве), которая была так характерна для страны и в имперский, и в советский, и в постсоветский периоды. И как диалектическое следствие такого положения вещей — противоположный эффект: все более усиливающиеся центробежные тенденции.

То, что наша антропология развивается в предельно ограниченном количестве научных центров, не требует особых доказательств. Вот, к примеру, справка об авторах новейшего фундаментального энциклопедического издания «Народы и религии мира»: *«Около 200 авторов из разных научных учреждений <...> приняли участие в создании этого труда, хотя основная работа была выполнена учеными Института этнологии и антропологии Российской академии наук»* (жирный шрифт мой. — А.С.).

По-моему, только в нашем научном истеблишменте существует понятие «центральное издание», официально закрепленное

в специальном списке ВАК. О каком единстве сообщества может идти речь, если начальство уже всех поделило по ранжиру на центр и периферию, а наши издания и, следовательно, наши работы — на *«первую и вторую свежесть»*?

Кстати, о списке ВАК. У нас воистину все может стать предметом антропологического анализа (или психоанализа). Например, какие головокружительные глубины ментальных структур нашего научного чиновничества открываются, когда пытаешься осмыслить следующий факт: в официальном списке изданий, рекомендованных ВАК для соискателей докторской степени, есть такие журналы, как «Кролиководство», «Все о мясе», «Свиноводство», но отсутствует «Российская археология» (цитирую список по сайту ВАК <http://vak.ed.gov.ru>). Все понятно: без свиноводства нам никуда, но ведь не мясом же единым... Показательно, что в списке, насчитывающем почти тысячу наименований, слово «археология» упоминается один раз, «этнография» и его производные — два раза. Лишь один журнал посвящен социальной антропологии. Целый ряд крупнейших субъектов Российской Федерации, имеющих весьма развитую научную и образовательную инфраструктуру (например, Омская область), не представлен в списке ни одним местным изданием. Неужели все они настолько плохи, а печатающиеся в них статьи ненаучны? А может, все проще, и наличие или отсутствие того или иного издания в списке обусловлено иными, весьма отдаленными от чистой науки причинами?

Преодоление негативных тенденций чрезмерной централизации отечественной этнографии, развитие региональных исследований — еще одна важнейшая функция конгрессов этнографов и антропологов России.

4

Те же обстоятельства обуславливают контакты с западными коллегами. В библиотеках европейских и американских университетов много русскоязычной литературы, и фонды славистики пополняются с несвойственной для наших книгохранилищ оперативностью. Работы авторов из России и стран СНГ много и охотно читаются и цитируются на Западе. По счастью, есть целый ряд традиционных тем, где позиции отечественной гуманитарной науки, в том числе и антропологии, по-прежнему *«впереди планеты всей»*. Так, и в наши дни специалист по центрально-азиатской тематике или шаманизму, дабы не оказаться на периферии научного процесса, должен знать русский язык, хотя бы в объеме, доступном для чтения русскоязычной литературы.

Однако для большей части провинциальной России эти связи как улица с односторонним движением. Западная литература

сюда чаще всего просто не доходит. Однако основная проблема даже не в этом. Главное состоит в том, что большинство российских специалистов, прежде всего, конечно, из провинциальных университетов и научных учреждений, в том числе хорошо известных на Западе, по разным причинам практически выключены из мирового научного процесса. При этом зачастую результаты их работ вошли в мировые компендиумы, излагаются с университетских кафедр. Однако в России реакция западного научного сообщества на эти исследования чаще всего оказывается невостребованной или просто неизвестной. По большому счету, полноценный российско-западный двусторонний дискурс так и не сложился. Причин такого положения много: от элементарного незнания иностранных языков до нового, на сей раз «демократического» железного занавеса, воздвигаемого вокруг России ее ближними и дальними соседями. При этом тенденция развития разноцветных «революций» такова, что скоро за этим занавесом окажутся и грузинские, и украинские, и молдавские коллеги. Минимизация данного разрушительного процесса — еще одна функция конгрессов этнографов и антропологов России.

МАРИЯ СТАНЮКОВИЧ

1

Значительная часть наших коллег, сотрудников академических институтов, музеев и вузов, ушла из этнографии: эмигрировали, перешли туда, где платят, умерли. Молодежь только начинает появляться, после перерыва в пятнадцать лет. Даже в пределах одного института/музея представители возрастных групп, стоящих по сторонам этого оврага, плохо знают друг друга. Что уж говорить о разных городах!

При этом численность российских этнографов/антропологов по «списочному составу» резко увеличилась. Появились новые образовательные центры. Лучшие из мне известных — Европейский университет в СПб. и РГГУ (Москва). Там по-новому преподают старые (не по возрасту) этнографы, филологи, востоковеды, которые прекрасно знают и продолжают российскую научную традицию даже в том случае, если от нее отталкиваются.

Мария Владимировна Станюкович
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербургский государственный университет

Появились кафедры социальной и культурной антропологии на социологических и философских факультетах. В советское время философии и социологии в нашей стране не было. При чтении учебников, выпущенных такими кафедрами, возникает ощущение, что не было и этнографии. Меня эти учебники поражают сходством с филиппинскими. Лозунг *игноланте kami* — ‘темные мы’ (как говорят — но в отличие от равнинных народов не думают — мои информанты ифугао, филиппинские горцы) — прямой путь в колониальное мышление.

Есть и другие формы жизни. С тех пор как антропология вошла в моду, по всей стране появилось огромное количество новообразований, которые пекут «антропологию» как пирожки из подручных материалов. Самый подручный — национальная идея, замешенная на магическом слове «генофонд». Бывшие преподаватели советских «общественных наук» организуют в техническом вузе кафедру антропологии, руководствуясь правилом Наполеона: ввязаться в бой, а там видно будет. Вдаваться в подробности этнографии/антропологии как науки нет ни времени, ни желания. Вместо этого — ламентации на тему уничтожения генофонда (например, русского, но вовсе не обязательно), поиск врага и прямой выход в политику. Другой вариант основан на постулате о генетически наследуемых знаниях. Например, «народы Сибири несут информацию о шаманском камлании в своих генах». Логика его напоминает известные эксперименты, целью которых было посмотреть, на каком языке заговорит ребенок, если с ним с рождения не разговаривать.

2

Конференции:

2003: Международный семинар «Сакральное в традиционной культуре», ИАЭ — Горноалтайский НИИ ИЯЛ, Москва — Алтай; Итсовские чтения, МАЭ — кафедра этнографии СПбГУ, СПб.; Зеленинские чтения, МАЭ — Европейский Университет, СПб.

2004: Маклаевские чтения «Народы малайского мира и их соседи» к юбилею А.К. Оглоблина и Е.В. Ревуненковой, МАЭ, СПб.; Седьмая международная конференция филиппинистов «Changing Landscapes, Humanscapes and Mindscales in a Globalizing World», Лейден, Голландия; Третья международная конференция «Иерархия и власть в истории мировых цивилизаций», РГГУ, Москва; Благодатовские чтения, Институт искусствознания, Сектор инструментоведения и фольклора, СПб.

2005: Секция «Антропология эмоций» Радловских чтений, МАЭ, СПб.

Публикации:

Дискуссия о живых эпических традициях в «*Oral Tradition Journal*» (2003. Vol. 18. No. 2), Center for Studies in Oral Tradition (CSOT), University of Missouri-Columbia, USA; Victor T. King and William D. Wilder (eds.) *The Modern Anthropology of South-East Asia. An Introduction*. L.; N.Y., 2003; Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона (Сборник памяти Н.А. Бутинова). СПб., 2004; Байбурин А., Беловинский Л., Конт Фр. *Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв.* СПб.; Знак М., 2004; *Russian-American Links: 300 Years of Cooperation*. Третьяков Ю.П., Александрова Н.А. (ред.) Академический проект. СПб., 2004; Спешнев Н.А. *Пекин — страна моего детства*. СПб., 2004; Patricia Okubo Afaible (ed.) *Japanese Pioneers in the Northern Philippine Highlands*. Filipino-Japanese Foundation of Northern Luzon. Vaguio City, Philippines, 2004; из переводов: Блок М. *Феодальное общество*. М., 2003.

3

Значимы и перспективны работы, которые сочетают честную (неконъюнктурную) исследовательскую задачу с возможностью ее выполнения. При соблюдении первого условия второе в каждом случае индивидуально. Если человек не склонен к полевой работе, он не будет ею заниматься, даже если «поле» за порогом его квартиры. Если же полевая этнография для него необходима — найдет способ уехать на край света, как бы ему ни мешали авторы концепций «нужно изучать только Северо-Запад России» или «будущее российской этнографии — в локальных исследованиях» (Дэвид Андерсон). Каждый из нас назовет классиков мировой этнографии/антропологии и современных лидеров нашей науки, которые никогда или почти никогда в экспедиции не ездили. Для людей другого склада (я в их числе) долгий перерыв между экспедициями — мука, мои теоретические построения мне самой кажутся призрачными, когда я не могу убедиться в их правильности/ложности в поле. Однако есть способы проверки выводов и без экспедиций. Они — в работе с текстами, со словарями, архивами, музейными коллекциями.

Очень перспективны направления на стыке наук — этнолингвистика, этноботаника. Ими можно заниматься и в поле, и без поля. Есть только одно ограничение: если автору неинтересно работать, никому не будет интересно читать. Поэтому нельзя ожидать появления нетривиальных результатов в политизированных конъюнктурных направлениях типа «демократизация в России», которыми, увы, нас побуждают заниматься грантодающие организации.

4

а) Ответить на этот вопрос легко, но неприятно. Откроем биобиблиографический словарь специалистов по ЮВА (International Biographical Directory of Southeast Asia Specialists. Tilman, Robert O., Project Director. 1969), организованный по национальным школам. Вот страны Западной Европы, Америка, Австралия, Китай, Япония, все страны ЮВА... Нас нет. Это напоминает зарубежные детские атласы истории цивилизаций, где эти цивилизации есть везде, включая Океанию и Австралию, а место России на карте закрыто легендой, значками. Откроем индекс упомянутой выше обзорной книги по антропологии ЮВА (Victor T. King and William D. Wilder (eds.)). Там мы найдем имена всех крупнейших исследователей ЮВА с начала прошлого века и до 2003 г. По сравнению со словарем 1969 г. существенно увеличилось количество японских и филиппинских авторов, но ни одного российского имени не появилось. Gerard Gaillard. Dictionnaire des ethnologues et des anthropologues (Paris, 1997) — в основном французские и англоязычные исследователи, но по одному представителю от других национальных школ. России нет.

Несколько лет назад мы говорили об этом с замечательным индонезистом В.И. Брагинским, давно работающим в SOASE (Лондон). Я сказала, что работы российских востоковедов становятся известны западному миру в лучшем случае к глубокой старости ученого. Он поправил: «*Становятся известны не работы, а лишь то, что они существуют*». Немного утешает, что восточным коллегам мы известны чуть лучше: индонезисты — в Индонезии, филиппинисты — на Филиппинах и т.д.

Конечно, у этнографов/антропологов, занимающихся народами России и бывшего СССР, читателей на Западе больше, но это в основном зарубежные коллеги, знающие русский язык и воспринимающие эти книги как источник, а не как исследование.

б) В области «зарубежной этнографии» — в той мере, в какой имеют доступ к литературе. У меня, этнографа-филиппиниста, в России коллег по «узкой» специальности нет. Наши библиотеки книг по Филиппинам не выписывают. Мои ближайшие коллеги — в первую очередь антропологи школы Гарольда Конклина из США, с Филиппин, из Франции, Канады, Японии; другие филиппинские, британские, голландские, американские, австралийские филиппинисты, лингвисты и лексикографы из филиппинского отдела SIL.

Часть работ мои зарубежные коллеги, спасибо им огромное, мне сами присылают, часть покупаю (одна книга = месячная зарплата). Выписываю главные филиппиноведческие журналы. Естественно, круг знакомств и возможности моего карма-

на позволяют получать только самую необходимую литературу: все про «мой» народ (ифугао), по возможности все публикации филиппинского эпоса, словари филиппинских языков, важнейшие этнографические работы по Филиппинам и этнографии ЮВА в целом. Чем дальше от Филиппин, тем меньше — Benedict Anderson, Marilyn Strathern, Clifford Geertz, Shelly Errington, Rodney Needham, Piers Vitebsky, Richard Lee, James Woodburn, Megan Biesele, Jane Monnig Atkinson у меня в библиотеке представлены ничтожным процентом своих работ. Стараюсь читать, выезжая за рубеж. Еще одна возможность получить книги — рецензирование. Книги старших западных этнографов-классиков (Виктора Тернера и др.), к счастью, в наших библиотеках есть. Следить же за развитием этнографической мысли в целом затруднительно, учитывая, что к нам почти перестали приходить иностранные журналы, а электронными библиотеками мы пользоваться почти не можем опять-таки из-за денег. Думаю, что это достаточно типичная картина для российского антрополога-«зарубежника».

5 Если не иметь в виду финансовых проблем, ничего не препятствует, кроме нехватки времени. Да, еще мешает наличие семьи, которая не в восторге, когда я еду в экспедицию, но это общая проблема всех этнографов мира, особенно женщин.

6 Нужно создать общероссийский сайт, где бы авторы помещали сведения о выпускаемых книгах по этнографии/антропологии, в том числе выходящих малыми тиражами в местных издательствах.

7 Такого сообщества у нас нет. По моим наблюдениям, его нет и за рубежом. Это связано с общей дегуманизацией общества, исчезновением культурной среды, узкой специализацией. Отсутствием «соборности» (по Соловьеву). Мы почти не читаем друг друга, и уж совсем не говорим. Практика конференций с одновременно идущими сессиями и вечным предложением дискуссии отложить на конец заседания приводит к отсутствию обсуждений вообще. «Круглые столы», в принципе предназначенные для того, чтобы люди *говорили*, сводятся все к той же форме докладов без вопросов и обсуждений.

Что следует сделать для его создания? Нужны постоянно действующие семинары, на которых собираются выслушать и *обсудить* один, максимум два доклада. Такие семинары в нашем институте/музее были: «Фольклор и этнография» Б.Н. Путилова, «Этнография и сексология» И.С. Кона. Сейчас проблемных семинаров нет. К счастью, есть тематические и региональные. В МАЭ — «Текстиль» Е.Г. Царевой, честь ей и хвала за упорство и неутомимость. Есть общество «Нусантара», объединяющее исследователей островной ЮВА. Худо-бедно, но

петербуржцы и москвичи — индонезисты, филиппинисты — несколько раз в год встречаются послушать и обсудить друг друга.

Нужны семинары по фольклору и этнографии, по этнолингвистике, «школы молодых ученых» по этнографии/антропологии, на которых будут знакомиться студенты и аспиранты из разных городов.

Нужно говорить и слушать друг друга. Мы уже начали — благодаря «Антропологическому форуму». Продолжим.

АЛЕКСЕЙ ТИШКИН

1 Я оцениваю современное состояние этнографии и антропологии в России как поступательно развивающееся, с элементами перестройки и поиска эффективных форм применения накопленных знаний. Появившиеся пессимистические настроения и разговоры о кризисе связаны, на мой взгляд, с большим количеством накопившихся проблем, а главное — с тем, что сузился круг традиционных этнографических и антропологических исследований.

3 В связи с этим наиболее перспективной является реализация интеграционных и частных направлений. Этот процесс был и продолжается, речь идет о другом уровне. Например, для антропологов чрезвычайно важна совместная работа с археологами и биологами. Полученные результаты молекулярно-генетических анализов вместе с другими данными дают возможность на качественно высоком уровне решать проблемы этногенеза. Несомненно, перспективна интеграция этнографии с археологией. Уже много лет такое направление развивается в Омске «под крылом» Н.А. Томилова и находит отражение в рамках научного семинара, название которого, начинающееся с археологического, соответствует действительности, так как пока это взаимодействие дает пользы больше для археологов, чем для этнографов. Продуктивность этих

**Алексей Алексеевич
Тишкин**
Алтайский государственный
университет, Барнаул

постоянных контактов я могу оценить на собственном опыте. Удивляет инертность этнографов. Ими навстречу археологии не сделано ни одного реального шага, а в отдельных областях наблюдается даже конфронтация. Примером первого является недавно вышедшая очень интересная монография А.Г. и И.А. Селезневых «Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма» (Новосибирск, 2004). Если бы эти этнографы открыли и изучили книги по археологии средневековья Западной Сибири, то многие зафиксированные проявления были бы представлены глубже и менее проблематично. Я уже не говорю об организации ими раскопок на этнографически важных объектах. Примером второго является археология и этнография русских, что отражено в ряде печатных работ. Тем не менее обозначенное направление живет, развивается и привлекается все больше сторонников, о чем свидетельствует количество участников семинара. Значит, интеграция археологии и этнографии действительно необходима. К ней же подтягиваются антропология и другие научные дисциплины гуманитарного и естественно-научного характера.

Для этнографов полем непаханым является огромное количество архивных и музейных материалов, требующих не только введения в научный оборот, но и обобщений разных уровней. Уменьшение количества экспедиций, для которых требуется немалое финансирование, возможно, результативно скажется на анализе ранее проведенных работ. Приведу пример из археологии. В течение десятилетия в Горном Алтае незаконно, навязанным обществу мнением поддерживается относительный мораторий на археологические раскопки. Это, конечно, с одной стороны, пагубно сказывается на состоянии памятников и развитии науки. Но, с другой стороны, за это время опубликовано огромное количество ранее накопанных материалов, которые способствовали осмыслению и появлению целого ряда обобщающих работ. Поэтому в сложившейся обстановке в этнографии и антропологии появились возможности для такого рода исследований. Кроме этого, очень важным, на мой взгляд, является «этнографический мониторинг» (в рамках сравнения ранее полученных материалов с современными) и выход на прогнозы, крайне важные для общества. Для этнографии и антропологии наступил важный период перехода от экстенсивных накоплений к интенсификации научной деятельности. В такие моменты и появляются какие-то негативные оценки. Как пройдет этот этап, таковы и перспективы развития рассматриваемых научных дисциплин. Важен планомерный поиск от визуальной этнографии до теоретических обобщений.

Отмечу, пожалуй, еще один блок применения этнографических и антропологических знаний — это сфера образования. Пока не доведено до сознания многих, что этнология и антропология должны преподаваться во всех без исключения высших учебных заведениях, где есть гуманитарные специальности. Особенно важны такие дисциплины для тех, кто руководит в современном обществе (экономисты, социологи, юристы, чиновники и др.). В нашей многонациональной стране это скорее необходимость, чем расширение кругозора. Именно отсутствие этнологических знаний является причиной многих политических, экономических и административных ошибок и недочетов как в отдельных регионах, так и в государстве в целом. Например, в Алтайском крае абсолютно отсутствуют данные о многонациональном составе населения. На административном уровне никак не отслеживаются многие важные моменты: диаспоры, взаимодействия, миграции и т.д.

4

Я считаю, что результаты российских ученых регулярно отслеживаются западными коллегами. Особенно это заметно в последние годы. Наиболее ценными являются «живые» этнографические коллекции. Часть финансируемых Западом проектов направлена на выставление российскими музеями своих фондов в Интернете. Активно востребованы и публикации, особенно монографии и тематические сборники. Правда, иностранцы редко их приобретают сами, но есть заказы от библиотек или научных учреждений Франции, Германии, Израиля, США. Тем не менее наблюдается существенное отставание иностранных знаний по разрабатываемым в нашей стране темам. В основном этот пробел приходится на годы перестройки. На конференциях с участием зарубежных коллег доклады нередко основаны на литературе только советского периода. Но те, кто имеет постоянный контакт с отечественными исследователями, владеют всей соответствующей информацией. Причем некоторые (это, как правило, наши бывшие соотечественники или хорошо владеющие русским языком) даже предпочитают больше работать именно в российских библиотеках. Кроме этого, иностранцы этнографию хотят изучать в наших, даже сибирских, вузах. В связи с тем что в названии нашей кафедры фигурирует слово «этнография», а Алтайский государственный университет стоит в начале списка вузов страны, нередко приходится отвечать на подобные запросы из зарубежья. Что касается использования наработок западных коллег, то здесь одна большая проблема и для этнографии, и для археологии. Главная причина заключается даже не в том, что мы плохо знаем иностранные языки. Просто нет стимула, так как большинство исследований непосредственно связано с нашей страной и лучше всего проблематика отражена в

русскоязычной научной литературе. Но когда возникает необходимость в знании результатов иностранных исследований, то такая проблема решается, и заложенная университетом основа знаний иностранного языка оказывается достаточной для совершенствования. Несколько лучше с использованием зарубежной литературы дела обстоят в антропологии. Это связано со спецификой работы.

5

На мой взгляд, препятствует продуктивным исследованиям, особенно в этнографии, отсутствие системы научной регламентации полевых исследований. Многие «беды» сегодняшнего дня непосредственно с этим связаны. В этом плане археология имеет серьезные преимущества. Научное сообщество через головной институт осуществляет постоянный контроль над уровнем и качеством проводимых работ, а также аккумулирует отчетность в нескольких местах (архив Института археологии РАН; научное учреждение, которое проводит экспедицию; музей, куда сдаются обработанная археологическая коллекция и полевая документация; авторский экземпляр). Таким образом, гарантируется сохранность и широкая доступность добытого материала. Существуют и другие положительные моменты данной системы, которая обеспечивает здоровую конкуренцию, стимулирует молодежь и т.д. Я думаю, что этот опыт в его лучшем проявлении стоит непосредственно использовать и в этнографии, создав в институте свой отдел полевых исследований и публикуя ежегодно «Этнографические открытия» или что-то в этом роде. Что касается антропологии, то выскажу лишь следующие пожелания, основываясь на опыте. Антропологи должны начинать свою работу в поле, в ходе проведения археологических раскопок захоронений. Для этого необходимо установить контакты со всеми учреждениями, которые осуществляют экспедиционные исследования у нас в стране. На местах катастрофически не хватает антропологов. Не разработаны многие проблемы в отечественной науке. На последнем же конгрессе мы услышали в основном доклады антропологов института об изучении зарубежных материалов. Это, конечно, было интересно, но и только. Кроме этого, важной задачей является создание электронного банка антропологических данных. Если такая работа осуществляется, то рекомендую использовать материалы антропологического кабинета нашего университета.

6

На мой взгляд, система организации конгрессов, когда обозначается тематика секций и публично обсуждается их проблематика, является оптимальной. Она может организаторами корректироваться исходя из целесообразных соображений, например, когда учитывается специфика региона проведения или когда упор делается на приоритетные направления исследовательской практики учреждения.

7

Я думаю, что такое сообщество, несмотря на существование Института этнологии и антропологии РАН, не сложилось. Чтобы интеграция состоялась, необходимо расширение сферы деятельности антропологов в сторону социальных реконструкций.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ

1

Во-первых, что понимается под фразой «современное состояние»? Если речь идет об общем облике той или иной национальной научной школы, тогда следует обратиться к каким-то характерным чертам, которые, скажем, отличают российскую этнологию от французской, немецкой или индийской или же той науки, которая была в нашей стране одно или два поколения тому назад. Эти характерные черты установить не просто, ибо в России все больше появляется разных антропологов и все больше разных обществоведов обращается к этническим и антропологическим сюжетам. Тем не менее по облику ряда академических коллективов, прежде всего Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Омска (мне наиболее известных), можно сделать некоторые обобщения об основных особенностях работы современных профессионалов.

С точки зрения академических работ, российская этнология выглядит более чем благополучно. Вместе с остальной гуманитарной наукой она в полной мере воспользовалась новыми возможностями и позитивными переменами последних 15 лет в жизни страны. Не было другого периода в истории отечественной этнографии, чтобы было выполнено столько разнообразных по географическому охвату, проблематике и методике полевых исследований и было столько опубликовано этнографических работ. Родились или рождаются новые научные направления, и в целом гораздо больше исследований выполняется за пределами этнической парадигмы в более широком поле понимания культурного фактора. В

России уже существует не просто историческая поддисциплина, называвшаяся этнографией, которой с упорством продолжают обучать на кафедре этнологии исторического факультета МГУ. Хотя еще рано говорить о существовании в полном смысле социально-культурной антропологии, которая никак не конституирована и которой пытаются обучать по десятку студентов в год в Центре социальной антропологии РГГУ.

И все же историко-этнографический жанр продолжает доминировать. В США, например, этот жанр почти скончался (возможно, временно) с завершением издания Смитсоновским институтом «Handbook of North American Indians». В университетских книжных магазинах на полках только книги по социально-культурной антропологии, причем в огромном количестве и разнообразии. В российских книжных магазинах такой секции вообще не существует (свои книги я нахожу то в «истории», то в «политологии»). В Европе (частично за счет вытеснения этнологии) и Азии (фактически на пустом месте) антропология развивается бурно и даже настолько бурно, что доминирование индийских антропологов на последних мировых конгрессах явно становится чрезмерным.

В России книги с сюжетами «культура дороги», «круг игры» или «антропология дедовщины» появляются редко, или же это тематическое поле обрабатывают культурологи, как, например, культуру советской повседневности. Этнографы по-прежнему советское время считают «современностью» и продолжают держать за культурную норму материал из архива Тенишева.

Постсоветскость воспринимается исключительно в парадигме кризиса и культурной аномалии, для отторжения и противоборства которой «этнос» мобилизуют институты и механизмы традиционной защитной культуры. Когда-нибудь нам всем будет так же стыдно за непонимание периода российских трансформаций, как и за потерянную этнографию советскости. В СССР нынешние поколения ученых изучали главным образом «процессы», «механизмы», «структуры», а также «строительство» и «формирование».

Если вести речь об этнологии «массового производства», тогда следует обратиться к огромному числу публикаций, где так или иначе затрагивается этническая тематика и присутствует претензия на научную презентацию. Поскольку от этого нельзя отмахнуться и это было бы несправедливо по отношению к пишущим на эту тему профессионалам, полупрофессионалам и непрофессионалам, нужно брать за кропотливую и неблагодарную работу читать и оценивать, скажем, пухлые публикации тезисов и докладов регулярных конференций, органи-

зуемых философом И.Л. Набоком в Санкт-Петербургском педагогическом университете под намеренно антиконструктивистским названием «Реальность этноса». Или же анализировать публикации сибирских «философов этноса» под редакцией Ю. Попкова в повторяющемся издании «Этносоциальные процессы в Сибири», где рядом с интересными работами этнографов, работающих на местных материалах, присутствует схоластика паранаучного характера, восходящая к так называемому философско-социологическому направлению в изучении коренных малочисленных народов (смотрите, например, работу под названием «БАМ и народы Севера»).

2

Не могу выделить какие-либо конференции и проекты из числа многих, но среди публикаций есть много интересных и важных книг. Мне кажется, что нужно продолжать работу по созданию учебных пособий, чтобы перестать выдавать за учебники справочники по этническим общностям и по так называемым историко-этнографическим зонам. Следует учесть, что уже вышли учебники по социальной антропологии в рамках уродливого Госстандарта, и эту ситуацию также нужно исправлять. По моему мнению, в России нужно остановиться на таком сложном названии дисциплины, как «социальная и культурная антропология», и, исправив государственный стандарт, начинать утверждение ее статуса как в вузах, так и в науке. Создание современного вузовского учебника мне представляется первостепенной задачей.

Следует отметить уже двухлетнее существование общеакадемической программы фундаментальных научных исследований «Этнокультурные взаимодействия в Евразии», в которой участвуют около двух десятков институтов страны и выполняются около 120 научных проектов. Вместе с подпрограммой по коренным малочисленным народам Севера бюджет этой программы составляет около 1 млн долларов в год. Когда-то мы мечтали о такого рода проектах, а сейчас их имеем. Проблема — как собрать и осмыслить сложную и разнообразную по своим историческим формам тему этнокультурных взаимодействий. И что есть Евразия, если отойти от метафорического контекста этого понятия?

3

Важными исследовательскими направлениями являются любые, если они основаны на этнографическом методе и добывают новое знание. Однако более важны те, которые помогают лучше понять социокультурные основы жизни людей и общества. Целые сферы человеческой жизни не исследованы антропологически. Даже этничность и та остается слабо изученной, особенно ее современные смыслы и современные сложные формы, а также политические траектории. Из перспектив-

ных (то есть актуальных для российского общества и науки) я бы назвал следующие темы в области социальной и культурной антропологии: культурный смысл эмоций и эмоциональных связей (не менее важных, чем родственные, а тем более этнические, в современном мире и в определенных ситуациях), антропология социальных перемен, собственности, медиа, бюрократии, спорта, рекламы. Я бы выделил необходимость развития медицинской антропологии, помимо рамок народных медицинских знаний и практик (см., например, мой доклад на сессии Общего собрания РАН в декабре 2003 г. по проблеме здоровья). Как это ни покажется странным, но чрезвычайно перспективно изучение антропологии пищи, одежды и жилища, но не в плане исторической реконструкции «традиционной культуры», а совсем в новом контексте. Почему россияне настроили миллионы необитаемых или полуобитаемых дач и коттеджей, вложив в это свои основные накопления и средства последних двух десятилетий? Что это за культурный феномен? Невозможно не замечать радикальные изменения, которые произошли в национальной (обратите внимание на употребление мною данного прилагательного!) культуре питания россиян за счет нового доступного рациона, появления ресторанного бизнеса, интереса к этнической пище, расширения знаний о внешнем мире. Я бы мог изложить целый перечень тем и проблем, которые можно было бы блестяще раскрыть на отечественных материалах и с пользой для отечества, но не хочу выступать в роли предписателя. У молодых людей в науке есть свои наставники, пусть они и предлагают. Но лучше, если бы ученики не повторяли учителей, а шли дальше.

4

В этом вопросе заключается большая проблема. Статус национальной школы в мировом сообществе антропологов определяется многими факторами, а не только качеством работ. Мало кто знает, а тем более признает, что важнейшие направления антропологии XX века были оплодотворены идеями и работами советских ученых: структурализм, по признанию самого Леви-Строса, не родился бы без работ Проппа, а интерпретивная антропология (постмодернистский дискурс) — без работ Бахтина. Но новации должны активно и широко внедряться, а приоритет должен отстаиваться и защищаться в международном плане, ибо наука едина. Иначе те немногие западные ученые, знающие русский язык, уже чувствуют себя первооткрывателями перед лицом огромного англо-, франкоговорящего сообщества и могут презентовать свои исследования без должной отсылки и признания вклада российских ученых. Недавний случай с открытием американскими и германскими учеными новых неизученных языков в Сибири — яркий тому пример. Так что важнее вопрос не известности (специалисты

более или менее стараются учесть работы российских ученых), а должного признания. Хотя по опыту двух своих монографий, изданных на Западе, могу сказать, что информация и признание — это связанные вещи. Без промоушена со стороны автора, издателя, коллег книга может остаться незамеченной. Для рекламы и восприятия играет роль и политический контекст, хотя для научных книг он не так важен.

Более серьезна проблема слабого знания западной литературы российскими учеными. В работах почти нет ссылок на журнальные статьи, а ссылки на книги относятся к далеким временам. Достаточно посмотреть, что авторы энциклопедических статей рекомендуют в качестве литературы по той или иной этнической группе или проблеме. Аспиранты по этнографии и этнологии до сих пор имеют слабую языковую подготовку. Но следует учитывать, что некоторые из них знают «местные» языки, что не менее важно для научной работы, чем знание английского языка, на котором говорит мировая антропология.

5

Если говорить о молодом поколении, то это слабая вузовская подготовка по части этнографического метода и антропологической теории (молодые этнографы часто представляют собой мешок с этнографическими фактами), недостаток любознательности и умения писать, чрезмерная зависимость от предшественников и наставников, неумение обеспечить свои исследования необходимыми ресурсами, слабые амбиции по части выбора тем и теоретических новаций. О более старших поколениях подобный разговор принесет мало пользы, но вызовет нежелательные эмоции. Почти каждый уверен, что он выполняет «продуктивные исследования». А судьи кто? Может быть, это действительно так? Настоящая проблема в том, что в академических коллективах есть научные сотрудники, которые за ту же самую зарплату не выполняют никаких исследований! Как такие люди попадают в науку и потом всю жизнь мучаются или спокойно существуют — вот это более существенный вопрос. И можно ли доучить или переучить плохо обученных или же помочь им найти другие занятия? Должны ли этим заниматься только администраторы или все члены сообщества, часть которых в такой ситуации работает за себя и «за того парня»?

6

На таких форумах должны обсуждаться все вопросы в рамках дисциплины, а на VI конгрессе в качестве заглавной темы вынесена тема «Этнокультурные взаимодействия в Евразии» (2005 г. — заключительный год одноименной программы). Но главное в таких конгрессах — это сообщить о выполненных новых исследованиях с момента прошлого конгресса или ус-

троить дискуссии по большим вопросам. Но еще важнее — это прямое общение и обмен информацией.

7

Мне такой вопрос нельзя задавать, ибо значительная часть моих личных усилий за последние 15 лет в должности директора института была направлена на поддержку и развитие такого сообщества. А то, что оно существует, то это вопрос бесспорный. Иначе кто мы? Не просто же сдавшие на хранение в те или иные учреждения свои трудовые книжки научные сотрудники! В ИЭА РАН, кроме того, имеется достаточно сильная корпоративная идентичность. Это также необходимо, наряду с творческим многоголосием научного коллектива.

В национальное сообщество российских этнографов и антропологов нужно убедительнее вовлекать выехавших в последние годы из России молодых ученых. Обидно смотреть в программы зарубежных конгрессов и конференций, когда молодые россияне (среди них много способных антропологов!) старательно указывают рядом со своей фамилией американские или другие западные учреждения временного пребывания и не указывают свою российскую принадлежность (вуза или научного учреждения).

ДАНИИЛ ТУМАРКИН

1

После первого постсоветского десятилетия, отмеченного острыми катаклизмами и кризисом отечественной науки, в России, похоже, наступил период относительной стабилизации. Эта стабилизация коснулась и этнографии (социальной/культурной антропологии): активизировались полевые исследования, возросло число публикаций. Но финансовые проблемы все еще сдерживают развитие нашей науки. Основное достижение постсоветского периода в области теории — широкий идейно-теоретический плюрализм, который желательно сохранять и в дальнейшем. Представляется, что в рамках этого плюрализма марксизм, освобожденный от догматических и вульгаризаторских наслоений, может оставаться в теоретическом арсенале российских этнографов, конкурируя с идеями и концепциями других философских школ и течений обществен-

Даниил Давыдович

Тумаркин

Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

ной мысли. Вместе с тем актуальны поиски мультипарадигмального подхода к изучению этнических явлений и процессов.

2 Проект РАН «Этнокультурные взаимодействия в Евразии», способствовавший более широкому и комплексному развитию исследований по этой проблематике. Очередные тома серии «Народы и культуры» и книга «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века».

3 Как и раньше, для отечественной этнографии наиболее значимы исследования, посвященные народам нашей страны и ближнего зарубежья, причем не только прикладные, касающиеся современности, но и «подстилающие» их работы по исторической этнографии. В то же время необходимо принять неотложные меры, чтобы не утратилась давняя отечественная традиция изучения народов других регионов мира. Процесс исчезновения в нашей науке таких субдисциплин, как этноафриканистика, этноамериканистика и этноокеанистика, может стать необратимым.

4 Учету западными коллегами результатов исследований российских этнографов, как и раньше, мешает прежде всего языковой барьер. Наши ученые, за небольшим исключением, явно недостаточно знакомы с зарубежными исследованиями, причем не столько из-за языкового барьера, сколько по причинам финансово-организационного характера. В постсоветский период резко сократилось поступление даже в ведущие библиотеки страны зарубежных книг и научной периодики ввиду фактического разрушения системы международного книгообмена. Общую картину едва ли серьезно меняют эпизодические выезды отдельных российских этнографов за рубеж (главным образом за счет принимающей стороны). Остается уповать на постепенно осваиваемые нашими учеными широкие возможности получения информации и развития коммуникаций через Интернет.

5 Недостаточное развитие информации, координации исследований и других форм сотрудничества внутри страны между различными научными центрами и отдельными учеными. Насколько мне известно, не выпускаются бюллетени (в бумажной и электронной формах), содержащие оперативную информацию, важную для отечественного сообщества этнографов и антропологов, а соответствующие сайты в Интернете едва ли справляются с этой задачей. Многие ученые слабо знают иностранные языки (прежде всего, английский), мало используют Интернет или вообще не имеют к нему доступа. Впрочем, как названные здесь, так и другие факторы явно имеют финансовую составляющую.

6 Результаты и перспективы исследований по наиболее значимым направлениям. Научно-организационные проблемы. Совершенствование этнографического образования. Место и роль этнографов и ученых смежных специальностей в современном российском обществе.

7 Сообщество российских этнографов и антропологов, несомненно, существует и проявляется в деятельности соответствующей Ассоциации, особенно в созываемых ею конгрессах, в которых участвуют сотни ученых из разных регионов России. Однако сообщество пока имеет довольно аморфный характер. Для его укрепления необходима значительная активизация работы Ассоциации в период между конгрессами: ее участие в организации различных конференций, семинаров и симпозиумов, выпуск Ассоциацией бюллетеня и других информационных материалов, издание под ее эгидой Биобиблиографического словаря этнографов и антропологов России.

ВАДИМ ТУРАЕВ

Сразу оговорюсь: все, о чем пойдет речь ниже, окрашено спецификой дальневосточной ситуации в этнографической науке и, безусловно, моими научными интересами. Для других регионов и, тем более, в общероссийском масштабе все это может выглядеть — и, скорее всего, выглядит — иначе. Тем не менее хочу надеяться, что взгляд на поставленные проблемы из российской глубинки может представлять определенный интерес для моих коллег в других регионах. Теперь собственно ответы.

1 В.А. Тишков одной из своих работ, посвященных статусу и состоянию теории российской этнологии, дал весьма примечательное и точное название: «Пожар способствовал ей много к украшению». Надеюсь, коллеги знакомы с этой работой. Я практически полностью разделяю ее оценки, нет смысла повторять уже сказанное, и это позволяет мне быть в ответе на этот вопрос предельно кратким. Действительно, за последние 10–15 лет в отечественной этнологии произошли заметные положительные

Вадим Анатольевич

Тураев

Институт истории, археологии
и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток

перемены. Расширилась тематика исследований, выросло количество научной продукции. Появились новые научные направления. Определенный, хотя и довольно скромный, вклад во все эти изменения внесли и этнографы Дальнего Востока. По своему собственному ощущению могу сказать: работать стало интереснее, хотя и сложнее.

3

Строго говоря, бесперспективных проблем в науке не бывает. То, что кажется сегодня бесперспективным, пустой тратой времени и средств, через несколько лет может оказаться архиважным, как любил говорить известный классик. Вместе с тем лично мне совершенно бесперспективным представляется дальнейшая эксплуатация восторгов по поводу традиционной культуры, остающейся священной коровой этнографии. Всякому, кто более или менее тесно соприкасается с различными аспектами жизни того или иного народа, должно быть понятно, что пеструю, разнообразную картину народной жизни невозможно привести к общему знаменателю через призму традиционной культуры. Попытки дать в наших работах на основе традиции некий общий культурный облик, характерный для того или иного народа, напоминают мне пресловутую среднюю температуру по больнице.

Принято считать, что увлечение отечественной этнографии традицией берет свое начало с трудов ее корифеев и основоположников. На мой взгляд, это очень большое заблуждение. Ни Шренк, ни Штернберг, ни многие другие этнографы XIX — начала XX вв. не изучали традиционную культуру. Они изучали современность, то, что реально существовало в жизни и что они наблюдали в конкретный момент. Это потом, годы спустя, зафиксированные ими факты и явления стали традиций. Превращению этой традиции в некую этнографическую норму мы обязаны совсем другому времени — советскому, когда беспристрастное изучение современной жизни народов стало для ученого во многом опасным. Политика государства давала этнографу немного выбора: либо апологетика счастливой и культурной жизни советских народов, либо дискуссии о характере общественного строя этих народов, этногенезе и этнической истории. При этом этническая история всегда заканчивалась началом XX в. Так было спокойнее и безопаснее.

Увлечение традицией в наших этнографических исследованиях опасно для самих народов, которых мы изучаем. Вольно или невольно мы формируем в людях искаженные представления об их жизни. Акцентируя внимание на традиционных аспектах культуры, проявляя к ним повышенный интерес, мы тем самым рисуем мифический «золотой век» народной жизни, которого никогда не существовало. Эта aberrация дорого обо-

дится тем, кто является объектом нашего исследования. Убежден, что трагедию коренных малочисленных народов в 90-е гг. XX в. подготовили именно мы, этнографы. 10 лет их жизни бесславно потрачены на так называемое «возрождение», которое повсеместно было воспринято как возврат к столь милой для нас этнографической норме — традиционной культуре. Сегодня уже всем стало ясно, что «возрождение» не состоялось. И дело здесь не в том, что у государства не оказалось политической воли для такого возрождения. Дело в том, что оно вообще не могло состояться. Ибо нельзя войти в одну и ту же реку дважды.

Я давно уже замечал, как теряют интерес к разговору мои молодые информаторы, когда речь заходит о тех или иных аспектах традиционной культуры. И как оживляются они, когда начинают рассказывать о своей реальной, сегодняшней жизни. К сожалению, в большинстве случаев эта жизнь нам не интересна. Не случайно первое, что мы делаем в национальном селе, это выясняем фамилии стариков. Старые люди живут прошлым. На основе прошлого мы и пытаемся конструировать облик этноса, который так же далек от реального, как далеки от реальной жизни наши информаторы.

Совершенно очевидно, что такой подход лишает наши работы научной достоверности и общественной значимости. Многие наши этнографические работы на самом деле таковыми не являются. Что отличает этнографию от других исторических дисциплин? Прежде всего, ее этнографический метод — наблюдение. Существует научная норма, которая особенно приложима к нашей науке: «что наблюдаем, то и пишем, а чего не наблюдаем, того не пишем». Так вот, в нарушение этой научной аксиомы мы пишем то, чего не наблюдаем, а то, что наблюдаем, того не пишем. Какое же это этнографическое исследование? Это историческая реконструкция, которую в лучшем случае можно отнести к жанру историко-этнографического исследования.

С другой стороны, зацикленность на традиции возводит глухую стену между этнографической наукой и государственно-административной практикой. Время от времени власть обращается к этнографам за советами. Но почитайте наши докладные записки и экспертные заключения. Ведь там опять-таки почти за каждой строкой вся та же милая нашему сердцу традиция, там практически нет реалий современной жизни. Но власть и ее институты не интересуют как, скажем, охотились удэгейцы раньше, им интересно, что и как делать с этими людьми сегодня.

На последнем конгрессе омский губернатор Л.К. Полежаев в

своим приветственным выступлении обратил внимание на то, что в детских домах области число русских детей растет как грибы после дождя, а вот детей немцев, татар и казахов, составляющих в области весьма представительные общины, там нет. Л. Полежаев не задавал вопрос напрямую: почему? Но вопрос этот, тем не менее, прозвучал. Ответы на такие и подобные ему вопросы и должны давать общественные науки, в т.ч. и этнология. Если таких ответов нет, наивно ожидать и нашей востребованности у власти.

На современном этапе наиболее актуальными для этнографической науки мне через призму моих научных интересов представляются следующие направления:

1) Исследования, раскрывающие социально-культурный механизм (а следовательно, и этнический облик) современной жизнедеятельности российских народов. Это могут быть работы о национальных селах, «родовых» общинах, национальных предприятиях и даже отдельных семьях.

2) Второе важное направление — показ того, как формировался современный историко-культурный облик российских народов, какое воздействие на него оказали различные исторические катаклизмы, социальная и национальная политика государства, идеология и хозяйственно-административная практика (коллективизация, переселение, укрупнение сел и т.п.). Безусловно, на этом пути могут встретиться серьезные трудности. В свое время этнографы не уделяли этим вопросам должного внимания. Безвозвратно потерян громадный пласт жизни народов, который восстановить уже довольно сложно. В мир иной ушли основные свидетели и участники этих событий. И, тем не менее, кое-что в этом отношении еще можно сделать. Для начала было бы полезно зафиксировать хотя бы те изменения, что принесли с собой поистине революционные реформы 90-х гг. Ведь здесь очень много не только отрицательного.

В рамках такого направления интересным представляется дать портрет современного поколения коренных малочисленных народов региона, выросших и прошедших социализацию в интернатах. Именно они составляют сегодня основу коренных народов.

3) Пристального внимания заслуживает изучение этнической ситуации в больших и малых городах страны, особенно в связи с набирающими силу внутренними и внешними миграциями. Рост ксенофобии, неприятия «чужаков» пугает и, безусловно, требует глубоких и всесторонних исследований этнографов.

4) Есть немало перспективных тем, не связанных непосред-

ственно с тем или иным этносом, однако вполне вписывающихся в предметное поле современной этнологии, особенно если ее понимать как социально-культурную антропологию: этнография рынка (не обязательно китайского), этнография ассоциальных групп и т.п.

5) Перспективное поле исследований дает этнополитическая тематика: изучение политической культуры этнических общин, политических лидеров и в целом элитных слоев в этнических общинах, которые, в конечном счете, и формируют современную этнополитическую и этнокультурную ситуацию в регионах.

4

В этом вопросе за последние 10–15 лет произошли положительные изменения. Мы стали принимать активное участие в работе зарубежных научных мероприятий, появились совместные исследования и публикации с зарубежными коллегами, ряд проектов дальневосточных этнографов, например, финансировался научными учреждениями США, Японии, налажен регулярный обмен литературой, действуют соглашения о научном обмене специалистами и т.п. В целом, мне кажется, можно говорить о том, что отечественная этнология вышла из состояния глубокой изоляции, в которой она находилась долгие десятилетия. Вместе с тем нельзя не видеть, что в сравнении с другими научными направлениями (с археологией, например) достижения этнографов в этом отношении выглядят весьма скромно.

Косвенным отражением все еще существующих проблем отечественной этнографической науки может служить слабая востребованность российских этнографических исследований за рубежом. Отечественная этнография — одна из немногих дисциплин российской науки, представители которой оказались «не ко двору» в зарубежных научных сообществах. Насколько мне известно, пристанище за рубежом нашли десяток-другой отечественных специалистов, причем большинство из них занимаются там отнюдь не этнологией. После непродолжительного знакомства с результатами отечественных исследований, после снятия, так сказать, «тонкого слоя сливок» интерес к контактам и сотрудничеству с научными учреждениями России за рубежом явно пошел на убыль. Как мне кажется, это характерно как для этнографических столиц России, так и для региональных этнографических учреждений. И дело здесь, на мой взгляд, не в профессиональном уровне отечественных этнографов (он, как правило, высок), не в низком качестве научной продукции, а в том, что тематика наших исследований неактуальна и даже непонятна для коллег за рубежом.

Что касается второй части вопроса, то здесь свои проблемы.

Знание зарубежной этнологии среди отечественных этнографов и антропологов (особенно это характерно для региональных научных учреждений) оставляет желать лучшего. Оно выше у тех, кто занимается зарубежной тематикой, проблемами теории и очень невысоко у специализирующихся на отечественных проблемах. Переводную литературу основная масса этнографов, по моим наблюдениям, знает, а вот чтение оригинальных текстов из-за недостаточного знания иностранных языков оказывается чрезвычайно трудоемким делом. Лучшее положение в этом отношении у молодежи, среди которой достаточно много парней и девочек с очень приличным знанием английского, японского, китайского языков. К тому же они в большей степени, чем их старшие коллеги, ориентированы на зарубежный опыт. Сказывается, конечно, и дефицит соответствующей литературы на местах. Но главное — это откровенное нежелание вникать в проблемы, которые интересуют западных коллег.

5

К сожалению, не имея в виду финансовых проблем невозможно. Во многих случаях именно они и препятствуют продуктивным исследованиям. Бюджетного финансирования полевых исследований практически нет. Грантами различные фонды не особенно балуют региональную этнографию. Справедливости ради надо сказать, что повинны в этом и сами этнографы. Не последнюю роль здесь играют чисто психологические причины. Я знаю многих своих коллег, которые до ужаса боятся отказа и по этой причине не оформляют заявок. В то же время (я уже касался этого вопроса выше) серьезным препятствием для получения финансовой поддержки является нежелание расставаться с традиционной направленностью сложившихся исследований. Даже беглый анализ поддержанных проектов показывает, что преимущество получают те из них, в которых есть новый поворот проблемы, выход на реальную практику, актуальность.

Главное препятствие продуктивным исследованиям, на мой взгляд, — это желание не покидать уже освоенную нишу, боязнь новизны. Ведь в этом случае надо начинать, как правило, с нуля. Гораздо проще обложиться работами предшественников и «клевать по зернышку», что-то уточняя, что-то добавляя свое. Такая методика позволяет писать диссертации и монографии, по существу не выходя из рабочего кабинета. Так проще и спокойнее.

Настораживает и вот еще что. Теряется интерес к полевым исследованиям. Я могу понять коллег, кому уже 60, чуть больше или чуть меньше. Полевые работы в современных условиях сопряжены с большими трудностями, к тому же у большинства

этнографов старшего поколения уже накоплен солидный полевой материал, который в большинстве случаев не отражает реальной ситуации (см. выше), но позволяет продолжать научную работу по уже накатанной колее. Между тем и молодежь, глядя на «стариков», отнюдь не торопится в поле. Некоторых откровенно пугает такая перспектива. Вот и хватаются за темы, которые можно «освоить» без полевых исследований. Результат? Точную оценку в свое время ему дал В.А. Тишков — вторичная этнография.

6

Современные конгрессы выросли из отчетных сессий Института этнологии и антропологии и унаследовали от них все плюсы и минусы. Тот формат, в котором проходят конгрессы, делает их работу малоэффективной. Обилие тем, секций не дает возможности сосредоточиться на главном. На конгрессе в Нальчике была запланирована работа 24 секций, в Омске — 49, на конгрессе в Санкт-Петербурге, по моим данным, планируется 60 секций. Конечно, это не может не радовать — расширяется предметная область наших исследований, появляются новые научные направления. Посмотрим, однако, что происходит на практике. В Нальчике и Омске реально работала едва ли половина секций по причине отсутствия участников (далеко не все заявившие свое участие имели финансовую возможность приехать на конгресс), на многих секциях присутствовало всего несколько человек, на некоторых — только руководители. На мой взгляд, нельзя превращать конгресс в научную конференцию. Для обсуждения тех или иных проблем существуют другие возможности и формы.

На конгрессах следует обсуждать наиболее актуальные, злободневные проблемы, представляющие интерес не только для этнографического сообщества. Конгрессы должны быть не просто научным мероприятием, а событием общественной жизни всей страны. Резолюции, обращения и т.п. документы, принятые конгрессом, должны способствовать решению каких-то действительно болезненных проблем в общественном развитии, должны учитываться властью, получать практический выход. Таких проблем великое множество: ксенофобия, расплзающаяся по России как раковая опухоль, состояние русского этноса, судьба коренных малочисленных народов в современных условиях, проблемы этнических меньшинств, ситуация на Северном Кавказе, место и роль этнологии (антропологии) в становлении гражданского общества в России и т.п.

Каждый конгресс должен сосредоточиваться на какой-то одной значимой проблеме, досконально ее обсуждать и представлять власти и обществу соответствующие рекомендации.

Собственно говоря, формально последние конгрессы также посвящались определенной теме. Если не изменяет память, сквозной темой конгресса в Нальчике были проблемы восприятия времени, в Омске — культурный смысл пространства. Однако кроме двух-трех докладов на пленарном заседании, которые, кстати, были встречены присутствующей публикой далеко не однозначно, обсуждение этих проблем далее не пошло. На секциях все вернулось в привычное русло.

7

Такое сообщество если и существует, то на региональном уровне. В регионах нас, как правило, не так уж и много, мы хорошо знаем друг друга, относительно регулярно общаемся, иногда проводим совместные исследования. Могу, например, утверждать о наличии такого сообщества в Западной Сибири (Омск, Новосибирск, Томск, Кемерово, Барнаул, отчасти Красноярск), на Дальнем Востоке (Владивосток, Хабаровск, Магадан, Южно-Сахалинск). Такое сообщество формируется в последние годы в Восточной Сибири (Иркутск, Улан-Удэ), причем оно имеет все шансы расшириться за счет дальневосточников.

Важным фактором формирования такого сообщества является, безусловно, возможность регулярного общения на научных мероприятиях. На таком принципе в основном строится сообщество этнографов и антропологов в Японии (я достаточно хорошо знаю ситуацию в этой стране). Любое этнографическое мероприятие (даже в заштатном городе) собирает здесь специалистов со всей страны. Причем абсолютное большинство из них не принимают непосредственного участия в работе конференции, но считают своим долгом присутствовать на ней. В российских условиях такой способ формирования сообщества мало реален. Совсем другие масштабы, опять же «проклятый» финансовый вопрос. Главное, что способствует формированию региональных сообществ этнографов, — это совместная работа над проектами, объединение усилий в решении тех или иных научных задач. Там, где это происходит, сообщество принимает вполне реальные очертания.

Можно, конечно, говорить и о существовании сообществ, основанных на общности научных интересов. В большинстве случаев мы знакомы, следим за результатами исследований, стараемся общаться. Что касается сообщества российских этнографов и антропологов в масштабах всей страны, то оно виртуально. Для реального сообщества чувства принадлежности к профессии явно недостаточно. Кроме регулярного общения на научных мероприятиях вроде конгрессов не менее важно знакомство с трудами коллег в других регионах страны, обмен научной продукцией. Ничего этого нет. В регионах

плохо знают, чем занимаются в Москве и Санкт-Петербурге, не говоря уже о других городах страны, в этнографических «столицах» еще хуже знают работы своих региональных коллег. В свое время, наверное, 90 % этнографических работ в России выходило в издательствах трех городов страны — Москвы, Питера и Новосибирска. Получить их не составляло никакого труда. Сегодня каждый институт издает сам, и львиная доля его научной продукции оказывается недоступной. Почти единственный источник знакомства с такими работами — дружественный обмен. О каком сообществе в таком случае можно говорить?

Важная роль в формировании такого сообщества должна принадлежать головному институту, его ведущим ученым. В советские времена их координирующая роль была довольно заметной. Помнится, Илья Самойлович Гурвич, а он был тогда заведующим сектором, отправляясь в свои поездки на Камчатку, всегда заезжал во Владивосток, встречался с местными этнографами, рассказывал обо всем новом, что появлялось в нашей науке, помогал не только советами, но и своим участием в наших трудах. Конкретную помощь в становлении этнографических исследований в свое время оказывали дальневосточникам И.С. Вдовин, А.В. Смоляк, В.А. Туголуков. Фрагментация этнографического пространства в последнее десятилетие разобщила этнографов страны, отдалила наших московских и питерских коллег. Они живут своими заботами, мы — своими. Не удастся пока выполнять объединяющую роль и Российской ассоциации этнографов и антропологов.

Впрочем, не все так уж печально. В последние годы Институт этнологии и антропологии РАН как будто начинает осознавать свою ответственность за судьбу российской этнографической науки. В рамках двух программ (евразийский проект и серия «Народы и культуры») объединяются усилия многих этнографических подразделений страны, и это обнадеживает. Дело теперь не только за Москвой или Питером. Путь к полноценному сообществу этнографов и антропологов России — улица с двусторонним движением.

МИХАИЛ ТУРОВ

Михаил Григорьевич
Туров

Иркутский
государственный университет

1

Я полагаю, что современное состояние российской этнографии/этнологии можно назвать «нестабильным», и вот почему. Безусловно, за последние два десятка лет российская этнология выпустила в свет достаточно

большой объем монографических изданий фундаментального значения. Это только радует и вселяет надежды на то, что потенциал отечественных этнологов по-прежнему огромен. На смену выбывшим из рядов представителям «старой гвардии» пришли молодые, результаты деятельности которых (судя по публикациям, докладам на конференциях) позволяют утверждать, что российская этнологическая «школа» по-прежнему сохраняет за собой статус «одной из ведущих».

Что же касается признаков «нестабильности», то среди них я бы назвал такие, как перемежающиеся состояния рефлексии и самобичевания по поводу пресловутой «ангажированности» советского периода; напряженный поиск «исчезающих» объекта и предмета исследований; бесконечные то затихающие, то приобретающие самые острые формы дискуссии между «примордиалистами» и «конструктивистами», в ходе которых иногда остается не учтенным то теоретико-методологическое наследие, которое еще в 1920–1940-х гг. было наработано трудами С.М. Широкогорова, Д.Н. Анучина, С.А. Токарева и многих других исследователей «старой школы».

В последнее десятилетие XX в., на мой взгляд, особенно отчетливо стали видны те изменения в территориальной структуре этнологических научных кадров, которые интенсивно развивались в наиболее экономически и идеологически «трудные» периоды (1930–1950-е гг.). Сегодня они представлены в центрах академической подчиненности (профильные НИИ РАН и их дочерние предприятия в вузах), в лабораториях и отделах российских музеев, в лабораториях и творческих группах при кафедрах гуманитарных факультетов вузов. Особую и достаточно многочисленную группу исследователей, активно пишущих и публикующихся по «этнологической проблематике», составляют отдельные ученые и целые группы, сосредоточенные в «непрофильных научных учреждениях» (к примеру — Институте географии СО РАН, г. Иркутск). В целом можно, очевидно, говорить о том, что по количеству собирающих данные и пишущих об «этнотах и культурах», по своей популярности и общественному резонансу современная этнология имеет статус, близкий тому, который она имела в конце XIX — начале XX вв.

Сегодня лишь крайне малообразованная часть российского общества находится в неведении того очевидного, что большая часть внешних и внутренних социальных, экономических и политических процессов прошлого и тем более современности имеет «национальную» окраску. Сегодня как никогда отчетливо видно, что уровень накопленного российской этнологией профессионального знания имеет огромное методологическое

значение в решении прикладных задач, что этнология как наука достойно претендует на статус «государственного, приоритетного» вида профессиональной деятельности. Очевидно, не скажу «понимание», скорее — «интуитивное ощущение» социальной роли и значимости этнологического знания явилось одной из причин того, что этнология как учебный предмет вошла в образовательные «стандарты» средних, средне-специальных и высших учебных заведений. Одно это обстоятельство является весомым основанием для серьезного отдельного обсуждения **перезревшей** проблемы массовой профессиональной подготовки этнологических кадров, в том числе преподавателей средних и среднеспециальных учебных заведений.

Можно по-разному интерпретировать, отвергать или принимать популярный ныне (особенно в зарубежье) тезис — «советская этнография на службе тоталитарной идеологии». Обсуждать этот вопрос бессмысленно не только потому, что издержки идеологизации науки известны и очевидны, но и по той причине, что в любых ситуациях, независимо от идеологии, «кто платит — тот и заказывает продукцию». И все же, перефразируя известную фразу А. Райкина («время было жутчайшее, но рыба в реке водилась»), скажу следующее. Российская этнология «советского периода», не побоюсь этого слова, несмотря ни на что, процветала. Дело не только или не столько в том, что в теоретико-методологическом отношении она находилась на «передовых позициях» мировой науки о народах и культурах (как уже отмечено выше, и сегодня она в этом отношении не из «последних»). Дело в том, что именно в этот период российская этнология сумела заложить тот **фундамент этнографических данных**, который сегодня без заимствования вошедших «в моду» (хотя и достоверных) концепций и «конструктивистских» подходов к изучению динамики этнических, этногенетических и этнокультурных процессов позволяет кардинально модифицировать бытующие до сих пор модели и схемы, наработанные в «эпоху тоталитаризма». Более того, достаточно обратиться к публикациям по теории этноса и культуры все тех же С.М. Широкогорова, С.А. Токарева, М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова, Л.Н. Гумилева, В.И. Козлова, С.А. Арутюнова, Г.Е. Маркова, В.Р. Кабо, Э.С. Маркаряна, В.А. Тишкова (всех не перечить), чтобы утверждать, что основы концепций «конструктивизма» формировались не без участия российских ученых, которые вряд ли просто копировали «зарубежный опыт».

Очевидно, что теоретические модели (в норме) не «высасываются из пальца», а являются результатом аналитико-синтетических операций с **конкретной базой этнографических данных**.

Как бы там ни было, но даже в кризисные периоды российской истории отечественная этнография имела **гарантированный** госзаказ на **фундаментальные** исследования, основу которых готовили многолетние, **планово финансируемые** «включенные наблюдения» и сборы исходных аналитических данных. Надо подчеркнуть, что для меня, как и многих моих коллег, этнология «без поля», без «погружения» в изучаемое явление — нонсенс.

Думаю, не очень ошибусь в том, что в современный «переходный период» финансирование охотнее всего выделяется государством (по «остаточному принципу») на «кабинетные», не требующие значительных «командировочных» расходов (что особенно актуально для сибирской этнологии) исследования. Очевидно, в этом коренится одна из причин того, что «включенное» стационарное наблюдение этнографических феноменов сегодня стало редкостью, а вместо «полевых исследований» большая часть этнологов либо «перелопачивает» старые запасы данных, либо добывает их от случая к случаю в кратковременных выездах, либо, не выходя из кабинета, добывает материал методами «репрезентативного опроса» и «анкетирования».

Удовлетворение «жажды поля» (у тех, кто жаждет) достигается разными способами, в том числе участием в «конъюнктурных отработках», существо которых, как и в «добрые старые времена», определяется пресловутым «социальным заказом», исходящим от спонсоров (редко — отечественных), националистически ориентированных групп и организаций, российских и зарубежных фондов и т.д. Следует попутно заметить, что большая часть выделяемых фондами средств уходит на оплату пресловутых «накладных расходов» и «финансовую поддержку» участвующих в проекте штатных сотрудников НИИ, лабораторий и кафедр. Думаю, что с подобной оценкой эффективности финансирования этнологии через посредство отечественных и зарубежных «фондов» и «доноров» согласится большая часть моих коллег — этнологов-сибиреведов.

Мне представляется, что в основании такого принципа государственного финансирования науки вообще и этнографии в особенности лежит глубоко укоренившаяся во всех стратах российского чиновничьего сообщества привычка рассматривать науку с позиций общественно полезной конъюнктуры и немедленной (после истечения срока финансирования проекта) выдачи «практических рекомендаций». Абсурдность такого подхода к оценке назначения науки (в данном случае этнологии), на мой взгляд, состоит в том, что она, безусловно, должна отрабатывать «социально значимые задачи», чем активно и

занимается начиная с первых этапов своего становления как в индивидуальном порядке, так и группируясь в сложившееся сегодня направление «оперативной этнологии». Дело, скорее, в том, что утилитарно-прикладное значение этнологии на уровнях обывателя/чиновника считается едва ли не единственным обоснованием ее права на «хлеб насущный». Понятно, что отработавшая сиюминутные, конъюнктурные задачи, ориентируясь на «социальный запрос», отечественная этнология, как и в «добрые старые времена», будет оставаться в положении «служанки», отработывать, независимо от той или иной «идеологической доктрины», лишь прикладные, «общественно утилитарные» задачи, которые и не требуют значительных финансовых вложений без особой надежды на немедленный «экономический эффект. Вместе с тем любому здравомыслящему человеку (не говоря уже о самих исследователях) ясно, что эффективность «практического применения» результатов научной деятельности, тем более этнологической, является «побочным продуктом» фундаментальных, в том числе полевых/экспедиционных, исследований, следовательно — того, в какой мере и на каких условиях именно эти исследования финансируются.

2

Самое потрясающее событие, на мой взгляд — это то, что этнография (в ее буквальном переводе), этнографическое «поле», несмотря ни на что, в последние годы демонстрируют неуклонный прирост молодых исследовательских кадров. Перечисление же «значительных» конференций, тем более проектов и публикаций я считаю занятием не совсем этичным. Могу лишь добавить, что я чрезвычайно рад тому, что в последние два—три года среди огромной массы «прикладных поделок» на темы этнографии и значительного числа спекуляций (к примеру — публикации академика Кандыбы) в информационном пространстве отечественной этнографии появились **фундаментальные** коллективные и индивидуальные монографические произведения, авторы которых живут и работают не только в пределах «центральной черноземной зоны», но и в Зауралье (Омск, Томск, Новосибирск, Улан-Удэ, Владивосток и т.д.).

3

Прошу прощения, но, на мой взгляд, в самом вопросе заложен элемент того «утилитарного» взгляда на этнологию, о котором говорилось выше. Я полагаю, что разделение исследовательских проблем на «первоочередные/перспективные» и «второстепенные/бесперспективные» — занятие бессмысленное и, я бы сказал, с научной точки зрения, вредное. Особенно в современной России, в «переходную эпоху», в условиях выхода общества из состояния информационной, экономической и социальной «самоизоляции», в условиях стремительно меняющейся экономической, природной и социально-политической

среды бытования и саморазвития этносов и культур, в условиях не менее стремительной модернизации и реформации существующих и «предписанных» этносов и появления на постсоветском пространстве новых и «конструированных по памяти» старых этнических общностей. Я полагаю, что последние два десятилетия можно характеризовать как период революционных (по темпам) изменений практически во всем спектре этнических и этнокультурных дефиниций. Замещение «традиций» «новациями» и «инновациями» («заимствованиями», если я верно трактую термин) происходит уже не за период смены поколений носителей традиций, а за гораздо более короткий промежуток времени. В этих условиях разделение исследований на «приоритетные/первоочередные» и «второстепенные/бесперспективные» направления, на мой взгляд, в целом для этнографического знания чревато появлением в будущем массы пробелов, которые когда-то придется «реконструировать» в виде «традиций». Это мы уже «проходили», к примеру, конструируя в моделях вовремя не зафиксированные живые системы традиционного природопользования, мировоззрения, верований и обрядовых практик и т.д., и т.п.

Иное дело, что доминирующая по сию пору практика выделения и фиксации «исчезающей традиции» должна отойти на второй план и уступить место первоочередным задачам максимально полной фиксации **современного состояния этносов и культур**. А это требует как минимум включенного, долговременного стационарного наблюдения текущих этнических и этнографических явлений, интеграции «этнологов-одиночек» в **постоянно действующие** творческие группы, оснащения этих групп современными средствами фиксации и обработки материалов полевых сборов.

Мне думается, что современная российская этнология неоправданно большое, приоритетное значение придает изучению достаточно узкого круга феноменов из области так называемой «духовной» и «соционормативной» сфер культуры, в частности — изучению форм и способов «этнической самоидентификации» на индивидуальном и групповом/этническом уровнях, пресловутых «традиционных» верований и обрядов, столь же «традиционных» систем «природопользования» и «ориентации в жизненном пространстве этноса». Понять это можно, ибо маркеры «этнического» в сознании активно ищущего себя в «этническом многообразии» индивида в силу ряда причин стремительно перемещаются в область столь же стремительно **модернизирующейся** «духовной культуры». Это не означает, что значительная часть элементов материальной культуры даже в «нивелированном — урбанизированном» виде в той или иной степени не имеет этнической специфики. Я

полагаю, что **глубокое, систематическое и системное исследование** той ли иной проблемы способно, в известных условиях, дать **«нетривиальные»** результаты.

4

Российские этнологи после долгих лет «затворничества» повсеместно, хотя бы благодаря новым средствам информации, знают о результатах «западных» (работающих за рубежами бывшего советского пространства) ученых гораздо больше, чем «западные» о «российских». Ознакомление с публикациями результатов исследований англо-франко-германоязычных авторов (хотя бы в аннотированном виде и для поиска ссылки как средства демонстрации квалификации) сегодня постепенно становится массовым явлением. Общение с «западными» коллегами (американцами, канадцами, японцами, корейцами, китайцами) убеждает меня в том, что они в основном ориентированы на «центральные издания», тогда как результаты «региональной этнографии» им по существу слабо известны. Попутно хотелось бы задать встречный вопрос: насколько «западные» (московские, петербургские и прочие исследователи из «западных» региональных научных центров России) знают о результатах своих «восточных» коллег?

На мой взгляд, «знание» и «учет» всего того, что происходит в науке за пределами «родного Урюпинска» и «alma mater», — показатель квалификации исследователя, что же касается уровня «учета» чужого («западного») опыта, то здесь действует принцип доступности информации (я не имею в виду информацию в виде дайджестов на сайтах Интернета). Мне кажется, что уровень «доступности» зарубежных изданий результатов этнологических исследований убывает по мере удаления места обитания исследователя от центра к периферии. Основной причиной этого явления, на мой взгляд, является катастрофическое положение, в котором, за редкими исключениями, находятся публичные библиотеки к «востоку от Новосибирска».

5

За всех коллег отвечать не берусь. Для меня — «текучка», необходимость писать проекты и отчеты (не только научные, их не так уж и много), преподавательская деятельность (не работа со студентами, а **необходимость отвечать на запросы чиновников** из ведомств и департаментов) и прочие «околонаучные проблемы». И, прошу прощения, но — финансирование, как же без него? При этом финансирование не только расходов на обеспечение научно-исследовательской работы, хотя большая часть «инструментария» (аудио-, видео-, фотоаппаратура, компьютерная и множительная техника и т.д.) государством (по не вполне понятным причинам) фактически не финансируется и потому приобретается либо за счет редких

«грантов», либо «из своего кармана». Этнологи «тоже люди», и потому проблема финансов весьма ощутима в сфере «бытовых потребностей», а степень удовлетворения оных, я полагаю, для большинства российских этнологов зависит напрямую от активности «заработков на стороне».

6

Кроме обсуждения результатов исследований отечественных и зарубежных этнологов/антропологов? Пожалуй, много, хотя бы следующие:

— способы и формы воздействия **профессионального** этнологического знания на процессы формирования общественного сознания россиян в оценке текущих «национальных», этнических и этнокультурных процессов, на снижение уровня межнациональной ксенофобии и розни, на выработку адекватных решений «государственных задач» социально-экономического и культурного «строительства»;

— способы и формы организации межрегиональной / межведомственной кооперации исследований (гораздо более широкой, нежели в пространстве отдельно взятого субъекта РФ);

— создание (или воссоздание) постоянно действующей системы обмена результатами этнологических исследований (публикациями) на общероссийском, региональном и зарубежном уровнях.

7

Я имел возможность участвовать в обсуждении идеи Ассоциации российских этнологов и в выборе ее председателя (если память не изменяет — С.А. Арутюнова) в 1990 г. в Алма-Ате. Насколько я информирован, Ассоциация существует до сих пор. На мой взгляд, ассоциация по сей день остается скорее «совещательным», нежели «исполнительным» органом. В работе организуемых ею «форумов» и «конгрессов» (опять же по финансовым причинам) принимают участие лишь те, «кто может», и далеко не все, «кто хочет». Иными словами, Ассоциация именно «существует», но не перешла в разряд «инструмента», подобного «Британской ассоциации».

Я не знаю, существует ли «Устав Ассоциации», если да — как бы с ним познакомиться? Если нет — его надо разработать, обсудить на самом широком уровне и принять. Думаю, есть смысл говорить о создании в структуре ассоциации «**Фонда поддержки этнологических исследований**». В этом отношении хороший опыт был наработан Императорским Русским географическим обществом, высочайшими патронами которого были представители дома Романовых (если последнее воспринимается как намек на персоналии — я не возражаю). Я полагаю, что от преобразования Ассоциации в «инструмент воздействия», в том числе на поток околонучной беллетрис-

тики, выиграет не только само сообщество российских этнологов, но и народ России в целом.

Я полагаю, что в Уставе Ассоциации обязан быть пункт, закрепляющий ее приоритетное право этнологической экспертизы соответствующих ее компетенции правительственных актов и действий. Последнее, однако, не следует воспринимать как призыв к превращению Ассоциации в очередной «руководящий и направляющий» орган, поскольку одним из пунктов Устава должно быть узаконено привлечение к практической деятельности сообщества самых широких слоев профессионально занятых в этнологии ученых России.

ВАЛЕНТИНА УЗУНОВА

1

Оценочные критерии научной деятельности неуклонно сдвигаются в сторону общемировых стандартов. Они продиктованы предположением, что мир сегодня не знает информационных границ, отличается динамичностью ответных реакций на получение информации и заинтересован в ее высоком профессиональном качестве. Из этого следует, что современная наука рассматривается прежде всего как процесс получения достоверных сведений о ресурсах и ресурсных циклах. Одним из критериев рациональности функционирования всей совокупности происходящих и предполагаемых превращений и перемещений в мире общечеловеческой жизнедеятельности становится обеспечение необходимых человеку полноценных свойств и качеств его окружающей среды. Этнография и антропология оказываются в самом выигрышном положении среди наук гуманитарного круга знаний, так как изначально предметом их систематического изучения являлся человек в среде его обитания. Антропология может не заботиться о том, чтобы пересматривать и обозначать свои границы, она становится центром притяжения любого знания о человеке или, как верно обозначил ее К. Клакхон, «зеркалом для человека». Поэтому самосознание этнографа вполне самодоста-

**Валентина Георгиевна
Узунова**

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

точно, основано только на профессионализме, на личной ответственности за то, чтобы разумный человек мог найти в его стараниях зерно правды, каково бы ни было его особое мнение. Умному студенту-этнографу не так уж и страшно жить, его наука подскажет ему знание необязательных правил-способов сопротивления любой власти в любые времена. Правда, научные знания являются самоценными только для самого образованного человека, но наука как социальный институт не самодостаточна. Государственная политика сегодня разворачивается в сторону возрождения принципа управления наукой, чему не препятствует общество и не особенно сопротивляется сама наука. В профессии все важно: и смена атмосферы, и новые горизонты, и опыт пережитого. Разная степень переживания важности того или другого социального изменения заставляет каждого специалиста прокладывать собственные ситуативные маршруты своего продвижения в профессии. В этом смысле этнографы сами представляют интерес как объект исследования. Например, отвечая на вопрос о роли антропологии в современной жизни, они с полным правом утверждают, что территория их интереса — все человечество, а потому их труд социально безопасен. Только есть и горькое преимущество в знании истории нашей отечественной науки: «сами боги не могут сделать бывшее небывшим». Вот и сейчас, читая новые книги своих товарищей по цеху, этнографы могут удостовериться, что государственная независимость требует зависимую науку, которая неожиданно становится «чисто грузинской», «чисто эстонской», «чисто украинской», непосредственно обозначая максимально прессируемые зоны этнографического знания. Вталкивание экономики России в глобальный рыночный капитализм тоже потребует сочетаемости прагматизма государственных управленцев с «научным прагматизмом», обязательно потребует замены гражданских свобод на «традиционные ценности», полагая необходимым включение в социальный оборот «особенных общинных идентичностей». Думаю, что очередные трудные времена отечественной науки уже наступили.

2

Самым значительным считаю несостоявшийся проект Николая Михайловича Гиренко «Закон и этнос», который был им задуман и разработан в отдельных фрагментах как новое направление в этнологии, осмысливающее условия ее взаимодействия с юриспруденцией. В подготовительных материалах присутствует подборка псевдоконкретных представлений о «типичном», которые вопиющим образом противоречат даже чисто статистическим сведениям. Непосредственная ответственность социальной фантазии за содержание (или наполнение) любого идеологического понятия являлась отправной

точкой его размышлений. Изначальное искажение заложено в любой идеологической доктрине: утопический компонент совершенно необходим и самой гуманистической, и самой антигуманистической идеологии. Избыточность «правых популистов» порождает «аполитичные понятия»: «духовность», «благопристойность», «чистота», «моральность». В этих координатах «благопристойности—непристойности» производится на свет такая формула современного расизма, как *«человек — это не только общественное, но и территориальное животное, удовлетворяющее основные инстинкты обособления и территориальности»* (Н. Теббитт), которая развивает мотив «возвращения к основам» — повторное утверждение «основных или естественных» племенных «инстинктов». Что превалирует в сегодняшней идеологической конstellляции? Утверждение «беспомощности рациональной терпимости» — наиболее архаическая форма чистой, неразбавленной ненависти. Либо «репрессивная толерантность» (Г. Маркузе) — терпимость в стерилизованной, мягкой форме, допускающей множество «национальных кухонь», но не признающая реальную отличительность человека за пределами его фольклорной привлекательности... Этнические меньшинства располагаются в протестной, политической зоне социальности, где их разместил либеральный мультикультурализм. Безоговорочное требование равенства и свободы (*egaliberte*, Э. Балибар) с их стороны взрывает любой установленный порядок. Именно политизация этнических меньшинств вырвалась на поверхность социального в ходе распада восточно-европейского социализма. Первоначальный стремительный, со стороны этнических меньшинств, рост «политики идентичности», по сути их требований, представлял собой утверждение частной идентичности. Демократический проект общества обещал возможность такого выбора, так как общество этого типа основано на универсальном понятии гражданства. Но только демократический, а не либеральный проект, который предпочло государство. Государственные гарантии идентичности групповых особых этнических образов жизни соответствуют стремлению власти к полностью деполитизированному и деидеологизированному обществу. Власть демонстрирует готовность «учитывать» (обсчитывать) каждую отдельную этническую группу, наделять ее особым статусом «малочисленности» или «жертвы», подтверждать позитивными мерами свой курс на обеспечение «социальной справедливости» и т.д. Тот факт, что осуществление на практике такого рода ожиданий требует сложного полицейского аппарата (опознание данной группы, наказание тех, кто нарушает ее права и т.д.), безумных финансовых затрат, армии специальных чиновников и т.п., вполне устраивает власть. Взамен политической борьбы предложен «конец идеологий».

В основе деидеологизированного, деполитизированного проекта общества положена ложная дилемма: «мультикультуралистская открытость» versus «новый фундаментализм» (этнический, религиозный экстремизм). Эта «мультикультуралистская открытость» сопровождается бесконечно возможной демагогией на темы «уважения культурных различий», прав этнического/религиозного/культурного субъекта выбирать образ жизни, который продиктован историей, традицией, климатом, ландшафтом, соседством и т.п., и т.д., — бесконечно долгой может быть работа любой идеологической машины. «Мультикультуралистская открытость» и есть идеология — идеальная форма либеральной рыночной экономики. Она демонстрирует прагматическую позицию любой государственной власти, которая относится ко всякой локальной культуре как колонизатор к «туземцам», нравы которых следует внимательно изучать и «уважать». Колонизатором является глобальная компания «Государство и К^о». Любая глобальная компания относится к стране своего происхождения просто как к еще одной территории, которую нужно колонизировать. «Уважение» государства-мультикультуралиста к личности локальных культур есть форма утверждения собственного превосходства идеологической пустоты. Государственный аппарат низводит сам себя до уровня простого полицейского, который служит нуждам рыночных сил... Глобальной становится не только рыночная, но и правовая система.

3

Отличительность социологической версии аналитики в этнографии/антропологии состоит в том, что источником и результатом абстракции выступает практический опыт. Отечественная школа имеет неоспоримое преимущество в своей настойчивости при рассмотрении коллективного сознания как условия сознания индивидуального. Этнографическим фактом (формой данности) остается непосредственный опыт социально упорядоченной практической сферы. В исследованиях по коллективной психологии на этнологической базе отчетливо открывается генетическое объяснение возможности познания. Анализ логики рационального мышления и дискурсивной аргументации как инкорпорированное, соотнесенное в индивидуальном сознании взаимодействие различных социальных групп является эвристическим методом исследования и обучения. На этом пути изучения коллективной психологии рассудочной деятельности можно ожидать нетривиальных результатов, так как у этнографов уже накоплен достаточно разнообразный опыт и наступает период сопоставлений и обобщений. Именно этнографы способны явным образом проблематизировать происхождение социальных категорий (этническое происхождение, социальные статусы, обеспеченность и право

на имущество и т.д.), полагая конструирующую природу социального сознания, которое продуктивно замещает природное на административные, юридические, педагогические и др. «правила». Поэтому этнографы способны, например, откровенно противостоять утилитаристской догматике, полагающей лидера единственным источником социального порядка. Исследования в этнографии социальных чувств, коллективных представлений через призму ритуала, процесса труда, статистики и др. избавляют объяснение от схематизма, к которому ведет сдвиг как в сторону универсальных мотивов (страх, смех, сострадание), так и в направлении натуралистически принимаемых классификаций. Множественность групповых логик и соответствующих им различий в типах расщепленной деятельности является темой перспективного анализа. Например, демократию можно изучать как действующее социальное представление — социальный конструкт, возникающий на границе разнородных социальных тенденций, но не как всеобщий порядок, сводящийся к пожеланию благого и должного.

4

Эта потребность порождена преимуществами, которые открывает взгляд со стороны. Взаимообмен результатами исследований продиктован пользой от него для каждой из сторон. В свое время эту позицию блестяще использовала советология, предлагая нам условия заочного диалога о нашем обществе и его проблемах в своих координатах и со своей терминологией. Я не погрешу против истины, если скажу, что непонимание и, следовательно, «вопрошание» являются очень продуктивной техникой обмена информацией. На фоне бесконечных повторов об унифицирующих процессах глобализации именно этнографы/антропологи не только удерживают, но и эффективно отстаивают позицию уникальности каждой локальной культуры. Собственно термин «уникальность» не бесспорен, и с ним очень трудно работать «изнутри» собственной культуры. Но чужое в процессе узнавания и постижения открывается едва ли не как абсолютно самобытное в любом своем проявлении. Во всяком случае, и социологическая эссеистика американца Дж. Слэйда «Петербург XXI век. Портрет нового поколения» (СПб., 2003), и книга «Глаз бури» (СПб., 2004), написанная норвежским социальным антропологом Ф.С. Нильсеном о русской идентичности 1970–1980 гг. на материалах исследования в нашем городе, показали мне удивительными. Я не перечисляю далее те книги, которые теперь уже вошли в оборот продуктивного научного анализа, изменяя наш язык аналитики. Прежде всего, это относится к широкому кругу не только зарубежных, но и отечественных авторов, работающих в области лингвистики и семиологии. Очень интересно сле-

дить и за множественными употреблениями «лакановских доктрин» при их проникновении в этику, кинокритику, эстетику, философию. Совершенно корыстным образом радуется появлению учебников, например книги «Введение в интерпретативную социологию» Хайнца Абельса, которая создана им в результате чтения лекций на факультете социологии СПбГУ. Завидую студентам! Что касается конкретного учета результатов исследований, то, судя по ссылкам на источники, узкие профессионалы в каждой области прекрасно знают друг друга и, соответственно, следят за успехами друг друга, создавая среду продуктивной научной конкуренции. Например, петербургских гуманитариев очень неплохо знают в Финляндии, с интересом следят за их работой. И все-таки у меня есть подозрение, что этика общения в научных кругах западных коллег значительно больше предполагает коллегиальное общение, чем данное нам воспитание. Хорошо, что кто-то из нас перестроился сам и обучает этому студентов.

5

Вынужденность слишком много сил отдавать политике. Не отпускает социологическая привычка читать не только книги, но и людей. Кроме того, не умею руководить, но и подчиняться не умею тоже. Поэтому очень дорожу отношениями безусловного взаимопонимания, а это случается все реже. Но если отвечать на вопрос совершенно серьезно, то продуктивным исследованиям всегда препятствует плохая проработка поисковой стратегии. Самым ответственным этапом является выдвижение гипотез исследования, и если они «вялые», плохо промысленные и толком не сформулированные, то исследование придется гнать по второму кругу. По этой причине чаще всего до «продуктивности» дело не доходит, остается недоделанность как типичный продукт ситуативности и поспешности. Но дело не только в том, что обстоятельства такого рода порождают мелкотемье и доморощенность. Ситуация имеет более серьезные и обидные последствия. На этом пути пренебрежения к фундаментальным теоретическим проработкам исходного замысла мы теряем право претендовать на фундаментальность собственной науки. Никогда не считалось потерянным время, когда коллективы исследователей долго и плотно сидели над постановкой задач исследования, просчитывая каждый его этап, до бесконечности планируя веер возможностей его продвижения к конкретике. Для любого исследователя, молодого и опытного, это был самый азартный и продуктивный по набору знаний и опыту его конструирования (научного проектирования) этап промысливания проблемы. В нынешних условиях принимается за исходную ситуация, когда мы должны заведомо свидетельствовать свою профессиональную готовность разрешать проблемы, продиктованные гран-

тодателями. Предписанное требование быстрого практического выхода становится палкой-погонялкой, заставляющей выбрасывать на рынок научной продукции уже имеющиеся запасы накопленных наработок, перекраивая их по чужому лекалу. В то время как создание собственных измерительных инструментов должно быть запланировано едва ли не как главный результат исследования. И еще один удручающий пример из собственного опыта. Мы неплохо начинали сотрудничать с европейскими группами по правам национальных меньшинств. Это продолжалось до тех пор, пока с нашей стороны не было выдвинуто утверждение, что исследовать «меньшинства» без активного зондажа ситуации с «большинством» методологически безграмотно. Я затрудняюсь припомнить всю серию возражений по этому дискуссионному вопросу, но нормальное обсуждение было прервано опасениями англичан, что при такой постановке вопроса их вместе с нами сочтут «империалистами», чего они опасаются больше всего на свете. Чужие страхи — хороший опыт, он должен включаться в композицию исследования, но не отвергать самое исследование из опасений быть неправильно понятыми. Но пробить стену научных предрассудков бывает ничуть не менее сложно, чем противостоять предрассудкам обыденного сознания с научных позиций.

6

Понимаю, что каждый специалист выстраивает свою иерархию значимостей. Мечтаю расширить свой кругозор. Может быть, не только мне было бы интересно обогатиться программами спецкурсов, которые разработаны коллегами, методическими рекомендациями, буклетами выставок и другой вспомогательной технической продукцией, которая чрезвычайно информативна в кругу профессионального общения. Понимаю, что будет работать специализированный книжный киоск, но программами спецкурсов никто не торгует. Каждый из нас будет работать в своей секции, где встретит давних знакомых. Но обязательно мелькнет какое-то интересное название доклада, знакомое только по литературе имя, актуально возникнут и со временем увянут какие-то идеи о возможной совместности. Просить быть представленной, вручать визитку — допустимо, но суетливо. Любой форум необходим для налаживания профессиональных связей, которые теперь, при наличии электронной почты, поддерживать легко и небесполезно. Следует подумать о том, что база данных друг о друге должна обновляться и расширяться, хотя бы уже по той причине, что могла измениться сфера профессиональных пристрастий, появляются перспективные аспиранты, планируются новые направления. Последние должны обсуждаться, не просто докладываться и описываться, а проблематизировать-

ся. Очень интересно понять, какие вопросы продиктованы региональной спецификой, какие вопросы навязываются как условие финансирования проекта, какая научная традиция «кабалит», не позволяет оторваться от земли, и какая иная будоражит профессиональное воображение. Очень интересно было бы узнать, чем дышит гуманитарная наука как единство социального и антропологического знания в каждом отдельном регионе. Контактируют ли предметно этнографы с социологами, психологами, конфликтологами, лингвистами, а еще — с программистами, экономистами, бизнесменами, туристическими фирмами, а еще — с конфессиональными общинами, а еще — со школами? Вопрос о потребности общества в этнографическом знании должен обсуждаться на конгрессе. Безусловно, самостоятельно в рамках конгресса сгруппируются музейщики — гордость любого этнографического сообщества. На собственном опыте знаем, что потребность общества в музеях — величина не постоянная. Каков сегодняшний посетитель музея? Какова специфика его восприятия и потребностей, т.е. качественная специфика нового посетителя музеев? Работают ли музеи как центры притяжения любителей истории, краеведения, коллекционеров? Ориентируют ли будущих искусствоведов, этнографов? Каков их сегодняшний авторитет? Этот вполне самостоятельный вопрос о специфике потребностей и специфике восприятия современного музейного посетителя тоже достоин рамок конгресса.

7

Для меня как социолога нет сомнения в том, что этнографическое сообщество существует, свое пребывание в этом кругу я вполне отчетливо ощущаю уже более 15 лет. Во-первых, мне видно, что это сообщество достаточно определенного и не худшего стиля. Люди, которые работают в этой области, при всей естественной разноликости отличаются определенными характерологическими чертами, даже если они этого сами и не замечают. Любая профессия формирует «профессиональный профиль» человека, и чем выше профессионализм — тем отчетливее. Этнографы мне представляются стайерами. С большим пиететом отношусь к выносливым людям, специализирующимся в преодолении длинных дистанций. Во-вторых, думаю, что только этнографы умеют внушить то главное, что не дано другим гуманитариям, — глубокое уважение к обыденности. Мне самой не дано понимание и любование предметной средой, вещами. Я этому пробую научиться и у наших музейщиков, и даже у своих студентов-этнографов, практикующих в залах музея. Но для меня это осмысленная попытка приобрести недостающие навыки, а этнографам как будто бы изначально дан особый вкус к жизни. Читать их работы чрезвычайно интересно. Это тот редкий класс книг, который не взвин-

чивает нервы. Труд этнографов может являться достойным примером профессиональной основательности. И, пожалуй, еще одна чрезвычайно привлекательная для меня этнографическая присущность. Этнографы переполнены опытом общения с людьми. Правда, в отличие от социологов, они перерабатывают его только в нарратив, а жаль.

ЕЛЕНА УСПЕНСКАЯ

1

Работы отечественных этнографов в той части, где речь идет о конкретных полевых исследованиях, особенно на территории бывшего СССР (что понятно), проводятся на традиционно высоком уровне благодаря наработанным методикам и даже в определенной степени выучке специалистов. Я также высоко оцениваю исследования российских «политических антропологов» как в области теории (в том числе во введении в оборот исследований западных специалистов), так и в прикладном аспекте. Но эти последние обязаны своими результатами скорее остроте и чувствительности проблем; попытки буквально нащупать их решение — то небольшое, что исследователи успевают сделать в условиях горячего спроса, о методичном и глубоком планировании исследований и результатов речь не идет. Впрочем, у нас работают уже предложенные западными коллегами теории.

2

Не уверена, что этот проект укладывается в предложенные временные рамки, но я не могу не отметить работу российских антропологов по научному обеспечению Всероссийской переписи населения. Это глубокий, качественный и в определенной степени политически умелый (может быть, работающий на политические результаты), на высоком научном уровне выполненный проект, а исследования, проведенные в его рамках, еще ждут осмысления.

Елена Николаевна

Успенская

Музей антропологии
и этнографии

им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

В нашем конкретном петербургском (увы!) случае отмечу Международную научную

конференцию «Российская наука о человеке. Вчера, сегодня, завтра». «Объединительно-ознакомительная» направленность этого мероприятия выглядит в теперешних обстоятельствах единственно верной. Очень хорошо, что мы в Петербурге нашли красивый и эффективный способ напомнить москвичам, что они не единственные игроки на поле (пока это выглядит скорее как «на ринге»). Хотя на личностном уровне контакты между «центром и провинцией» вполне сохранены, но организационно мы все-таки испытываем состояние оторванности от основного русла событий, отодвинутости от интересных научных движений и масштабных задач, запросы на которые поступают в Академию наук. Как известно, социальный престиж обуславливается не только личными качествами. Концепция развития российской науки должна основываться на понимании, что не одна Москва имеет научный потенциал.

3

Перспективным для отечественной науки я однозначно считаю этнографическое источниковедение. Я имею в виду следующее. 1) Введение в международный научный оборот исследований наших предшественников по этнографии народов России (Российской империи). Им нет цены. Нужно их переводить на английский, публиковать с комментариями. Если есть возможность, проводить одновременно в тех же районах и у тех же народов современные исследования, чтобы проследить динамику процессов. 2) Конкретную полевую работу там, где ее ценность обусловлена возможностью фиксации «уходящей природы» в первую очередь. Но и исследования современных тенденций народной жизни на данном этапе истории могут дать вовсе неожиданные результаты; их тоже надо фиксировать. 3) *The last, but not the least*. Изучение музейных коллекций. Там, где возможно, целенаправленное методичное их дополнение и создание обменных фондов (на строгой научно-исследовательской основе).

Результаты могут быть удивительными только там, где наш человек создает теории. Вернее всего — теории общественной жизни.

4

Западные коллеги нас практически не знают: мы не публикуем свои труды на английском и других иностранных языках (английского было бы достаточно). Некоторые из них знают некоторых из нас лично, и пока только так. Самое обнадеживающее обстоятельство состоит в том, что, как я могла заметить в общении с коллегами-востоковедами, наш российский (петербургская востоковедная школа — во всяком случае) исследовательский уровень отличается фундаментальной профессиональной подготовкой и высоким общим интеллекту-

альным развитием, соответственно, глубиной исследования, нестандартностью подходов. Нам нечего стесняться и «жаться у стенки». Думаю, что и выпускники кафедры этнографии испытывали подобные впечатления. Мы хорошо себя чувствуем и среди изучаемых народов, и в общении с коллегами — специалистами из изучаемой страны. В связи с вышесказанным горячо приветствую появление вашего журнала.

Российские этнографы знают западные исследования в разной мере. Те, кто знает языки и изучает ситуацию в зарубежных странах, непременно читают западную литературу. Как востоковед отмечу, что нам приходится читать научную литературу и источники (литературные памятники, статистические справочники, административные отчеты и т.д.) на восточных и европейских языках преимущественно и лишь очень немного литературы на русском языке. При этом, как известно, «старая» литература в этнографических исследованиях имеет едва ли не большую ценность. Мы практически не имеем возможности проводить собственные полевые исследования за рубежом и уже поэтому очень внимательно следим за иностранными публикациями по современной ситуации в изучаемой стране.

5 Я считаю, что всем специалистам-этнографам необходимо знать и изучать языки — европейские и языки изучаемых народов. Это должно быть необходимым условием профессиональной подготовки. Особенно это относится к уходящим языкам и диалектам малых народов России. Аргументы приведены в ответах на вопросы 3 и 4.

Главным внешним обстоятельством и фактором на современном этапе может оказаться организация научной работы в Академии наук. Уважение к науке, существующей вне Москвы, в высоких административных и научно-административных структурах я рассматриваю как необходимое условие нашей работы. Этот фактор не то чтобы препятствует продуктивности научных исследований: он, кажется, мог бы их вовсе прекратить.

6 Биологическое по природе стремление «метить свою территорию» в наши дни не считается неудобным. На конгрессе было бы уместно внятно сформулировать области задач и исследований, чтобы затем имеющие полномочия организационные структуры могли их защищать и продвигать, оставив в стороне личные амбиции. Личные амбиции могут разрушить общее дело, и это уже заметно.

7 Боюсь, что я лично не ощущаю ни организационно, ни морально существования цеховой организации российских этнографов. Более того, многие бывшие коллеги теперь называ-

ют себя только этнологами и социологами, политологами, и это как бы более высокий уровень профессионализма, более востребованный и современный. Но кто сказал, что этнографы изучают что-то другое или морально устарели? Мне лично кажется продуктивной идея антропологического в широком смысле научного сообщества (физическая, культурная, социальная, политическая антропология, этология и т.д.), объединяющего возможности нескольких теперешних научных направлений. Я не уверена, что более широкая по охвату исследовательских задач организационная структура окажется более слабой, чем нынешняя. В сопоставлении с такими мощными сегментами науки, как физика или география-климатология-экология, наука о человеке даже выглядит как необходимый компонент современного научного знания.

СЕРГЕЙ УШАКИН

1

4

«Современное состояние» в данном случае, наверное, можно понимать либо тематически, либо в международном научном контексте. Поскольку второй для меня более очевиден, начну с него. Судя по публикациям в международных (прежде всего, англоязычных) антропологических журналах, российской этнографии/антропологии фактически не существует. Сходным образом дело обстоит и с конференциями. В США, например, сегодня сложилось два крупных форума, на которых российская антропология потенциально могла бы быть представлена, но фактически отсутствует. Один из них — это ежегодный конгресс Американской антропологической ассоциации, второй — ежегодный симпозиум сети постсоциалистических исследований культуры «Союз»¹. Понятно, что финансовая и языковая проблемы являются зачастую существенным препятствием. Но без преодоления этих препятствий российская антропология вряд ли может претендовать на свое место в мировом научном сообществе.

Сергей Александрович

Ушакин

Колумбийский университет,
Нью-Йорк, США

¹ См. подробнее: Soyuz: The Research Network for Postsocialist Studies <<http://www.abdn.ac.uk/soyuz/>>

Нередко, впрочем, подобная «непредставленность» ничего общего с финансовыми проблемами не имеет. Как мне кажется, информационная «закрытость» дисциплины — это ее типичная черта. Сообщения о конференциях редки. Информация о новых книгах, сборниках статей, групповых проектах практически не циркулирует. Я могу ошибаться, но мне трудно назвать хоть один электронный список рассылки, скажем, по проблемам национализма, материальной культуры, субкультурам, религиозным практикам, антропологической теории и т.п., который был бы инициирован российскими антропологами. Подобные рассылки не требуют ни особых вложений, ни особых усилий, но они создают информационное сообщество, постоянно формируя профессиональные и личные связи между исследователями. Отсутствие таких инструментов формирования связей, наверное, говорит о том, что пока потребность в сообществе не сложилось.

Этот список социологических проблем дисциплины мне бы хотелось дополнить замечанием о тематической специфике российской антропологии. Опыт мой в данном случае во многом ограничен журналом «Этнографическое обозрение». За редким исключением, журнал с завидным упорством сохраняет свой «реликтовый» статус. Открывая журнал, я всякий раз задаюсь вопросом: «Что определяет редакционную политику журнала, который с невероятной последовательностью позволяет себе игнорировать такие актуальные современные процессы в российском обществе, как, например, расизм, обнищание, глобализация, политические технологии, распад социальных сетей, контрабанда людей, формы постсоветского насилия и т.п., и отдавать вновь и вновь свои страницы узкопрофессиональным текстам? Показателем чего является такой интеллектуальный выбор? Отсутствия авторов? Отсутствия интереса к этим проблемам? Публикуемые тексты рассчитаны, скорее, «на вечность», чем на отражение проблем, возникающих «здесь и сейчас». Вопрос о том, кому предназначены статьи, то есть, по сути, о том, какова социальная, интеллектуальная, возрастная и т.п. специфика группы российских читателей, на которую ориентируется редакция журнала, судя по всему, не возникает в принципе.

Речь, разумеется, не о том, стоит ли с таким завидным упорством заниматься игрой в бисер (ответ — стоит). Вопрос в том, являются ли *страницы издания*, претендующего на то, чтобы определять основные параметры дисциплины, самым подходящим местом для такой «игры»? Вполне возможно, что ответ лежит на поверхности: журнал отражает интересы определенного — «академического» — круга специалистов, не заинтересованных и не стремящихся к расширению своей аудитории.

Собственно, постоянная рубрика «Наши юбиляры», проводя разделительную грань между «нашей» и «не нашей» антропологией, видимо, и призвана обозначить критерии «авторства», принципиальные для журнала.

Вполне логично, что такая ограниченность интеллектуального спектра *Этнографического обозрения* привела к тому, что местом обсуждения актуальных антропологических проблем стали журналы, для которых социально-дисциплинарное деление на «наших/не наших» определяющего смысла не имеет. Например, проблемы национализма, империи, языка, т.е. ключевые темы сегодняшней зарубежной антропологии, активно и успешно разрабатываются на страницах казанского журнала «Ab Imperio»¹, конфигурации семейных практик и взаимосвязь этих практик с политикой — в саратовском «Журнале исследований социальной политики»², вопросы методов проведения полевых исследований — в московском социологическом журнале «ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»³, наконец, дебаты по поводу современной антропологической теории — на страницах таких междисциплинарных журналов, как московское «Новое литературное обозрение»⁴ и питерский «Журнал социологии и социальной антропологии»⁵.

Как мне кажется, вот эта «миграция» традиционной антропологической тематики за пределы непосредственного круга антропологов является положительным свидетельством того, что антропология — как метод исследования и как способ проблематизации социальных практик — вызывает неподдельный интерес в интеллектуальном сообществе. Вместе с тем эта миграция, как и любая миграция, свидетельствует и о том, что эти темы не находят соответствующего отклика в их «родной среде».

4

7

Говорить «за всю Одессу» сложно. Но тем не менее. В обоих случаях проблема «учета/знания» — это, прежде всего, проблема доступности переводных текстов или оригинальных исследований на языке соответствующей аудитории. Как я уже отмечал, переводы российских антропологов на английский (об остальных языках я судить не могу) редки. Из последних работ, которые вызвали сколько-нибудь видимый отклик, могу назвать только книгу В. Тишкова о Чечне, вышедшую недавно

¹ См.: Ab Imperio <<http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state=contents&idlang=2>>

² См.: Журнал исследований социальной политики <<http://www.jsps.ru/index.php>>

³ См.: ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация <<http://www.isras.ru/?page=journals&sub=inter>>

⁴ См.: Новое литературное обозрение <<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/70/>>

⁵ См.: Журнал социологии и социальной антропологии <<http://sociology.net.ru/journal/archiv/index.htm>>

в английском варианте. Понятно, что зарубежные специалисты, читающие по-русски, информированы лучше. Многие действительно пытаются отслеживать новые публикации, что — знаю по собственному опыту — непросто. Стабильного канала, информирующего о новых публикациях, не сложилось, тиражи профессиональных изданий близки к нулю, а профессиональные рецензии редки. О многочисленных сборниках тезисов и докладов по итогам конференции не приходится и говорить: они, видимо, исчезают «в никуда» сразу после публикации.

Создание электронной библиотеки могло бы облегчить доступ к отечественным исследованиям. Скажем, ИАЭ РАН, как, впрочем, и любая иная организация, мог бы стать своеобразным консолидирующим институтом по сбору (и размещению) электронных версий российских изданий на антропологические темы. Подобно тому, как это пытаются сейчас делать Американская антропологическая ассоциация, сводя в одном месте — «Антро-ресурсе» — большинство своих публикаций (журналы, информация об институтах и т.п.) по этнографии и антропологии¹. Учитывая отечественную специфику, можно начать с размещения профессиональных журналов, региональных изданий, сборников, коллекций и т.п., которые помогли бы составить представление о том, что собственно происходит среди российских этнографов/антропологов, о том, что их волнует в профессиональном плане.

Вопрос о теоретическом диалоге между российскими и зарубежными антропологами сложнее. Насколько я знаю, тексты американских антропологов, посвященных России, в России как раз особого интереса не вызывают. Например, книги Нэнси Рис «Русские разговоры» и Дейл Песмен «Россия и душа»² — два ключевых исследования России/русских в американской антропологии последнего десятилетия — по большому счету так и остались незамеченными отечественными антропологами. *Совместные «форумы» и «дебаты»* на страницах российских профессиональных журналов — редкость. За редким исключением, практики приглашения зарубежных специалистов для участия в дискуссиях/сборниках по тем или иным этнографическим проблемам также не сложилось. В этом отноше-

---

¹ См.: AnthroSource: <<http://www.anthrosource.net/>>

² Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н.Н. Кулаковой и В.Б. Гулиды. Предисл. И. Утехина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 368 с., илл.; Pesmen D. Russia and Soul: An Exploration. Ithaca: Cornell University Press, 2000. 364 p. См. мою рецензию на книгу Песмен: Загадки «русской души»: обзор монографий Е. Хеллберг-Хирн, Д. Ранкур-Лаферрьерера, Д. Песмен // Социологический журнал. 2001. № 2. <<http://knowledge.isras.ru/sj/sj/sj2-01ush.html>>

нии стремление «Антропологического форума» общаться «поверх барьеров» вызывает глубокое уважение.

Что касается собственно теоретического влияния, то, насколько я могу судить, знакомство с зарубежными теориями ограничивается их обзором (см. все то же «Этнографическое обозрение») — т.е. осознанными попытками представить «логику» развития того или иного метода/концепции. И хотя, с информационной точки зрения, такие — во многом позитивистские — подходы крайне полезны, значительно повлиять на развитие теории в отечественных исследованиях они вряд ли способны. Читая очередной «обзорный подход» к той или иной теории, я всякий раз вспоминаю известный призыв М. Жванецкого: «*Хватит смотреть на мир глазами Сенкевича!*». Иными словами, формирование собственных методологий/теорий требует не только знания о существовании «других» теорий и методов, но и способности, так сказать, «говорить» на их языке, способности знать *практически* аналитические и интерпретационные достоинства/недостатки этих теорий. Понятно, что без теоретических «экспериментов», т.е. без реальных попыток использовать различные подходы для интерпретации этнографического материала, навыки «разговорной речи» на других теоретических языках вряд ли сформируются. Вопрос в том, где и как эти «навыки» могут формироваться и анализироваться.

Наряду с овладением «языками», на мой взгляд, важной является и попытка ряда отечественных исследователей актуализировать российское теоретическое наследие. Однако такой возврат к текстам предыдущих периодов — будь то работы В. Богораз-Тана, С. Широкогорова, русских формалистов (В. Пропп, Л. Гинзбург) или, скажем, евразийцев — требует, на мой взгляд, не только *актуализации* текстов прошлого, но и их *реконтекстуализации*, то есть осознанной локализации этих подходов в рамках современных теоретических дебатов. Без *диалогизма*, направленного одновременного и на анализ отечественного теоретического *прошлого*, и на участие в обсуждении теоретических проблем, характерных для *сегодняшнего* гуманитарного знания в целом, «возврат» к теоретическому наследию может остаться «непереводимым фольклором», причудливым «местным орнаментом» российского интеллектуального пейзажа.

О пейзаже. То есть о существовании российского антропологического сообщества. Сообщество, помня Дюркгейма, проявляет себя, прежде всего, в способности применить корректирующие санкции по отношению к своим членам. Иными словами, в наличии определенных стандартов, к соблюдению

которых стоит стремиться. Наряду с институтом профессиональных рецензий, традиционно роль таких санкций играют и всевозможные профессиональные премии и призы, например, за лучшую лекцию, статью, книгу, диссертацию и т.п. Или за вклад в развитие, скажем, антропологии насилия или феминистской антропологии. Важным здесь, разумеется, является не поощрение конкретных людей (что, конечно, значимо само по себе, но это другой вопрос), а тот социальный эффект, который эти призы и премии способны произвести. «Открывая» новые тенденции, имена, проблематику, профессиональные премии всякий раз дают своеобразный «срез» интеллектуальной жизни дисциплины, позволяют определить «точки» интереса. Кроме того, премии задают и определенную рамку профессионального поведения, формулируя определенный «канон» исследования. Значимость таких премий во многом определяется желанием/стремлением профессионального сообщества определиться по поводу механизмов своей саморегуляции, т.е. механизмов формирования профессиональной иерархии, системы этических принципов, профессиональных табу и т.п. Ну и, соответственно, отсутствие таких стремлений, наверное, говорит о том, что желания заниматься рефлексиями по поводу внутреннего устройства дисциплины пока не возникло.

2

Российский опыт последнего десятилетия, на мой взгляд (социокультурного антрополога), может быть удивительно продуктивным для переосмысления целого ряда традиционных антропологических вопросов. Например, резкая смена форм экономической организации общества, радикальный переход к монетизации социальных процессов дает возможность по-новому взглянуть на роль, которую играют практики и формы обмена в жизни. Например, каковы социальные и символические последствия постсоветского бартера? Как отсутствие всеобщего эквивалента (в форме денег) в данном случае сказалось на восприятии людьми их социального окружения и постсоветского социального контекста в целом? В какой степени протест против монетизации льгот является отражением осознания собственной невключенности в процесс социальной циркуляции? Проблема перехода и переходной идентичности/субъективности может стать еще одной сферой нетривиального развития классической антропологической теории. Что происходит с «лиминальной» идентичностью в ситуации, когда «конечный пункт» перехода неизвестен? Коллапс Советского Союза дал возможность проследить и еще одну важную тенденцию: как происходит самоорганизация сообществ в условиях нормативного вакуума. По каким (символическим, социальным, психологическим и т.п.) осям выстраиваются

новые социальные конфигурации? Подобные примеры можно множить. Но суть, в общем, очевидна: особенности сегодняшнего состояния российского общества интересны не столько своей уникальностью, сколько своей глубиной. Предельная «выпуклость» определенных тенденций (например, «социальное расслоение» или «коррупция»), соответственно, дает возможность четче понять как способы их символического оформления, так и степень их воздействия на способы организации жизни.

НИКИТА УШАКОВ

1 На мой взгляд, современное состояние российской этнографии, этнологии, антропологии носит двойственный характер, т.е. налицо серьезные достижения и существенные недостатки.

Достижения: большинство работ посвящено традиционным культурам этносов конца XIX — начала XX вв. Это серьезные фундаментальные конкретные исследования с теоретическим анализом. Они основываются на мощной базе источников — полевых материалах, как опубликованных, так и архивных. Данные полевые материалы собраны во второй половине XIX — начале XX вв. как методом опроса информантов, так и методом непосредственного наблюдения, соответственно, они действительно синхронны данному периоду.

В то же время необходимо четко осознавать, что это исследования культур *прошлого*, которые можно уже назвать в определенном смысле «исторической этнографией». Другими словами, фундаментальный анализ культур этносов конца XIX — начала XX вв., естественно, не дает ответа о состоянии данных культур во второй трети XX в. — современности.

По этому периоду у нас есть серьезные теоретические работы, где ставятся актуальные проблемы современности — времени «слома» традиционных культур и формиро-

**Никита Вадимович
Ушаков**

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

вания современных культур в условиях технического прогресса, урбанизации и глобальных экономических и культурных связей.

Недостатки: к сожалению, работы по актуальным проблемам современности остаются только теоретическими, так как плохо обеспечены фактическим материалом. Это обусловлено почти кризисным состоянием в плане наличия полевых материалов, синхронных XX — началу XXI вв., как опубликованных, так и архивных. Их очень мало, публикуются они в принятой сейчас форме аналитических статей, где очень трудно определить: где сам фактический материал, а где выводы автора. На мой взгляд, это означает относительно слабую проверку серьезных теоретических выводов по современным и актуальным проблемам российской этнографии, этнологии, антропологии на фактическом материале.

3

На мой взгляд, наиболее перспективной исследовательской проблемой является полевое изучение этнографических реалий XX в. Это обусловлено следующими причинами. Именно в XX в. произошел «слом» традиционных культур этносов. Начиная приблизительно с 1920-х гг. шло их резкое изменение, связанное с техническим прогрессом, урбанизацией, глобализацией. Практически в этот период и сформировались современные культуры этносов. Традиционная хозяйственная деятельность была заменена производственными предприятиями; традиционную материальную культуру сменили товары фабричного производства; практически ушли в прошлое многие традиционные обряды; существенно изменились традиционные представления людей, что было обусловлено образованием и средствами массовой информации. Можно с известной долей вероятности сказать, что это был глобальный процесс. В нашей стране он происходил в советский период с соответствующей экономической, политической и социальной спецификой.

В то же время нельзя сказать, что в современных культурах этносов традиционных черт не осталось вовсе. Они значительно деформировались или приняли иные формы и, что самое главное, очень сложно вплелись в реалии XX в. Другими словами, сейчас в чистом виде нет ни традиционных (архаичных), ни современных (техногенных) культур этносов. Налицо сложнейшее сочетание архаичных и техногенных черт.

Реальные полевые исследования с указанными выше сложностями продолжают теоретические исследования по актуальным проблемам современности, во многом подтверждают или опровергают теоретические разработки и дают целый ряд совершенно новых выводов, которые даже не предполагались. На

взгляд автора, именно здесь можно ожидать нетривиальных результатов.

5

Позволю себе высказать замечание о том, что мешает современной полевой работе и накоплению полевых материалов в архивах и публикациях. Этнографы XIX — начала XX вв. при минимуме технических средств оставили нам в целом великолепные полевые материалы по своему времени как в архивах, так и в публикациях. Необходимо отметить, что именно на этих материалах базируются современные наиболее фундаментальные научные работы. При возросших технических средствах этнографы XX в. оставляют минимум полевых материалов. Причины этого следующие. Этнографы XIX — начала XX вв. в основном стремились оставить материалы следующим поколениям, они грамотно обрабатывали, архивировали и публиковали полевой материал. Этнографы XX в. «взяли курс» на аналитические статьи по полевым материалам, практически забыв о том, что любые выводы могут устареть, но никогда не «стареет» фактический материал, а для этого его надо грамотно архивировать и публиковать.

В первую очередь необходимо осознать, что традиционная схема описания этноса (от земледелия до верований), разработанная в конце XIX в. и прекрасно работавшая в конце XIX — начале XX в. и первой половине XX в., сейчас уже не отражает всех реалий современной этнографической действительности. Как показал полевой опыт кафедры этнографии СПбГУ последних семи лет по детальному изучению Северо-Западного региона Европейской части России, даже вопросы по данной программе, развернутые в современность, не спасают положения. Остается впечатление, что собиратель отразил всего 10 % реалий, бытующих в исследуемом районе. Причины того, что традиционная программа описания этноса «не работает» при полевых исследованиях современности, следующие. Ранее этнограф сталкивался с традиционной (архаичной) культурой практически в ее натуральном виде. Это традиционное хозяйство, носившее натуральный характер. Это дома, построенные носителями культуры, это одежда, сшитая ими самими. Это продукты, ими заготовленные, это собственный набор блюд, это традиционные свои рецепты пищи. Также это реально бытующие обряды, традиционные представления (суеверия) носителей культуры. Достаточно было описать традиционное хозяйство, носившее натуральный характер, и становилась ясной хозяйственная жизнь населения, так как другой производственной деятельности не было.

Современный этнограф сталкивается с другой — техногенной — культурой, куда сложно вплетены традиционные (арха-

ичные) черты. Это производственная деятельность, где традиционное хозяйство является лишь составляющей. Это проектные дома, где в ряде деталей используются традиционные элементы. Это фабричная одежда, где традиция проявляется лишь в выборе конкретных моделей. Это фабричные продукты, лишь дополненные своими традиционными продуктами. Это современный набор блюд в сочетании с традиционными блюдами. Это современные рецепты пищи в сочетании с традиционными рецептами. Это резкая деформация обрядов или практическое их отсутствие, информация о них существует лишь в памяти старшего поколения. Это представления носителей культуры, жестко определенные современными средствами массовой информации (телевидение, пресса), где частично сохраняются старые представления. Соответственно, этнографические реалии современности значительно сложнее описывать.

Интересно отметить, что слабая степень этнографической изученности городов стопорит и изучение сел. Сейчас в последних столько разнопланового и разновременного городского влияния, что село можно анализировать только при наличии серьезных этнографических работ по городской тематике, а их, к сожалению, очень мало. (Не будешь же делать планы с размерами современного пятиэтажного дома в деревне, проще взять данные из этнографической работы по типам городского жилища, однако таких работ еще нет.)

Исчезновение в современном поле традиционных черт практически сводит работу этнографа к «копанию в головах пожилых информантов». Это, конечно, очень важная информация, но в данном случае этнограф использует только метод опроса и практически не использует наблюдение. Это порою означает, что собираются только «картинки прошлого». Неадекватность реальности и собираемой информации интуитивно осознается учеными, считающими иногда, что они занимаются сбором не очень нужной информации.

Сложность полевого изучения современности порою приводит к тому, что функции изучения современности «негласно передают» социологам с формулировкой, что это их работа и их проблемы. На взгляд автора, это ошибка. Социология, безусловно, изучает современность, но только социологического ее изучения недостаточно. Это все-таки смежная наука со своими методами, задачами и тематикой. Соответственно, необходимо именно этнографическое изучение современности, где должны превалировать качественные описания современных реалий.

На мой взгляд, для эффективного полевого изучения современности в первую очередь нужна новая программа описания современного этноса. При этом хотелось бы подчеркнуть, что набор ее тем (реалий) можно определить только посредством кропотливой практической полевой работы. Необходимо отметить, что не спасают положение даже отличные программы по конкретным проблемам современности. Они не дают возможности собрать материал, отражающий общую картину современного этноса.

Нельзя не учитывать и тот факт, что в советское время, в годы застоя, под политическим прессингом практически нельзя было собирать, записывать и тем более публиковать правдивый фактический материал. Все давалось в завалированной форме. Сейчас нет политического прессинга, но инерция не называть вещи своими именами еще действует.

Наконец, ранее этнографам выделялось рабочее время как на сбор полевых материалов (экспедицию), так и на их обработку, архивацию и публикацию. Результатом труда считались сами полевые материалы как в архивной, так и в опубликованной форме, а не только аналитические статьи. Обработка и архивация полевых материалов в этнографии XX в. оставалась за скобками, все это делалось в личное время, по ночам. Результатом труда признавались только аналитические статьи. Публикации полевых материалов считались научными работами второго сорта. Обработка и архивация полевых материалов перешла из научной работы в лаборантскую. В результате ездить не перестали, а перестали обрабатывать полевые материалы, а иногда и просто перестали сдавать их в архив. Возникает вопрос: зачем тогда ездим собирать материалы, если их не обрабатываем, не архивируем, не публикуем.

Этнографы конца XIX — начала XX вв. при обработке полевых материалов четко различали следующие жанры: 1) копия полевого дневника; 2) содержательный отчет, где материалы дневника изложены в организованной форме, а не по мере записи; 3) записи впечатлений собирателя; 4) деловой отчет (описание проделанных работ); 5) финансовый отчет по экспедиции; 6) публикация полевых материалов (где только свои полевые материалы и конкретные выводы); 7) научная статья по полевым материалам (где свои полевые материалы и конкретные выводы, другие материалы, аналитический анализ и теоретические выводы); 8) доклад по полевым материалам (со спорными выводами и параллелями). Современные этнографы, простите за резкость, порою путают жанры полевого отчета и научно-фантастического романа.

Резкое изменение современной этнографической реальности, необходимость расширения предметной области этнографических и этнологических исследований, требование изучать новые темы осознаются этнографами. Дискуссия, опубликованная в журнале «Антропологический форум» № 1, показывает, сколько нестандартных для этнографии тем, т.е. современных этнографических реалий, волнуют сейчас этнографов. Но очень важно, чтобы эти исследования были обеспечены полноценными полевыми материалами.

Полевой материал есть исходный материал. Он рано или поздно будет подвержен критике. В то же время не будет никакой критики, а соответственно, и не будет признаваться наличие материалов, если полевые материалы не в читаемом состоянии или они хранятся не в архиве, а по домам с широко принятым сейчас сокращением ПМА — полевые материалы автора.

Необходимо отметить, что базовыми материалами для этнографии, этнологии, антропологии остаются все-таки полевые материалы. Если их не будет, то, несмотря на все успехи теоретических исследований по современным этнографическим, этнологическим, антропологическим проблемам, все равно будет замечено, что «король-то голый».

ЮРИЙ ЧИСТОВ

1

Многие считают происходящее в этих науках кризисом и более того, огульно крайне низко оценивают труды советских этнографов и антропологов. Мне кажется, что такой подход чаще всего связан с некритичным усвоением точки зрения ряда не слишком широко образованных западных исследователей, которые заранее считают, что все гуманитарные науки в СССР были рупором марксистско-ленинской идеологии. Мне довелось участвовать в 1997 г. в симпозиуме «Eastern Europe: Future of the Past», организованном американскими и канадскими коллегами, где обсуждалось будущее археологии, этнографии и антропологии в странах Восточной Европы. Ряд американских аспирантов, не владеющих ни одним из восточно-европейских языков, на этом симпозиуме активно рассказывали своим польским, украинским, российским, чеш-

**Юрий Кириллович
Чистов**

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

ским коллегам как неправильны были их теоретические подходы и как над ними довели установки коммунистической партии.

Я бы назвал то, что происходит в последние годы в российской этнографии и антропологии, процессом расширения теоретической базы и границ исследований. Вместе с тем, подспудная дискуссия о названиях наших смежных наук и широкое использование англо-саксонской терминологии (*культурная антропология, социальная антропология, физическая антропология* и т.п.), противопоставление этнографии и антропологии вносят, как мне кажется, довольно много путаницы. От того, что В.Я. Пропп называл себя фольклористом и не употреблял термина «культурная антропология», а Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз-Тан, Д.К. Зеленин, С.А. Токарев, Д.А. Ольдерогге и др. считали себя этнографами, никак не зависит их роль и заслуги перед мировой наукой. Многим же коллегам сегодня кажется, что если они говорят, что занимаются культурной или социальной антропологией, а не дай бог не этнографией или этнологией, то тем самым они декларируют свое превосходство над своими учителями, которые занимались теорией этноса и материальной и духовной культурой народов мира. Налицо стремление придумать массу новых названий субдисциплин, назвать изучение народной медицины и шаманских практик «медицинской антропологией», ввести в обиход термины «этноконфликтология», «антропология пищи», «этнокомпанология» и пр.

Казалось бы, в этом нет ничего плохого, если бы за скобками не стояло стремление, употребляя эти новые названия, дистанцироваться от всего того и плохого, и хорошего, что происходило в нашей науке за последние 70–80 лет.

У меня до сих пор есть желание называть то, чем я занимался всю свою жизнь, антропологией, а не физической антропологией и употреблять в научном исследовании термин «раса», имея при этом в виду биологическое разнообразие современного человечества на подвидовом уровне, а вовсе не различия в культурном и социальном уровне развития популяций человека. И я знаю, что со мной в этом согласится абсолютное большинство европейских и американских коллег, отбросивших за профессиональной беседой пресловутую, часто ложно понимаемую «политкорректность».

Ситуация, при которой публичное обсуждение этих научных вопросов стало невозможно в США и ряде других стран, не идет на пользу науки. Она тормозит обсуждение таких достаточно актуальных и нерешенных проблем, как проблемы путей расселения *Homo sapiens* по эйкумене, заселения американ-

ского континента. Антропология на Западе все больше и больше отходит от общих проблем изучения истории человечества, все больше и больше становится биологической лабораторной наукой, сосредоточенной на изучении болезней древнего человека, палеодиетологии и т.п.

2

Чрезвычайно важным считаю появление публикуемых в России журналов на английском языке («Археология, этнография и антропология Евразии», «Антропологический форум») и увеличивающееся год от года число публикаций на Западе (любая наука в любой стране, если она «варится в собственном соку», теряет очень многое). Усиливается тенденция к дискусионности, обсуждению проблем развития науки, а значит, у нее есть будущее. Думаю, что важную роль в этом должна сыграть инициатива редколлегии журнала «Антропологический форум» предоставить значительную по объему часть каждого выпуска нового журнала для дискуссии и обсуждения наиболее значимых проблем ряда смежных дисциплин.

Для меня как антрополога чрезвычайно важными событиями за последние годы стали регулярное издание журнала «Вестник антропологии» (ИЭА РАН), издание коллективной монографии «Сунгирский человек» (отв. редактор акад. Т.И. Алексеева), «Антропологического словаря».

Также следует отметить чрезвычайно положительную роль Программы фундаментальных исследований РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и Подпрограммы ОИФН РАН «Историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Эту положительную роль я вижу не только в финансировании исследований по ряду важнейших направлений и предоставлении существенных дополнительных возможностей экспедиционных работ, публикаций, участия сотрудников в конференциях и конгрессах и т.п., но и, прежде всего, в интеграции усилий исследователей разных научных и учебных центров.

3

С моей точки зрения, все темы, если ими занимаются талантливые ученые с достаточно сильной мотивацией к исследовательской работе, важны и перспективны.

4

Эта одна из самых серьезных проблем. Не стоит подробно объяснять, почему в советское время мы минимально печатались в европейских и американских журналах. Еще значительно более редким событием была публикация монографий на английском, французском или немецком языках. До сих пор, несмотря на индивидуальные усилия многих коллег, отечественные работы плохо знают, так как российские исследова-

тели все еще мало ездят на зарубежные конференции и конгрессы, мало выезжают на длительные стажировки, редко посылают свои статьи в ведущие западные журналы, плохо пишут (да и мало читают) на европейских языках. В «физической» антропологии всегда существовала проблема привлечения материалов с территории нашей страны для сравнительного анализа, и чаще западные исследователи сами стремились приехать в МАЭ или НИИ и Музей антропологии МГУ и померить ключевые коллекции, чем прочесть работы, опубликованные по-русски. Что же касается теоретических разработок, то мне самому приходилось не раз указывать зарубежным коллегам, что сходные с их идеями гипотезы были разработаны нашими антропологами еще 20–40 лет назад. Справедливости ради надо сказать, что были и хорошие примеры целенаправленной работы по популяризации работ российских антропологов. В частности, один из крупнейших антропологов XX в. профессор Ильзе Швидетцки, которая много лет возглавляла Институт антропологии в Майнце и редактировала журнал «Ното», специально выучила русский язык и рецензировала большинство ключевых публикаций советских антропологов. Значительная же часть американских антропологов достаточно наивно полагает, что все самые важные исследования обязательно публикуются по-английски. В этом можно убедиться, посмотрев список цитированной и использованной литературы в американских книгах и журнальных статьях.

Между тем, в последние годы серьезно обозначилась и такая проблема: с увеличением числа экспедиций наших иностранных коллег, работающих на территории России, накапливается число журнальных публикаций и книг, изданных за рубежом и оставшихся малоизвестными или совсем неизвестными для нас.

Что является очень существенным отрицательным фактором для научной работы всех российских гуманитариев, это резкое сокращение с начала 90-х гг. поступлений в научные библиотеки книг и журналов, издаваемых в других странах. К сожалению, на ряд периодических изданий подписка сокращена настолько, что их теперь не найти ни в одной российской библиотеке. Незнание новых публикаций существенно отражается на качестве многих исследований. Взгляните на библиографии в статьях и книгах, вышедших в последние годы, — в них стало совсем мало ссылок на последние зарубежные исследования. Мы снова попали в ситуацию изоляции, причины которой лежат не в идеологической сфере, а в бюджетном финансировании библиотек.

5 Я думаю, что все серьезные причины, которые можно привести, отвечая на этот вопрос, все равно так или иначе будут иметь финансовую компоненту. Старшему и среднему поколению, несомненно, мешают попытки работать одновременно в нескольких местах (при этом сочетание работы в академическом институте и преподавание в вузе является, очевидно, еще самым удачным вариантом). Сочетание же научной работы с переводами технической литературы, работой в издательстве, рекламном агентстве и т.п. совсем малопродуктивно, но достаточно часто практикуются научными работниками, пытающимися обеспечить прожиточный минимум своим детям.

Что касается молодого поколения, то конечно одной из главных причин является утрата у поколения 20–30-летних мотивации заниматься научной работой. Этому, с моей точки зрения, не способствует и проводимая реформа университетского образования. Кроме отсутствия выработанного стандарта образования в области этнографии и антропологии, отхода от старой, может быть не идеальной, но достаточно последовательной и логичной схемы, есть еще и общие проблемы в проведении этой реформы. Она старательно копирует европейскую и американскую систему, которая, может быть, и не хуже той, что существовала в наших университетах, но при условии сильной, продуманной и хорошо финансируемой системы обучения в магистратуре и аспирантуре/докторантуре. Проведя в середине 90-х гг. год в одном из самых престижных университетов Англии (университет Дарема), я прекрасно представляю себе, чем сильна западная система подготовки антропологов. Три первые года бакалавриата — это общие курсы, которые, тем не менее, дают возможность студенту проявить свое стремление к серьезному обучению и занятиям наукой (набрать как можно больше «кредитов» и получить за письменные, объективно оцениваемые экзамены-тесты оценки, близкие к 100 %). Преподаватели, нагрузка которых от силы составляет 6–8 часов в неделю, имеют возможность индивидуальной работы со студентами и в то же время интенсивно заниматься наукой. В магистратуре и докторантуре перед студентом открываются широкие возможности посещать специализированные курсы и семинары ведущих специалистов, возможности получения грантов, позволяющих месяцами заниматься полевой работой и сбором материалов для диссертаций, приобретать необходимое оборудование для научной работы. Российский же студент, понимая, что получить высшее образование необходимо (хотя бы потому, что это «спасет» на несколько лет от службы в армии), одновременно с учебой ищет хорошо оплачиваемую работу, занимающую практически все его время, оставляя для учебы лишь ночи перед экзаме-

нами. Такая ситуация, так же как и общение с преподавателями, которые «мечутся» между лекциями в нескольких вузах и попытками отчитаться за план научной работой в академическом институте, не способствует появлению выпускников вузов, которые хотели бы посвятить свою жизнь социально не престижной и плохо оплачиваемой профессии научного работника.

Несмотря на это, каждый год в кабинет директора МАЭ приходят молодые люди, которые, несмотря ни на что, хотят заниматься наукой, работать в музее. Среди этой молодежи много по-настоящему способных и самозабвенно преданных любимой науке девушек и юношей. При этом я отдаю себе отчет, что, если бы зарплаты научных сотрудников были бы достаточны для достойной жизни, а социальный статус научного работника не упал бы столь низко, конкурс желающих работать в МАЭ был бы гораздо больше, а критерии отбора кандидатов могли бы быть гораздо более серьезными.

Что касается ситуации в Санкт-Петербурге, то здесь следует отметить чрезвычайно положительную роль, которую играет в плане подготовки высококвалифицированных специалистов факультет этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Высокая конкурентность при приеме слушателей в магистратуру и аспирантуру, высокая квалификация преподавателей и правильная расстановка акцентов во время обучения дают прекрасные результаты.

В заключение хотелось бы упомянуть, что каждый руководитель научного коллектива любого уровня прекрасно знает потенциал и уровень работы своих сотрудников, но очень редко имеет реальную возможность (организационную и финансовую) стимулировать и поощрять достойных. Так же практически невозможно распрощаться с работником, не выполняющим свои прямые обязанности.

6

Мне представляется абсолютно правильным, что конгрессы Ассоциации этнографов и антропологов России имеют названия, которые определяют основную проблематику пленарных и секционных обсуждений. Тема предстоящего конгресса, который в 2005 г. организует МАЭ и другие этнографические учреждения Петербурга (кафедра этнографии и антропологии СПбГУ, Российский этнографический музей, факультет этнологии ЕУ СПб), — «Этнокультурные взаимодействия в Евразии». Мне кажется, что Президиум Ассоциации правильно поступил, выбрав в качестве темы конгресса название Программы фундаментальных исследований РАН, над которой работал большой коллектив сотрудников в десятках гуманитарных институтов Академии наук в 2003–2005 гг. Надеюсь,

что такой подход окажется более продуктивным, а обсуждение более предметным.

7

Занимаясь подготовкой конгресса, на который пришло немалое количество заявок (к настоящему времени около 1000 человек прислали заявки и тезисы докладов), я склонен думать, что такое сообщество виртуально существует. Тем не менее считаю, что Ассоциация этнографов и антропологов России, единственной целью которой является проведение конгрессов раз в два года, не выполняет своей функции и должна быть в ближайшее время реорганизована. В ней должны появиться комиссии (или комитеты) по интересам и направлениям работы, печатный или электронный информационный бюллетень, страница в Интернете, может быть, и более солидный печатный орган, членские взносы... Должны быть организованы дискуссии, в том числе и по вопросу разработки Кодекса профессиональной этики, документа существенно более важного, чем формальный Устав ассоциации, который обозначает ее существование на странице Института этнологии и антропологии РАН в Интернете.

ЮРИЙ ШЕВЧЕНКО

1

В этнографической науке, ведущейся исследователями данного поколения, — это теоретический тупик, выход из которого можно увидеть только с приходом новой генерации исследователей. Плодотворны разработки только частных проблем. Общие проблемы закрыты за отсутствием самого предмета изучения (см. п. 2).

Физическая антропология, стоявшая на позитивистских позициях, как естественно-научное направление развивается совершенно нормально, питаемая открытиями в области генетики, биологии и физиологии высшей нервной деятельности.

2

Событие, даже отрицательно воздействующее на науку, способно быть значительным, а подчас очень значительным. Таким, несомненно, был выход монографии В.А. Тишкова «Реквием по этносу». Значимость того или иного события всегда может быть оценена только по размаху историчес-

**Юрий Юрьевич
Шевченко**

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

ких последствий. Пока прошло не столь много времени, чтобы дать правильную оценку, но уже сейчас предсказуемы «сиюминутные» эффекты. И теперь понятно, что и монография, и ее инструментарий будут использоваться в чисто политических целях, например при спорах с пресловутыми «защитниками прав исконной нации» — «защитниками прав русского народа» (просто предвкушаются радостные возгласы В.В. Жириновского — или еще кого-нибудь из удобных политиков — типа: «А народа-то никакого и нет! — Наука доказала!»). Не исключено, что выход монографии вызовет обратный эффект: внутри научного сообщества сформируется направление из представителей новой генерации, которое посчитает необходимым вернуться к обсуждению теоретических проблем этнографии (антропология, как часть естествознания, находится в этом плане в более выгодном положении), и проблематика по теории этноса и теории процессов этногенеза вновь вернется на страницы научных изданий.

В области конкретной проблематики несомненным событием стало переиздание книги «Русская народная утопия» К.В. Чистова, в которой автор (и это явилось абсолютно новым) вводит исследуемое им явление «странничества в поисках Беловодья» в круг древнерусской литературы о «Хождениях», зачастую апокрифических (к Гробу Господню и в поисках Рая земного). Таким образом, сложилась цельная картина текстов от древнейших апокрифов раннего Средневековья до утопии Нового и Новейшего времени, связанных единством темы и общностью духовного поиска.

3 Любая проблема, существующая в качестве таковой, достойна решения. Бесперспективных проблем не бывает (если это проблемы, а не надуманные псевдопроблемы, какие некогда приносились в науку из идеологии).

О направлениях, от которых можно ожидать нетривиальных результатов. Аспект рассмотрения человечества как биологического вида в исследованиях Марины Бутовской — один из немногих аспектов, способный определить те общие закономерности, которые являются едиными и для человека, и для других живых существ; и то, что отличает человека от других видов живого (если таковое отличие в рамках позитивистского подхода имеется). Полученные результаты можно считать уже сейчас — до их получения — наиболее нетривиальными, какими бы они ни оказались.

4 Западные коллеги, выходящие за пределы «своей школы» (например, «школы Леруа-Гурана»), перестают быть специалистами в своем сообществе. Им и свои-то идеи высказывать трудно, что ж до российских — так они им и вовсе ни к чему!

Наши знания их идей и построений — не менее, чем в их собственных научных «школах»: они становятся нам известны по мере их появления. От нас западным коллегам нужен лишь «сырой» материал, на котором можно возвести здание собственного научного построения.

5 Авторитарность. Отстаивать свое мнение, пока оно было достижением и новым словом в науке, — дело доброе. Но часто исследователи забывают, что изменяются даже физические законы и константы Вселенной, а не только их выводы, некогда бывшие достижениями. Это один из основных камней преткновения в любой области науки. Говоря словами Феликса Кривина, *«и тогда, выйдя на широкую дорогу, он перестал рваться в краугольные камни и довольствовался скромной ролью камня преткновения»*.

6 Все, которые представляет научную проблему.

7 Такое, несомненно, имеется и воздействует на каждого, кто в него входит (каждый входящий в него это знает). Неплохо бы общаться более «плотно», невзирая на географические различия в изучаемых феноменах, чтобы сибиревед был слависту не только профессионально подготовленным читателем. Словом, эра узких специализаций подходит к концу... Основным и, пожалуй, единственным инструментом в этом процессе расширения узких специализаций может оказаться профессиональное сообщество. Наиболее продуктивным в этом плане будет интенсивное общение и высокоскоростной обмен информацией внутри самого сообщества.

ЯКОВ ШЕР

1 К сожалению, плохо слежу за публикациями, но в целом, по-моему, она ушла от марксистских догм и схем, успешно занимается конкретикой и ищет новые теоретические парадигмы.

2 Опять же, я лишен возможности следить за столичными новостями, но по взгляду из Сибири — это выход «Антропологического форума» и три последних встречи в Томске.

3 Глубокое изучение причин жизнестойкости ксенофобии и поиски средств ее преодоления. Анализ существующих в мире общих антропологических теорий, чтобы понять,

Яков Абрамович Шер
Кемеровский
государственный
университет

нужна ли новая теория или достаточно присоединиться к одной из существующих.

4

С обеих сторон учитываются недостаточно. Западные коллеги не знают русского языка. А наши (даже те немногие, что знают языки) не имеют доступа к западной литературе, особенно в провинции.

5

Не знаю, может быть, разобщенность.

6

См. п. 3.

7

Не знаю.

ВИКТОР ШНИРЕЛЬМАН

1

Думаю, что его по-прежнему следует трактовать как переходное. Во-первых, на смену советской парадигме так и не пришли столь же привлекательные концепции, способные вдохновить и увлечь за собой профессионалов. Речь не идет о выработке какой-либо очередной универсальной концепции. Концепций и подходов может быть много, и в этом нет ничего дурного. Однако теория у нас до сих пор не интегрирована с исследовательской практикой. Например, конструктивистская парадигма, у которой, на мой взгляд, есть хорошее будущее, остается в значительной мере умозрительной конструкцией (да простят мне читатели невольную тавтологию), не обеспеченной набором соответствующих методических приемов и исследовательских практик. Поэтому конструктивистский подход пока что не опирается на достаточную базу серьезных конкретных исследований. Во-вторых, даже название науки у нас остается неопределенным, и часто нелегко сказать, кто мы — этнографы, этнологи или антропологи (социальные, культурные)? Ситуация усложняется параллельным появлением, во-первых, культурологии, вобравшей в себя весьма разношерстную команду, начиная с бывших марксистских философов и историков КПСС и кончая историками, филологами и

пр., проводящими очень разные по качеству исследования, а во-вторых, социальной антропологии, включившей бывших социологов, далеких от традиций британской социальной антропологии. В аналогичной ситуации в начале 1980-х гг. оказались американские культурные антропологи, с удивлением обнаружившие появление рядом с собой культурологии (Cultural Studies), созданной писателями, филологами и публицистами, заинтересовавшимися социальным контекстом культуры и особенностями ее усвоения общественностью. Вначале американские антропологи пережили шок, но затем нашли, что оба направления способны развиваться параллельно и в определенном диалоге друг с другом. Я вижу в этом больше позитивного, чем негативного, ибо здоровая конкуренция способна стимулировать творческое начало и отход от устаревших догм и парадигм.

2

Самым важным и трагическим для всего нашего научного сообщества событием считаю убийство 19 июня 2004 г. известного этнолога и правозащитника Н.М. Гиренко. Это не только горькая утрата для тех, кто хорошо знал этого исследователя, но и свидетельство того, что наша наука покидает башню из слоновой кости и начинает приобретать все возрастающее общественное значение. Заслуги западной антропологии в борьбе с расизмом и деле защиты прав культурных меньшинств общепризнанны. Мы же, гордящиеся именем Н.Н. Миклухо-Маклая, до сих пор делали недостаточно для продвижения в общество подлинно гуманных идей и противостояния расизму и шовинизму. Между тем социально-культурная антропология всегда отличалась чутким отношением к проблемам меньшинств и нетерпимостью к расизму и шовинизму. Поэтому-то я и рассматриваю убийство Гиренко как значимое для нашей науки событие, способное заставить специалистов обратиться лицом к окружающей нас действительности и задуматься об общественном смысле и назначении наших исследований.

3

В нашей области значимы те проблемы и направления, от которых можно ожидать ответов на жгучие вопросы современности. Это, разумеется, не означает, что следует вовсе забросить изучение исторической этнографии или традиционной народной культуры, но означает, что, чем бы ни занимался специалист, он не должен забывать о том, что результаты его исследований получают определенный общественный отклик. Занятия исторической этнографией или традиционной народной культурой становятся особенно перспективными, если исследователь открыто ставит вопрос о том, чем историческая этнография или традиционная народная культура интересны современному человеку, какую функцию эти знания несут в

нашем обществе. Иногда полагают, что специалист не отвечает за использование своих результатов. Разумеется, специалист не способен предвидеть все возможные варианты. Но и не следует забывать слова Э. Хобсбаума о том, что историки нередко делают для националистов то же, что производители опиума для наркоманов. Думаю, что это приложимо и к нашей науке. Чуткое отношение к общественному климату, понимание феномена политизации науки, учет социального контекста наших исследований и социальной роли добываемых нами знаний позволяют ученому избегать расставленных ловушек. А публичные выступления и популяризация научного знания самими учеными ставят заслон нечистоплотному использованию научных данных политиками. Поэтому одним из перспективных направлений мне представляется изучение диалога между нашей наукой и общественностью: чего она от нас ожидает, как используются наши данные в социальном дискурсе, в каком виде они воспроизводятся в СМИ, политических выступлениях и даже школьных учебниках, какую роль они играют в контексте новых этнополитических идеологий. Эти исследования имеют и исторический аспект — важно понять, какую помощь и в какой обстановке этнографы оказывали государственным структурам для проведения той или иной политики. Другой назревшей проблемой, вставшей перед обществом, является расизм. Как случилось, что в России, славящейся своим культурным и этническим многообразием, началось распространение расовых теорий, что их питает, есть ли в этом и доля нашей вины? Мне представляется, что ответ на эти вопросы является нашей прямой обязанностью, и изучение расизма в современной России должно стать одним из важнейших направлений наших исследований.

4

Разумеется, российские этнографы всегда много лучше знали западную науку, чем западные ученые — нас. Это в особенности касается эпохи Российской империи, когда российские интеллектуалы хорошо владели западными языками и даже имели возможность проводить исследования за рубежом (тогда же Миклухо-Маклай). В советское время ситуация ухудшилась, но и в тот период у нас имелись специалисты, владевшие иностранными языками и хорошо знавшие западную литературу. Правда, чаще всего они были теоретиками, полевыми исследованиями не занимались, и между ними и практикующими полевыми существовал определенный разрыв. Тем не менее у нас всегда имелись специалисты, способные читать лекционные курсы по западной антропологии или даже писать серьезные аналитические работы о западной науке. Напротив, среди западных антропологов лишь единицы имели возможность проводить полевые исследования в СССР, и поэтому до

1990-х гг. на Западе о нашей науке было мало что известно. За последние 10–15 лет ситуация значительно изменилась. Этому способствовали несколько факторов. Во-первых, целый ряд молодых зарубежных антропологов (как западных, так, скажем, и корейских, японских, израильских), знающих русский язык (а иногда и языки других народов России), стали регулярно проводить свои исследования в России. Во-вторых, немало молодых россиян, уехавших на Запад, начали заниматься исследованиями в России. Наконец, в-третьих, сами российские ученые стали часто бывать на международных конференциях, получать долгосрочные стажировки за рубежом, а иногда даже проводить там свои собственные исследования. Это сделало их полноправными членами международного сообщества антропологов и позволяет зарубежным ученым легко знакомиться с их работами. Разумеется, за рубежом лучше всего знают тех ученых, кто часто там бывает и широко там публикуется. Вместе с тем популярности российской науки за рубежом мешает ее слабая теоретическая база, отсутствие оригинальных идей и концепций.

5

Во-первых, слабая теоретическая подготовка многих наших специалистов. Во-вторых, ориентация на традиционную этнографию, неумение и, нередко, нежелание искать новые современные проблемы. В-третьих, недостаточное знание зарубежного опыта (как фактов, так и теоретических подходов к их оценке) и недооценка возможностей сравнительного анализа, который только и позволяет создавать новые концепции и теории. В-четвертых, плохое знание истории нашей науки (в особенности, в ее социально-политическом контексте). В-пятых, искусственное ограничение себя исключительно этнической тематикой. В этом я согласен с В.А. Тишковым и полагаю, что мы могли бы расширить свое поле за счет более широкого подхода к культурному контексту. Разумеется, этому мог бы поспособствовать статус «культурных антропологов», а не этнологов.

6

Мне кажется, конгрессы нужны, во-первых, для того чтобы обсуждать новые теоретические подходы, способствующие более глубокому осознанию получаемых нами материалов, независимо от нашей региональной специализации. Во-вторых, как площадка для обмена опытом, что особенно важно для молодежи, получающей уникальную возможность услышать выдающихся ученых и даже завязать с ними контакты (на конгрессах западных антропологов принято приглашать таких ученых для выступления со специальной лекцией). В-третьих, на конгрессах должны обсуждаться важные для всех морально-этические проблемы: как собирать и как публиковать данные, не ущемляя прав и не ставя под удар своих информаторов, как отвечать вызовам шовинизма и расизма, как относиться к

коллегам, симпатизирующим шовинизму и расизму. Например, американские антропологи уже давно разработали кодекс моральных норм, которыми должен руководствоваться антрополог. Он издан, и каждый может с ним ознакомиться. Как будто бы на Рязанском конгрессе шла речь о таком кодексе, но не видно, чтобы специалисты знали о нем, не говоря о том, чтобы им руководствовались.

7

Сообщество, безусловно, необходимо, и конгрессы служат его созданию и укреплению. Но, кроме этого, следует активнее приглашать известных специалистов из одних научных учреждений и университетов в другие для чтения одноразовых лекций или целых курсов. Это вело бы к созданию единой сети знания, улучшило бы обмен информацией между специалистами из разных городов и республик, помогло бы местной молодежи сориентироваться в научной конъюнктуре. Следует также стимулировать интернет-общение между специалистами. Нужно иметь сайты, куда любой специалист мог бы свободно обратиться с интересующим его вопросом и с уверенностью в получении квалифицированного ответа от коллеги. Наконец, давно пора реализовать проект «Кто есть кто в российской этнологии». Планы такие неоднократно возникали, но работа до сих пор не закончена.

АНАТОЛИЙ ЯМСКОВ

О современном состоянии русской этнографии

Накануне VI конгресса этнографов и антропологов России у меня уже во второй раз появляется возможность высказаться о сложившемся в отечественной этнографии положении¹, что само по себе очень показательно и, несомненно, является положительным знаком. Ведь это означает, что в профессиональном сообществе назрела необходимость осмыслить результаты последних бурных полутора десятилетий развития науки с их критическим пересмотром теоретического наследия советской периода, активными, но и хаотичными поисками

**Анатолий Николаевич
Ямсков**
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

¹ См.: Ямсков А.Н. О специфике русской этнографии и ее восприятии географами // Этнографическое обозрение. 2005. № 2 (в печати).

новых направлений исследований и методологических подходов в дисциплине¹.

1

Современное состояние российской этнографии представляется мне крайне неоднозначным и достаточно парадоксальным. С одной стороны, произошло резкое, по сравнению с первой половиной — серединой 1980-х гг., расширение проблематики исследований и обогащение дисциплины за счет новых методов и концепций зарубежной науки, которые стало возможным не только критически анализировать, но и широко применять в собственной работе. Кроме того, огромным и бесспорным достижением являются организация Ассоциации этнографов и антропологов России и проведение серии ее конгрессов, появление новых журналов и серийных изданий, общий рост количества публикуемых монографий и сборников, укрепление общественного статуса дисциплины. К сожалению, все это сопровождалось и явными проявлениями «болезней роста»: снижением качества подготовки публикуемых текстов, заимствованием западных концепций в подчас крайне упрощенной либо просто неадекватной форме, падением интереса к работе своих коллег и замыканием в достаточно узких тематических рамках собственных исследований. Впрочем, можно надеяться, что с течением времени эти недостатки смягчатся, а то и вовсе исчезнут.

Однако действительно серьезной проблемой, на мой взгляд, является иное — очевидное и продолжающееся уменьшение роли классических по своей проблематике этнографических работ в общем массиве научной продукции вследствие преимущественного развития междисциплинарных и ставших в эти годы явно конъюнктурными областей исследований. При этом они чаще всего имеют выраженный прикладной характер, и в первую очередь в данном контексте следует упомянуть этнополитологию, т.е. изучение этнических конфликтов, разработку основ национальной политики в России, исследования этноизбирательных миграций, пропаганду этнической толерантности. Хотя я и сам, вследствие профессиональной подготовки и интересов, как раз работаю в сфере этноэкологии и этносociологии или прикладной этнологии, а в первой половине 1990-х гг. много писал по этнополитологии, но мне кажется, что развитие периферийных или стыковых направлений плодотворно лишь тогда, когда ядро дисциплинарного знания тоже продол-

---

¹ Под этнографией ниже понимается та область исследований в сфере социальных наук, которую в различных странах именуют также этнологией, народоведением, культурной или социальной антропологией, отражая тем самым различия в методологии и тематике исследований. Впрочем, в последние годы в России за выбором этих терминов иногда стоят лишь вкусы либо тяга к новому и заграничному, и не более того.

жает успешно развиваться. Иначе мы в итоге рискуем потерять ту точку опоры, на которой стоят прикладные и/или междисциплинарные исследования. Кроме того, проблема несбалансированности развития различных направлений науки в последние примерно 15 лет важна не только в теоретико-методологическом плане, но и в чисто практическом: молодые специалисты, приходящие в нашу дисциплину, ориентируются чаще всего на эти междисциплинарные сферы исследований и именно их считают «современной этнографией/этнологией/антропологией». Подобная точка зрения, по сути отождествляющая этнографию с изучением этнических конфликтов или разработкой основ «национальной и федеративной политики», формируется и в общественном сознании образованных групп населения страны. Все это в перспективе чревато серьезным кризисом идентичности профессионального сообщества этнографов и соответствующих институтов.

2

Думается, что в рамках дисциплины основным событием последних нескольких лет остается подготовка и издание масштабных справочных коллективных монографий из серии «Народы и культуры». Что касается моей области интересов, то для этноэкологов чрезвычайно интересной была вторая конференция «Экология древних и современных обществ» (18–22 ноября 2003 г., г. Тюмень), материалы которой опубликованы в одноименном сборнике в том же году. В нашем секторе этноэкологии ИЭА РАН тоже опубликован сборник «Этноэкологические исследования» (М., 2004), в ближайшие месяцы выходит сборник «Этноэкологические аспекты духовной культуры» (М., 2005), в них есть обзорные статьи по данному направлению и соответствующие библиографии, что окажется весьма важным для специалистов. Кстати, оба сборника включают не только тексты сотрудников сектора, но и доклады, прочитанные на этноэкологических секциях конгрессов Ассоциации в Москве и Нальчике.

3

О перспективности тех или иных направлений научных исследований могут наиболее квалифицированно судить, прежде всего, директора или ученые секретари институтов либо члены редколлегий профессиональных журналов, т.е. те, кому по долгу службы приходится читать или просматривать значительную часть текущих публикаций.

Но, говоря в более общем плане, мне кажется, что многообещающим является методологический подход, предполагающий изучение той конкретной роли культурных норм, ценностей и стереотипов, создающих своеобразие группы, которую они играют в повседневном поведении и жизнеобеспечении членов указанной группы. При этом данная группа не обяза-

тельно должна совпадать с этнической общностью, т.е. типичная для советской этнографии этническая парадигма с ее стремлением все и вся непременно связывать с этносами далеко не всегда является оправданной. В качестве примера сошлюсь на исследования Г.А. Комаровой¹, которая в загрязненном радионуклидами бассейне реки Теча выделяла такие социокультурные группы, различавшиеся по бытовому поведению и, соответственно, по получаемым с пищей и водой дозам дополнительного радиационного облучения, как «мусульманская, татаро-башкирская и русская».

Кроме того, в моей сфере интересов ожидаются крайне важные в практическом (политическом) смысле выводы этнодемографического и этногеографического характера, которые уже появляются и еще будут получены в процессе анализа материалов переписи населения 2002 г. и их сопоставления с данными 1989 г.

4

Западные коллеги, работающие в области изучения населения постсоветских государств, как правило, хорошо знают работы российских специалистов, но вот широкая научная общественность за рубежом о последних по-прежнему практически не осведомлена. Даже появление опубликованных на Западе статей и монографий наших специалистов принципиально картины не меняет, ибо слишком несопоставимы силы в мировом научном сообществе. Малочисленные отечественные этнологи, работающие в России и лишь небольшую долю своих трудов печатающие за рубежом, всегда будут теряться среди подавляющего большинства американских ученых, доминирующих в современной англоязычной мировой науке.

Отечественные специалисты, по крайней мере молодого и среднего возраста, обычно относительно неплохо знают западные работы, относящиеся к области их научных интересов. К сожалению, в 1990-е гг. некоторые из них по сути «переболели» (хочется надеяться, без хронических последствий) постмодернизмом в его весьма примитивизированной и вульгарной форме. Однако поскольку и на Западе мода на него сходит², а допускавшиеся постмодернистами крайности, как и следовало ожидать, ныне вызывают лишь недоумение у профессионалов, можно надеяться, что и у нас, пусть и с запозданием, но все же здравый смысл вернется к неопитам. Однако после пост-

¹ Строго говоря, Г.А. Комарова говорит о «моделях поведения», но очевидно, что им соответствуют группы населения. См.: *Комарова Г.А.* Предтеча Чернобыля: этнокультурные аспекты экологической катастрофы на р. Теча. М.: изд-во ИЭА РАН, 2002. С. 235.

² Это проявилось уже в 1993 г. на Конгрессе МСАЭН в г. Мехико. См. подробнее: *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* XIII Международный конгресс этнологических и антропологических наук // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 161–162.

модернизма и благодаря ему останется главное — критическое отношение к любому этнографическому тексту и «этнографическому факту» как несущим на себе печать личности того, кто их написал или описал. Вот этот урок постмодернизма, хочется надеяться, мы твердо усвоили.

5 Продуктивной, т.е. многолетней, целенаправленной, работе исследователей над проблемами фундаментального/академического характера мешают, прежде всего, финансовые проблемы. Во-первых, из-за них часть специалистов уходит, полностью или частично, в наиболее конъюнктурные и потому лучше оплачиваемые (по грантам, хоз. договорам и т.п.) области. Во-вторых, очень многие этнологи вынуждены активно заниматься преподаванием, что также отнимает массу времени и сил, хотя и позволяет при этом работать не только в политизированных сферах этнографии и смежных наук.

6 Полагаю, что конгресс призван, в первую очередь, дать своего рода «моментальный снимок» состояния этнографии, антропологии и смежных областей исследований в нашей стране в данный период времени. Поэтому следует печатать все резюме заявленных докладов, если, конечно, они отвечают профессиональным критериям, а на стадии подготовки имеет смысл включать в информационное письмо все заявленные/предложенные секции, так чтобы именно члены научного сообщества сами решали, что вызывает у них интерес и желание участвовать в обсуждениях, а что — нет. Публикуемый сборник резюме заявленных докладов конгресса не несет в себе (исключая, возможно, тексты некоторых пленарных выступлений) и, более того, не может иметь какой-либо иной научной ценности, кроме как максимально полного отражения современного состояния реальных профессиональных интересов и направленных конкретных работ активной части отечественных ученых.

7 Факт активного участия многих российских специалистов в нескольких конгрессах Ассоциации этнографов и антропологов доказывает, что такое сообщество либо уже возникло, либо, как минимум, успешно формируется. Поэтому в дополнение к деятельности (и всемерной поддержке!) профессиональных журналов и серийных изданий стоит максимум усилий направить на поддержание этих регулярных конгрессов и, в частности, на помощь тем специалистам, которые хотели бы в них участвовать лично. Также очень важно в современных условиях развивать профессиональную сеть этнографов в Интернете, через сайты институтов и журналов и их специализированные страницы, способные обеспечивать двусторонний обмен информацией по электронной почте. Однако это, увы, требует значительного финансирования.